

ВІЛЬНЕ

ВОЛЬНОЕ

КАЗАЧЕСТВО

КОЗАЦТВО

10-25 Serpna 1932.

Volné Kozáctvo

Ročník V.

10-25-го авгус. 1932 г.

110-111

10-25-го серп. 1932 р.

П Р А Г А

П Р А Г А

ГОД ИЗДАНИЯ 5-ый

РІК ВИДАННЯ 5-ий

СОДЕРЖАНИЕ.

1. Борис Кундрюцков: Шелудяхова слеза. (Šeludjachova slza).
 2. Санжа Балыков: Ханский указ. (Chanské nařizení).
 3. Павел Поляков: Смерть матери Юговичей. (Smrti matky Jugovičů).
 4. Ив. Томаревский: Казачьей молодежи. (Kozácké mládeži)
 5. С. Савицкий: Воскресни, Козацтво. (Verše).
-
6. А. Ленивов: Великое Войско. (Veliké Vojsko Kubanské)
 7. Чужинец: Немецкое казакофильство в конце XVIII и в первой половине XIX века. (Německé kozakofilství koncem XVIII a začátkem XIX st.).
 8. П. Фадеев: Лето 1918 года. (Léto 1918).
 9. В. П. Елисеев: (В. Петров): Радость — плач. (Radost — pláč).
 10. С. Савельев. О казачьей оси. (O kozácké ose).
 11. Ш. Балинов: Вынужденный отклик. (Vynucená odpověď).
 12. И. Билый: Полк. Соламахину и „К. К.“. (Plukovníkovi Solamachinovu a „K. K.“).
 13. А. Т. Жуков: Нашим противникам из „К. К.“. (Našim protivníkům v „K. K.“).
 14. Думы и мысли.
 15. Балабин: И мое слово к ген. Науменко. (Moje slovo gen. Naumenkovi).
 16. Б. Кундрюцков: „Кавказскому казаку“. („Kavkazskému kozákovi“).
 17. Павел Поляков: Казачьи фельетоны. (Kozácké feuilletony).
 18. Казачья эмиграция. (Kozácká emigrace).
-

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК.

Неизвестному автору из Горно-Ореховице. Ваша рукопись слишком неразборчиво написана и не подписана. Без подписи ничего не печатаем.

Франция. — И. А. Б. — Получено. Привет.

Казанлик. — М. Б. — Получены. Журнал высылается. Привет.

Франция. — П. К. — Посылается. Привет.

Франция. — В. М. — Исполнено. Привет.

Жабаль. — К. М. — Получено. Привет.

Тулуза. — X. — Высылается. Привет.

Парагвай. — А. А. — Ответ будет письмом. Привет.

Бразилия. — С. С. — Одержали. Вітаємо.

Польша. — О. К. — Одержали. Висилаємо.

Австралия. — И. К-ров. — Получено. Привет.

Сливен. — А. Ш. — Получено. Привет.

Франция. (Castelnau) — С. — Получено.

Привет:

Франция. — П. С. — Попытаемся разузнать. Привет.

Бухарест. — Г. П. — Одержали. Вітаємо.

Южин. — В. Б. — Будет помещено в следующем номере. Привет.

Бор. — X. Д. — Посылается. Привет.

Лион. — Т. X. — Получено. Привет.

Гонорар не платится.

Не принятые к напечатанию рукописи не возвращаются.

Представители журнала „Вольное Казачество — Вільне Козацтво“:

В Ч. С. Р.:

В БРНО: Виктор Карпушкин.

В БРАТИСЛАВЕ: И. И. Безуглов.

В ЮГОСЛАВИИ:

Б. А. Кундрюцков. Белград.

А. Чекин. Крагуевац.

Г. В. Алферов — Мраморак.

В РУМЫНИИ:

В. П. Елисеев. M-eur Elisseeff, Cluj.

С. М. Маргушин. M-eur Margouchine.

Bukarest V.

А. К. Бабков. M-eur Babkoff, Galatz.

В ПОЛЬШЕ:

Б. В. Фесенко. Варшава.

С. Тулаев. — W. P. S. Tulajew, Wilno.

А. Кирьянов. Августов.

Вл. Еремеев. W. P. Wl. Ieremiejew, Grajewo.

В БОЛГАРИИ:

П. Н. Кудинов. Александрово.

Н. Егоров. Лом.

В О ФРАНЦИИ:

Ш. Н. Балинов. Париж.

А. К. Ленивов. M-eur Lenivoff; Lyon.

Т. К. Хоруженко. M-eur Khoroujenko; Lyon-Vaise.

И. В. Чуприна. M-eur I. Tchouprina. Cenon (Gironde).

С. К. Поляков. M-eur S. Poliakoff, Rombas.

В СЕВ. АМЕРИКЕ:

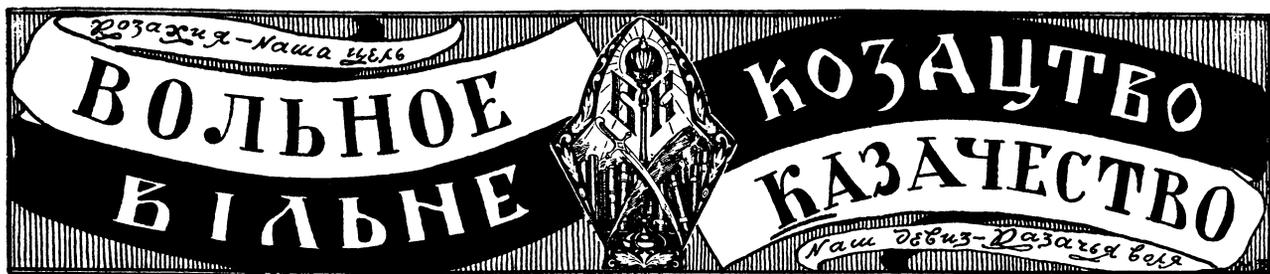
А. Д. Аникушин. M-r Anikoushine. Cleveland, (U.S.A.).

В ЮЖНОЙ АМЕРИКЕ:

С. Савицкий. S. Savytzky. Brasil.

НА ДАЛЬНОМ ВОСТОКЕ:

И. Константинов. Харбин.

— VOLNÉ KOZÁCTVO — LES COSAQUES LIBRES —

Иллюстрированный двухнедельный журнал литературный и политический.

(Vychází 10 a 25 každého měsíce).

Редактор И. А. Билый.

Редакция и администрация: Praha - Vinohrady, Hradecká, 2207. Tchécoslovaquie.

№ 110—111

10—25 августа, 1932 = 10—25 сентября, 1932.

№ 110—111

Борис Кундюков. (Белград).

Шелудяхова слеза.

(Сказ).

Пораскинулась Астрахань шумная...
Васька Ус правит год с небольшим.
Власть казачья, по правде, разумная
Все сердца привлекла давно к ним.
И торговля идет оживленная,
Веселится монгол и русак...
Ночь приблизится теплая, темная —
Запевают о Воле казак...
Погорели боярские башни,
Без запоров стоят ворота,
Стал хозяином люд и на пашне
Деловая теперь суета...
Отошли, позабыты оброки,
И подушная подать, налог;
Осужденным окончились сроки
И в амбар обратили острог...
Васька Ус правит, твердый и смелый,
Стеньки Разина он старшина,
И в казачьей руке загорелой
Ровно солнце горит булава...
В тех хоромах, где князь веселился,
Где лилося вино на шелка, —
Атаманский конвой поселился
Из осьмого лихого струга...
Пятьдесят молодцов понизовых —
Кагальник и Тузлов им — родня,
И на их чекменях бирюзовых
Откидные теперь рукава...
И папахи — как снег, верх им алый, —
Заглядевшись, станешь что пень...
И штандарт голубой, а в овале
Пораженный стрелою олень...
И не даром в Кругу побледнели
С Атаманом Донским Войсковым,
Когда Разина речи гремели:
— Ты правь Войском своим, я — своим!
Что с Москвы не пришли к вам подводы?
Чьи холопы вы, слуги кого?..
Не страшусь я, казак, воеводы,
И не страшен — кто выше его!..

Повернулся и звякнули шпоры,
Закачался штандарт голубой —
Провожали их долгие взоры,
Когда шли по дороге степной...
И казак не один собирался
И колонну в степи догонял,
А Корнило всю ночь убивался,
Но за Правду Казачью не встал.

Пораскинулась Астрахань шумная,
Васька Ус правит с Кругом давно,
Но покрылось морщинами умное
Казака огневого чело...
Вести — черные птицы нежданные —
Без конца, все тревожа, летят:
На Дону холуи окаянные
Выдать Разина русским хотят...
И хоть встал Крымский Хан, Дорошенко,
Князь собрал Милославский полки.

— Да где-ж наш запроторился Стенька?
Вопрошали вчера казаки.
Невеселый стал Васька, не знает, —
Нет от Разина с Дона вестей,
И напрасно гонцов посылает —
Не приносят обратно костей.
Видно кто-то залег по дорогам:
Стережет и тропинки, и шлях...
И навстречу плывущим врагам
Вызывается встать Шелудях...

— Гей, Василий!.. Враги подступают!
Стенька наш затерялся, видать...
Люди стены кругом укрепляют,
Да навстречу бы надо послать...
Дай ты мне тысяч пять, я устрою
Баню жаркую им — будут знать...
Милославскаго я успокою,
За одно и московскую рать...

— Подожди, Федор!.. Вышлем навстречу...
Алексей пущь идет Карташнов...

И зарею на бранную сечу
Алексей поднимал казаков.
Обошли и к протоке подкрались,
Притаились, сигнала лишь ждут.
Москалей не видать, окопались,
За высокий укрылись редут...
Алексей Карташнов помолился
И хотел кистенем размахнуть,
Как сзади вдруг глухой раскатился
Пушки выстрел, навевяши жуть...
На мгновение одно задержался...
— Что случилось?..

Взмахнул кистенем —
Гик казачий вслед ревом раздался,
А враги отвечали огнем...
Шашки в теплой крови задымались,
Зазвенела каленая сталь,
На редуте грудь с грудью схватились.
Пел кистень, говорила пицаль...
Окровавленный, бурей носился
Средь врагов Алексей Карташнов,
Рядом юноша — сын его — бился
И валил, как косою, врагов...
Алексей где не вдарит — готово...
В кучу влезет и — нет никого...
Уж полковник без стона, без слова
Под кистень повалился его...
У шатра князь за саблю схватился —
Засияли брильянты колец...
Алексей на него устремился...

Перенял Астраханский гонец:
— Карташнов, Шелудях извещает:
Умер нынче Василий наш Ус...

Алексей, побледнев, отступает.

— Полно врать... Что ты?..

— Богом клянусь...

И обвел взором диким, горящим
Карташнов казаков и... повел
Прочь с редута... И с сердцем щемящим
В городские ворота вошел...
Их закрыли стальными цепями,
Привалили к ним каменный груз,
И неслося со стен над домами:

— Умер Васька, гей!.. Умер, гей, Ус!..

А на площади людной, шумливой,
Где калмыцкий кончается шлях,
Словно каменный, стал молчаливый
Есаул Усов — дед Шелудях.

— Казаки, Астраханцы, над вами
Принимаю за Ваську я власть,
Время мало... Игра — головами...
Город наш-же, не должен он пасть.
До конца...

— До конца!..

повторили.

Рядом встал Алексей Карташнов.
Тут казачьи литавры забили,
Обнажились сотни голов...
И варили смолу и таскали
С кипятком вверх на стены котлы,
Ядра в пушки, спеша, забивали,

И запалы на части секли...
Порешили — не сдать боярам,
Вольной Воли гнездо не отдать, —
Коль возьмут, так возьмут не задаром,
Не потешать московскую знать.
Шелудях с Карташновым на вышке,
Там, где вьется лазурный штандарт,
Смотрят вдаль, где от выстрелов вспышки
Среди ночи, как зори, горят...
От костров будто в пламени город,
Лихорадочный пыл всех объял —
Давит Федора шелковый ворот
И папаху он белую снял...

— Окружают московские бредни...
Эх, красавица Астрахань!.. Вот,
Коль падешь ты — погибнет последний
Стеньки Разина грозный оплот...
Васька Ус, не дожил ты, чтоб вместе
Бок о бок мы за Волю легли...

— Атаман, есть московские вести:
Двух посланцев к тебе привели.

По широким ступеням стучали
На подковах стальных каблуки —
Два посланца от русских предстали,
Оба русских — свои-ж казаки,
Что Москве передались с Корнилой
За хлеба, за гроши, за чины...
Кто противился — гнали тех силой,
Убивали совсем без вины...

— А, станичники! В гости... Подмога...
Шелудях, усмехнувшись, сказал.

— Мы от князя...

— Я думал... от Бога...

С чем порадовать барин прислал?

— Князь Черкасский в шатер приглашает —
Как посредник меж вами двумя —
Милославского он распекает...
Привели за тобой мы коня...

— Князь Черкасский... Хо-хо... Распотешил!

— Он пропустит, сказал, на стругах...
Кто захочет...

... — Потом, чтоб повешал! —
Пусть останется сам в дураках...

— Он сказал: коли струсит, скажите:
Слово княжее Федьке даю...
Вы коня моего поведите,
Да оденьте вы сбрую мою...

— Струшу я... Так, собака, сказала?...
Так поеду.., Но, только сказать:
Наша Астрахань крепкою стала
И что надо врагам оступать...
Где ваш конь?..

— Эй, не езд, станичник!..

— Что?.. Оставь, Алексей, я — казак,
И не может над вольным опричник
Подшутить безнаказанно так...
Где значек? и насеку подайте...

Он на князя садится седло...

— Ворота поживей растворяйте,
Я вернуся назад засветло...

Ночь бледнела, к концу приближаясь.
Потянуло туманом с реки.
Кони мчались... К седлу наклоняясь,
Были хмуры послы-казаки...

Что-то мучило совесть, томило...
И один повернулся в седле:

— Шелудях!..

— но молчание было

На призыв тот в предутренней мгле.

Отвернулся от них и на гриву
Уронил в серебре повода;
Конь на шаг перешел, в такт мотиву
Закачалась его голова.

И запел Шелудях потихонько:

— Как у нас то на Дону,
Во Черкасском городе,
Старики там пьют-гуляют,
По беседушкам сидят..
Старики там пьют-гуляют,
По беседушкам сидят,
По беседушкам сидят,
Про азовцев говорят!..

Песня нежной тоскою впилась...
Из-под белых бровей полегоньку
По морщине слеза пролилась.
Не видали ее, но... слышали.
Опустили, потупили взор.
Так в молчаньи печальном скакали...

Вырос темный широкий шатер...
Два стрельца вмиг подняли завесу.

Шелудях внутрь шагнул и... застыл, —
Прислонившись к крутому навесу,
Князь Черкасский клинок обнажил.
Навалилися сзади, схватили, —
Покачнулся старик Шелудях...
Как колодки на ноги забили,
Князь приблизился с злобой в глазах:

— А, попался!.. Россию святую
Поносил ты и предал царя!..

— Придержи-ка язык и впустию
Не болтай-ка, сиятельный, зря...

— Как ты смеешь на князя, как смеешь?
Русский князь сам с тобой говорит!

— Я — казак и ничей, разумеешь?
А доверившись хаму, — погиб!..

— Увести... Увести... Передайте
Милославскому тотчас его.

Повернулся старик: А вы — знайте:
Не боится казак ничего!..

Из шатра почти вынесли деда.
Затоптали штандарт голубой...
Так досталась русским победа,
Над ватагой Степана лихой...

.....
Изменилася Астрахань!.. В море
Волга мчит свои воды-красу,
Но не смыть ей казачее горе,
И его, Шелудяха, слезу...

Санжа Балыков.

Ханский указ.

(Калмыцкая сказка).

Во времена стародревнего покоя и всеобщего довольства жил-был один счастливый хан. В ханстве его царил порядок, довольство и благочестие; имел он красавицу ханшу, которую как душу свою любил и, как самому себе, ей верил. Было у хана много и других земных сокровищ, которые если бы перечислят, то хватило бы на две ночи.

Приказал однажды хан оседлать ему его вороного аргамака, взял своих знаменитых двух собак „Хасер и Васер“, свистнул на своих обученных соколов „Шонтель и Вонтель“ и выехал попотешиться удалой охотой в чистом поле.

И повстречался с ним в поле незнакомый молодец, во весь дух скакавший по направлению к ханскому хотону.

— Эй!.. остановись, во здравии ли живешь?! закричал на него хан.

— Живу, и вы также, наверно, здоровы? — отвечал молодец, останавливая коня.

— Куда, брат, так скачешь? хан спросил.

— Да, еду по такому делу, что неудобно старшему брату говорить, — отвечал тот.

— Ну, ну... не стесняйся; если едешь коня лихого добыть, то я не помешаю.

— А, нет, я не вор... видите ли, брат, я — любовник ханши; сегодня хан выехал на охоту и она меня

звала на свидание, вот и скачу к ней, — молодец отвечал.

— Эй, парень, ты врешь, как вижу, как же ты, простой человек, с ханшей познакомиться мог и еще любовь ее заслужить? сказал хан, едва сдерживая свой гнев.

— Не вру я; любовь женская не различает рода и знатности, она знает только силу и красоту, да притом, ведь, все люди от отца и матери рождаются... Скакал я однажды мимо ханского хотона на диком неуке, ханша меня в решетку кибитки увидела, залюбовалась моей посадкой и фигурой и позвать лихого наездника приказала, а когда я появился перед ней, то налить мне кумысу из ханской кадки велела и сама мне подавала. Выпил я, с молитвой, ханский чудный кумыс и, поблагодарив, хотел уйти, да ханша меня остановила, имя мое спросила и где я живу... Потом, когда хана не бывало, меня через свою девку-служку спешно звать стала и в любви, с тех пор, мы с ханшей живем, лаской взаимной наслаждаемся, — весело молодец отвечал.

Хан про себя вздохнул; на душе его смутно стало, словно солнце скрылось средь бела дня; однако, свое волнение не обнаружил, молодцу одобрительно улыбнулся, счастливого пути ему пожелал, свистнул на своих собак и охоту продолжать поехал.

Поздно вернулся хан. Скучен он как-то был и ласка жены его только злила, а на все ее вопросы мол-

чанием отвечал. Всю ночь думу какую-то он думал и на утро, кузнеца своего позвав, железный мешок по пояс человека с замком заказал.

А потом, когда на охоту выезжал, на жену тот мешок железный надевал и, на замок замкнув, ключ в карман свой клал.

Прошла весна, лето, настала осень; дичи и зверья в поле больше стало, хан все чаще и дальше на охоту выезжал. И вот, однажды, опять того же молодца повстречал.

— А!.. любовник ханши, здоров, куда скачешь? хан весело спросил.

— Да, все туда же, к ней, — молодец, смеясь, отвечал, — а вы все охотой грешите, невинных зверей и птиц душите?..

— А как же ты там?.. ведь слышно, что хан на жену железные штаны с замком заказал и, когда сам выезжает, на нее штаны эти надевает и на замок замыкает?!

— Да то правда, да любовь женская не знает себе преград... Когда на нее штаны железные хан надевает, ханша незаметно живот свой надувает, а когда он уезжает, она живот втягивает в себя и штаны сами спадают, — смеясь, молодец отвечал.

Хан про себя покраснел, однако молодцу добра пожелал и продолжать охоту поехал. Женской хитрости он сильно удивился и препятствия непреодолимые ей создал решил.

С охоты он поздно вернулся. Думы всякие долго думал, а наутро, на охоту выезжая, двух верных часовых у дверей поставил и никого к кибитке не подпускать и из нее не выпускать строго приказал, да еще обученных льва и львицу к ним на цепь привязал, которые, кроме хана самого, никого к себе не подпускали.

Возвращался хан с охоты и спрашивал часовых. Часовые отвечали, что никто к кибитке ханской не приближался и из нее никто носа не показывал и что льву и львице некого было рвать.

Успокоился хан опять и охотничьей страсти по прежнему отдавался и, однажды, опять того же молодца в поле повстречал.

— Ну, как дела, любовник ханши? говорят, что у дверей хана дежурят два часовых, да лев и львица злые, вдобавок, на цепи стоят, наверно свидания твоим конец теперь настал? — хан спросил.

— А нет, любовь на выдумку богаче... Из соседней балки в ханскую кибитку подземный ход тайный я имею в целых сто саженей. В балке коня я, стреножив, оставляю, а сам яму в кустах открываю, по яме на четвереньках ползу и, из под ханшиной кровати, в ее объятия попадаю...

Тут уж не сдержал хан свой гнев; любовника жены тут же он застрелил; вернувшись, ханше он голову шашкой отрубил, а на другое утро приказ строгий по ханству своему дал: „Всех его подданных женского пола, от стара до млада немедленно истребить“...

И начались по ханству казни женщин. Плач и стоны поднялись кругом.

Уже два дня шла резня. Хану было тяжело, но гнев его был велик и он — продолжать казнь — приказ за приказом отдавал.

Чтобы рассеять душу в чистом поле, он выехал в степь. Едет хан по полю и видит: лежат в гнезде голые птенцы жаворонка, а возле них змея лежит.

— Что ты, змея, при чужих птенцах делаешь — хан спросил.

— Да мать их за пищей улетела, а я, чтобы хорек птенцов не съел, их стерегу, — змея отвечала.

„Какое хорошее сердце у змеи, гады лучше людей“, хан в душе подумал и дальше поехал. Но, когда не-

много отъехав, повернулся, то увидел, как змея птенцов тех кажно поедала. „А и тут ложь и обман“, — грустно сказал хан.

Едет хан дальше и видит: над маленькими зайчатами коршун грозный сидит и крыльями их нежно прикрывает.

— Ты что, коршун, делаешь над маленькими зайчатами? хан спросил.

— Да мать, тебя испугавшись, убежала, а я, чтобы дети не мерзли, крылом их прикрываю, — коршун отвечал.

„Какое хорошее сердце, пернатые лучше, чем люди“, хан подумал и мимо проехал. Но когда он оглянулся, то увидел, как коршун, неся зайчат в когтях, под облака возносился. „Ах и тут ложь и обман“ — грустно сказал хан.

До вечера ехал хан и в степи заночевать решил. Пустил он коня пастись, а сам еще в сумерках на ветвистое дерево влез, чтобы на него, спящего, не напали бы звери. И вот с дерева видит хан: идет слепец, едва ноги волоча, с тяжелым сундуком на спине. Остановился он недалеко от дерева, сундук свой на землю поставил, крышку его открыл и из него прекрасная женщина и молодой человек встали и, молча, при слепце, нежно ласкаться стали.

— Эх!.. и горе же нам с нашим глупым ханом, — слепец заговорил, — вздумал весь женский род в ханстве своим извести, а о том не думает, что без женщин ханство его опустеет...

— Но хан не так уж и виноват, — женщина тут вмешалась, — он любил свою жену, а она ему изменять вздумала, как же хану не возненавидеть!..

— Нет, моя милая, не прав хан, — слепец отвечал — если есть на свете такие женщины, как его ветреная ханша, так зато есть и такие золотые, как ты у меня; и я, по его дурацкому приказу, тебя, золотую и верную, должен был казнить?! Нет, до последнего издыхания буду тебя носить, уйду в другое царство, а тебя, милая, спасу, в сундуке за плечами нося... Но, тяжеловата ты, милая, оказалась, — пожаловался следой муж.

— Конечно, я — тяжелая, кости мои молодые, сочные, да может еще и не одна я; я, кажется, ношу в себе кого-то, — нежным голоском жена отвечала, а сама, моргнув на молодца своего, нежно его обняла и беззвучно поцеловала.

„О Боже!.. взмолился хан на дереве, — верни же этому слепцу сейчас зрение, чтобы увидел он жену; дай, Боже, зрение этому мужу, чтобы увидел он коварство своей жены!“

И Боги, услыша молитву хана, мгновенно слепцу зрение вернули.

— Ах!!! что ты делаешь?! и ты изменницей оказалась! Ты с любовником в сундуке на моей спине лежала?! в ужасе муж закричал.

— Не сердись, благодарить ты меня должен; если бы не мой поступок, разве Боги вернули бы тебе зрение?.. Что дороже на свете: любовь жены, которая проходит, или твои ясные очи?.. жена ему отвечала.

— Правда... муж уныло прошептал, — я был слеп десять лет, было тяжело, а теперь я белый свет узрел... Благодарю тебя, моя жена...

— „Ага — засмеялся хан на дереве про себя, — если все женщины таковы, как моя ханша и эта, то наверно не все мужчины одинаковы. Если есть такие, как я, способные за ложь и измену всех женщин казнить, то есть и такие, которые за это благодарят... Ну, тогда еще могут люди жить...“

А на другое утро приказ свой суровый хан отменил...

Павел Поляков. (Белград).

СМЕРТЬ МАТЕРИ ЮГОВИЧЕЙ.

Цикл Коссовских нар. песен.

(Из сербского народного эпоса).

Перевод с сербского.

Боже правый, великое чудо!
 Как сбиралось на Коссову войско,
 А в том войске Юговичей девять,
 Юг Богдан старик, десятый с ними.
 Бога молит Юговичей мать:
 Дал бы он ей очи соколины,
 Пару крыльев белых лебединых, —
 Полететь бы на Коссово поле,
 Поглядеть на Юговичей девять,
 Юг Богдана десятого с ними.
 Бог услышал матери молитву:
 Дал Господь ей очи соколины,
 Пару крыльев белых, лебединых.
 Полетела на Коссово поле...
 Мертвых видит Юговичей девять,
 Юг Богдана десятого с ними.
 В головах их девять копий ратных,
 Сокола сидят на копьях этих;
 Возле копий — девять коней добрых;
 Девять львов хранят тела убитых...
 Тут заржали Юговичей кони,
 Девять львов за ними зарычало,
 Закричали соколы на копьях, —
 Мать скрепила сердце в своей груди
 И слезы она не уронила...
 Забирает девять коней добрых;
 Девять львов ведет она с собою;
 В лет поднялись соколы за нею.
 Воротилась мать в свои хоромы.
 Издалека снохи увидали —
 Побежали матери навстречу...
 Девять вдов заплакало по мертвым,
 Девять сирот без отцов осталось...
 Девять коней за ними заржало,
 Девять львов тоскливо зарычало,
 Закричали соколы с тоскою...
 Мать — скрепила сердце в своей груди

И слезы она не уронила...
 А когда пришла глухая полночь,
 Начал ржать Дам'янов конь — Зэлэнко.
 Мать вдову Дам'янову спросила:
 — Ой, ты, сношка, Дам'янова женка,
 Что-й-то ржет Дам'янов конь Зэлэнко, —
 Аль он хочет яровой пшеницы,
 Аль воды холодной со Звечана?..
 А вдова ей этак отвечала:
 — Свекровушка, Дам'янова мама,
 Он не хочет яровой пшеницы
 И воды холодной со Звечана, —
 Приучил Дам'ян коня лихого
 До полночи есть овес ядреный,
 А с полночи — снова на дорогу.
 Конь теперь горюет по Дам'яну,
 Что он вместе с ним не воротился...
 Мать скрепила сердце в своей груди
 И слезы она не уронила...
 А когда на утро все проснулось,
 Показались два ворона черных.
 Крылья — красны в запекшейся крови,
 А на клювах — пена забелелась.
 Они тащут богатырскую руку —
 На руке той перстень золоченый —
 И бросают пред мать-старуху...
 Взяла руку Юговичей мать,
 Поглядела ее, повернула,
 Подзывает Дам'янову женку:
 — Сношка, сношка, Дам'янова женка...
 Чья рука? Наверно ты узнаешь?
 — Знаю, мама, Дам'янову руку...
 Перстень был со мною на венчаньи...
 Взяла руку Дам'янова мама
 Поглядела ее, повернула.
 И руке сказала она тихо:
 — Рука моя, яблочко злачено,
 Где росла ты и кто тебя вырвал? —
 Ты росла у груди материнской,
 А вырвана на Коссовом поле!..
 ... Мать свою не выдержала горя.
 Биться сердце ее перестало
 От тоски по Юговичам — детям
 И по мужу — старому Богдану...

Ив. Томаревский (Болгария).

КАЗАЧЬЕЙ МОЛОДЕЖИ.

Привет вам, надежда — казачья молодь,
 От старых всех ваших отцов и дедов!
 Пред часом своим роковым, пред могилой
 Завет вам казачий-святой мы даем:

Боритесь за общую мать Казакию,
 За право казачеству вольному быть,
 Чтоб было бы можно потомкам на поле
 По своему — так, как хотят они, жить;

Чтоб все казаки-бы единой семьею
 Сплотились в жизни дальнейшей своей,
 Своим государством, своею управой
 При мире-бы жили на лоне степей...

Боритесь и имя казачье храните
 Как нечто святое, как славу и честь,
 Как память о предках достойных...
 Вот заповедь наша единая есть.

И Бог да поможет в борьбе вам с врагами, —
 Смелее идите по вольным путям...
 И будет отрадно нам в жизни загробной,
 Спокойно в могилах и нашим костям.

С. Савицкий (Бразилія).

ВОСКРЕСНИ, КОЗАЦТВО!

Воскресни, козацтво, відважним і вільним,
Воскресни таким, як було ти колись.

До бою вже сурми скликають весільно.

Єднайся, козацтво, й за зброю берись.

Без бою нам волі ніхто не поверне...

Хай лють в твоїм серці до рабства кипить!

На поміч поклич і героїв померлих —

Їх дух у борні твої сили зміцнить.

Мужайся, козацтво!... Готуйся до заплати.

Та добре нагострой і дух і шаблі.

За вільність козачу не страшно вмирати,

А страшно рабом быть на рідній землі.

Воскресни, козацтво, таким, як було ти,

І порох московський з чобіт отряси.

Ти — лицарь, орел; ти є відблиск свободи —

То-ж дома у себе її воскреси!

А. Ленивов.

Великое Войско Кубанское.

(Краткий исторический очерк).

История Кубанского казачьего Войска, существовавшего до самого последнего времени, по сравнению с историей других казачьих Войск, не так детально изучена, главным образом в виду сложности его образования. Основываясь на этом, мы только констатируем факт и полагаем, что со временем пробел этот будет восполнен...

В делах Государственной военной коллегии (от 13 ноября 1802 года) о происхождении Кубанского казачьего Войска говорится так: „Войско сие существовало под именем Запорожских казаков в самых отдаленных временах, в самых разных состояниях и видах, и, испытывая много различных перемен, получило настоящее бытие свое в начале последней с турками войны, будучи тогда покойным генералом-фельдмаршалом князем Потемкиным-Таврическим из рассеянного состояния приведено в соединение и названо войском верных казаков Черноморских“.

Нынешнее свое имя Кубанское казачье Войско получило лишь в 1860 году, когда оно было образовано из соединения Черноморского Войска и шести бригад Кавказского Линейного Войска.

Все же история Кубанского казачьего Войска историками разработана... Сделано ли подобное в отношении Великого Войска Кубанского?. Вопрос этот не может иметь положительного ответа, ибо не только широкое общественное мнение, но и много историков не знает истории Великого Войска Кубанского, а иногда даже и не представляет, чтобы когда либо существовало казачье Войско с подобным горделивым наименованием!

Обстоятельное рытье в старых архивах проливает свет; пожелтевшие, побуревшие от времени страницы исторических актов, изгрызанные архивными мышами фолианты старинных изданий приоткрывают завесу над тайной, окружающей судьбу Великого Войска Кубанского...

Великое Войско Кубанское ведет свое начало от момента появления Аграханских казаков на Кубани в 1703 году, пришедших из Сулака (район р. Кумы). Казаки эти и являются первыми, за кем в истории укрепляется наименование Кубанские, Кубановы, Кубановые, а впоследствии и Кубанские казаки. Расселившись городками по линии от устья р. Лабы и до берегов Черного моря, Аграханские казаки в первые дни своего пребывания на Кубани не смогли восстановить свою развалившуюся войсковую организацию и поэтому в государственно-правовом отношении военно-хозяйственное сообщество Аграханских казаков, поселившихся на Кубани, представляло собой лишь общину, образовавшуюся из вольных казаков и составившуюся по принципу естественного подбора. Замечательным фактом является то, что на реке Аграхани казакам были дарованы турецким султаном не только земли, но и известные права (конституция), в силу коих Аграханское войско во весь период своего существования хотя и

пребывало в состоянии вассалитета от турецкого султана но продолжало сохранять за собой известную автономию.

Диаметрально-противоположное явление можно наблюдать в отношении тех же Аграханских казаков в первые годы их пребывания на Кубани. Земли, выбранные для поселения, были получены ими не по праву дарственности, а исключительно в силу захватного права, права силы оружия. Сообразно этому, Аграханские казаки в последующие моменты, именно до времени точного определения их взаимоотношений с тогдашним властелином Кубанского Края — турецким султаном, — сумели сохранить за образованной ими вольной общиной на Кубани основы полной самостоятельности, не завися ни от кого. Зачаточное развитие основ гражданского права в общине Аграханских казаков существенным образом влияло на то, что эта община не являла во внешних формах своего общественного развития признаков государственного образования (организма).

В конце 1708 года на Кубани появилась волна политических эмигрантов, именно прибыло до 4000 донских казаков во главе с Атаманом Игнатом Некрасовым, покинувших территорию Дона после кровавого подавления Петром I Булавинского восстания. Из отписки Войскового Круга Донского Войска, составленной в день 8 мая 1708 г. в Черкасском городке, видно, что донцы требовали от Петра, чтобы последний не смел переходить границ Донской Земли, угрожая в противном случае „А буде вы... насильно поступите и какое разорение учините и в том воля его великого государя: а мы Войском Донским реку Дон и со всеми запольными реками уступим и на иную реку пойдем“. Несколько позднее Кондратий Булавин оповещал о том, что в случае неуспеха восстания против Петра I, он с своими казаками сочтет необходимым „реку Дон очистить“ и „со всем Войском на Кубань уйти“. Когда, после гибели Булавина, отряды ближайших его помощников — Некрасова, Голого, Драного были разбиты царскими войсками, им и не оставалось иного исхода, как покинуть территорию Дона и уйти на Кубань.

Прибытие на Кубань казаков-Некрасовцев, целиком вошедших в состав общины Кубанских (Аграханских) казаков и увеличивших ее численность до 5000 человек, совершенно изменило общинный характер Кубанских (Аграханских) казаков. Крымский ханат, с разрешения турецкого султана, предоставил им полное самоуправление, в частности выборное начало. Таким образом, военно-хозяйственное сообщество Кубанских (Аграханских) казаков, увеличившееся в своем составе за счет казаков-Некрасовцев, естественным образом должно было утратить свои формы чисто общинного порядка и перейти к созиданию организации государственного порядка, что и было сделано при образовании Великого Войска Кубанского, имеющего уже свою территорию, свой народ и свою власть.

Уния Кубанских (Аграханских) казаков и казаков-Некрасовцев в составе Великого Войска Кубанского представляет собой соединение в одном целом выходцев с Дона, природных донских казаков, политических эмигрантов 1688, 1693 и 1708 гг. Общность идеалов, единство национально-религиозного характера, плюс к этому поддержка со стороны турецкого султана и Крымского ханата — все это способствовало развитию и укреплению Великого Войска Кубанского.

Неудачная попытка Кошевого Атамана Запорожской Сечи Кости Гордевича Гордиенко-Головка отстоять права и вольности Запорожских казаков перед Петром I свелась на нет и потерпела полное фиаско (после Полтавской битвы)... Запорожская Сечь была уничтожена и Запорожские казаки принуждены были искать себе убежища и приюта в пределах Турции (на р. Каменке, а потом и на р. Днепре), готовясь к новой войне с Петром I. Известный процент казаков из разоренной Запорожской Сечи попал и на Кубань. Число коих к концу 1709 года превысило цифру 1500 человек, поголовно вошедших в состав Великого Войска Кубанского. Небезинтересным фактом для характеристики того времени является поездка в Великое Войско Кубанское представителей Войсковой Рады Запорожских казаков во главе с есаулом Григорием Герциком для сообщения известия об избрании нового гетмана на место Мазепы, скончавшегося в г. Бендерах в день 22-го августа 1709 года. От имени Великого Войска Кубанского выезжала в г. Бендеры для приветствия нового гетмана депутация во главе с Степаном Некрасовым.

В период 1709-1710 на Кубани появились политические эмигранты и с р. Волги из состава казаков Волжского казачьего Войска, совершенно обескровленного и разгромленного Петром I.

Перечисленные выше четыре основных элемента: Кубанские (Аграханские) казаки, Донские казаки-Некрасовцы, Запорожские казаки и Волжские казаки и составили Великое Войско Кубанское, существовавшее по 1814 год...

Территория Великого Войска Кубанского определялась уже в самом начале его образования, по размерам и границам своей земельной площади почти равнялась территории позднее переселившегося на Кубань Войска верных казаков Черноморских.

Начиная с Азовских походов Петра I и кончая 1711 г. (Прутский поход), пограничная линия между Россией и Турцией проходила по р. Ее. Сообразно этому и граница территории Великого Войска Кубанского, проходя сначала по р. Ее, далее шла по Азовскому побережью, р. Бейсугу, р. Челбасу, р. Лабе, р. Кубани. Таким образом, бассейны указанных рек вполне определяют территорию Великого Войска Кубанского, северная граница коего проходила вплотную у пределов Российского государства, какое обстоятельство имело прямым следствием непрерывные боевые столкновения кубанских казаков с русскими войсками. На западе войсковая граница шла по побережью Азовского и Черного морей, причем в военном отношении граница эта почиталась совершенно безопасной, ибо прикрывалась рядом сильных турецких крепостей — Ачуев, Тюмень, Темрюк, Анапа, а также и турецким флотом, равно как и флотом Великого Войска Кубанского. На востоке граница была довольно неопределенна в силу соприкосновения с кубанскими кочевыми народами, постоянно менявшими места своих кочевий. На юге территория Великого Войска Кубанского, имея пограничную линию по р. Лабе и Кубани, прилегала к владениям закубанских черкесов.

Пустынный, не имевший оседлого населения, за исключением казаков, Кубанский Край в описываемую эпоху представлял собой богатейшую местность. По широкому девственным степям, расположенным от Ачуевских плавень примерно до нынешнего г. Екатеринодара, бродили огромные табуны диких степных лошадей-тарпанов, водилось большое количество всякого зверя и птицы в прибрежных камышах; многочисленные реки и озера взблывали рыбой. На основании труда (описания) полковника Мокія Гулика, Войскового есаула Черноморского казачьего Войска, непрелож-

но устанавливается, что казаки Великого Войска Кубанского занимались разработкой нефти на Таманском полуострове. Богатейшее значение Кубани, как непахотного края, особенно сознавалось турками, возведшими по побережью ряд крепостей: Ачуев, Тамань, Темрюк, Анапа и т. д., и введшими туда сильные отборные гарнизоны. Проведение в жизнь ряда предохранительных мер дало турецкому султану возможность охраны побережья от нападений донских и запорожских казаков. Наблюдение за кочующими ордами ногайцев, калмыков и кубанских казаков в частности, поручено было представителю турецкого султана — сераскиру, пребывавшему в м. Копиле (ныне станица Славянская — старинная генуэзская колония Копи).

Главный центр Великого Войска Кубанского находился на т. н. „Казачьем острове“, иначе называвшемся Кара-Кубанским и находившемся в нижнем течении р. Кубани, между Кара-Кубанью и Казачьим Ериком, ниже м. Копилы. Кара-Кубанский остров (длина до 75 верст ширина 8-12 верст) был образован Кара-Кубанским рукавом (начало в 20 верстах выше м. Копилы и окончание в 10 верстах ниже соединения р. Курки с р. Кубанью), от которого шел Казачий Ерик, впадавший в Азовское море при посредстве Черной потоки. Кара-Кубанский остров играл в жизни Великого Войска Кубанского роль, подобную роли Казачьего острова на Дону, главным образом потому, что в силу установившейся традиции, в мае месяце здесь собирався всегда Круг.

На этом острове находились казачьи укрепленные городки, разрушенные русскими войсками в войну России с Турцией в период 1735-1739 гг., причем необходимо указать, что донские казаки (Некрасовцы) появившись на Кубани, расположились на землях в 30 вер. от берегов Черного моря между Таманью и Копилой и заложили три городка: 1. Кара-Игнат (в честь Игната Некрасова), 2. Себелы и 3. Кан-Тюбе (Контиде). Исторически известно (по труду полк. Мокія Гулика) о существовании „некрасовского“ городка и на Гусовой горе. Некоторое указание об этом находим и в рапорте ген. Суворова от 22 апреля 1788 года, доносившего в Петербург о том, что „некрасовцы“ живут „куренями“ в лесу за устьем р. Кубани близ Черного моря.

Городки (поселения) Великого Войска Кубанского располагались по р. Кубани вплоть до самого устья; имелись также поселения и на р. Ее, Лабе и др., причем центром считалась Анапа, которую кубанские казаки разделили на одиннадцать станиц, присвоив им те же наименования, какие существовали и в Черноморском городке на Дону.

В силу известного договора с турецким султаном, Великое Войско Кубанское, находясь от первого в вассальной зависимости, пребывало на службе у Крымских ханов, непосредственных владетелей Кубанского Края. Кубанские казаки поэтому постоянно вели борьбу с бунтовавшими ордами ногайцев, калмыков и т. д. Насчитывая к 1743 году в своем составе до 8 тысяч бойцов, Кубанские казаки представляли из себя вполне серьезную и внушительную силу не только для кочевников, но и для России. Собираясь в Прутский поход, Петр I писал турецкому султану, обвиняя его в умысле „войну продолжать и через бунтовщиков Мазепенцев и Булавинцев в Турскую область ушедших, возмущение в его Царского Величества Государствах сочинить“.

Что кубанские казаки представляли угрозу для России, видно из следующего: Азовский губернатор Апраксин, сдавая в январе 1722 года туркам Азов, требовал от них, что они: „в Азове и близ оною жилищ и кочевья иметь вору Некрасову и его товарищам не дадут“.

Кубанские казаки имели сильного состава конницу и пехоту, а также и артиллерию, равно и свой собственный арсенал, снабжавшийся огнестрельными припасами из Константинополя. Главной силой Великого Войска Кубанского, главной его опорой и гордостью являлся флот, к 1788 году насчитывавший свыше 100 морских чаек, 4 думбаса и 1 струг. Принимая во внимание, что каждая чайка поднимала до 50-60 казаков, можно на этом показателем факте вполне убедиться в том, что из себя представлял в описываемую

эпоху флот Великого Войска Кубанского. Если же принимать во внимание, что единственной морской силой на Азовском и Черном (в Северной части) морях был раньше донской флот, который был уничтожен Петром I после подавления Булавинского восстания; рассматривая, далее; неудачные попытки воссоздания его в 1730 и 1769 гг., необходимо признать, что владычество на северном побережье Черного моря было в руках кубанских казаков: это была сила, с каковой окружающим соседям, а равно и самим туркам, необходимо было считаться.

Кубанские казаки, состоя в огромном своем большинстве из казаков-раскольников, ушедших в свое время с территории Дона, оказавшись в пределах Турции под властью султана, получили от последнего право устраивать религиозную жизнь по своему старому укладу. Закладка первой раскольничьей часовенки в Великом Войске Кубанском относится к концу XVII века (т. е. с появлением на Кубани Аграханских казаков). К половине XVIII века помимо часовень, имевшихся в каждом городке, было и несколько церквей. Весь духовный клир, как-то: священники, причетники и т. д. были выборными, включительно до архиепископа. Таким образом кубанская казачья церковь по своему существу юридически была автокефальной. Предметы церковного облачения, как священные книги, кресты и т. д. были вывезены в достаточном количестве еще с Дона, другие же необходимые предметы (колокола) по распоряжению султана отливались в Константинополе и доставлялись на Кубань. Наличие большого количества раскольничьих попов, беглых монахов, начетников и просто книжников, способствовало тому, что грамотность в Великом Войске Кубанском, применительно к эпохе, стояла на высоком уровне и даже прогрессировала.

Известная норма взаимоотношений государственного-правового порядка, существовавшая между Великим Войском Кубанским и Турцией, и определившая собой порядок общения между первым и вторым, являет собой вассалитет (в промежуток 1710-1814 гг.). Регламент, определяющий характер вассалитета устанавливающий зависимость Войска от султана, состоял в следующих обязательствах Великого Войска Кубанского:

1. Отказ от внешних сношений с окружающими народами;

2. Охрана границ со стороны России;

3. Наблюдение за кочующими народами (ногайцы, кумыки, калмыки и т. д.), проживающими в Кубанском Крае;

4. Признание Крымского хана наместником турецкого султана в Кубанском Крае.

Обязательства турецкого султана определяются следующими основными положениями:

1. Предоставление казакам полной свободы в смысле устройства внутренней организации Войска, а также в религиозном и правовом отношениях;

2. Освобождение казаков от всех податей;

3. Снабжение казаков хлебом, оружием и т. д.

Приводимый порядок отношений между кубанскими казаками и Турцией, существовал не только до 1814 года (распад Великого Войска Кубанского), но и после переселения остатков кубанских казаков из Добруджи в Малую Азию.

Средства к существованию кубанские казаки добывали себе рыболовством, охотой, занимаясь отчасти и разведением скота; хлебопашество было запрещаемо в Великом Войске Кубанском, как и на Дону. Кубанские казаки не забывали и привычек своих предков „ходить в море за зипунами“, но тут дело уже обстояло хуже, ибо султан их строго наказывал, так как они (кубанцы) „тревожили“ его же подданных, живущих на крымском и черноморском побережьях.

Появление на Кубани казачьей политической эмиграции (Донские, Запорожские, Волжские, а отчасти и Яицкие казаки), соответственно с этим расширение общины вольных (Аграханских) казаков, открывает собой новую эру в системе (существовавшей до того временно) внешних отношений между Россией и Турцией.

Первое упоминание о казаках Великого Войска Кубанского встречается в исторических актах, относящих-

ся к периоду 1708-1709 гг. (Булавинское восстание), когда лазутчики Булавина с письмами о помощи отправились „в Ачьев к Хасану-паше, на Кубань к Сартлан-Мурзе и к Кубанским казакам: Савелию Пахомову со товарищи“.

Надо полагать, что Савелий Пахомов в указанное время являлся атаманом общины вольных Кубанских (Аграханских) казаков, которых документы того времени именуют „ворами и изменниками Окреанами, которые живут на Кубани“.

Посылка Булавиным своих послов с просьбой о помощи устанавливает начало оживления дипломатических отношений между Россией и Турцией. Апраксин, назначенный Петром I в 1705 году губернатором г. Азова и сменивший собой Толстого, требовал в ультимативной форме от Ачьевского пашы высылки посланцев Булавина с Кубани. Это обстоятельство должно было иметь решающее значение в политическом моменте тогдашнего времени, ибо пребывающие на Кубани Наврузская, Бестижевская, Касаевская Орды (ногайцы, калмыки, кумыки и черкесы, отозвавшись в положительном смысле на зов Булавина пришли бы ему на помощь, что имело бы решающее значение для того, чтобы к Булавину, находящемуся в Запорожье (1707-1708 гг.), присоединились бы целиком и Запорожская Сечь, а равно и Белгородская (Аккерманская), совместно с находившимися в Молдавии ордами: Джамбулцкой, Эдиссанской, Буджацкой и Едичкульской. В этом отношении (помощь от Кубанских народов), Булавина постигла неудача, Ачьевский паша посчитался с требованиями Апраксина и выслал лазутчиков Булавина с Кубани с „бесчестием“, как он сообщал Апраксину. Свой поступок Ачьевский паша обуславливал тем, что Крымский хан не разрешал подвластным себе кубанским народам находиться во враждебных отношениях с Россией и согласно этому предписывал им быть с русскими „смирно и в дружельюби“.

Приведенный нами случай посылки Булавиным своих лазутчиков на Кубань и высылка их оттуда по распоряжению Ачьевского пашы, достаточно ясно характеризует отношения между Россией и Турцией того времени, а равно и взаимоотношения между общиной вольных Кубанских (Аграханских) казаков и турецким султаном, в лице его наместника в Кубанском Крае — Крымского хана.

Совсем иначе обстоит дело после Булавинского восстания, когда на месте общины вольных Кубанских казаков, первоначально немногочисленной (около 1000 человек), возникло сильное Великое Войско Кубанское, образовавшееся за счет слияния указываемой общины с казачьей политической эмиграцией), появившейся на Кубани с Дона. Определенная политическая физиономия Великого Войска Кубанского, обозначившаяся в проявлении враждебных замыслов в отношении России и параллельно с этим, тяготение к покровительству Турции, имело решающее значение в смысле перемены отношений турок к кубанским казакам.

1 сентября 1709 года Азовский губернатор Апраксин по повелению Петра I начал переговоры с турецким правительством касательно выдачи казаков-Некрасовцев. Необходимо отметить, что Азовские губернаторы обладали большой властью; в частности, начиная с 1703 года, Петр I запретил Донскому Войску посылать свои зимовые станицы к окружающим народам без разрешения Азовского царского коменданта. Аналогичное явление (запрет на право сношений с окрестными народами) наблюдаемое у Великого Войска Кубанского, имеет совершенно другой оттенок государственно-правовых отношений; именно: Петр I и Донское Войско (централизм и провинция), турецкий султан и Великое Войско Кубанское (суверен и вассал).

Переговоры Азовского губернатора Апраксина с турками относительно выдачи Некрасовцев, не привели к желательным результатам, ибо со стороны турок последовал категорический отказ! Перемена образа действий турок в отношении России, в частности с момента образования Великого Войска Кубанского, сыграла решающую роль в дальнейшем., и повела не только к обострению взаимоотношений, но даже и войн между Россией и Турцией.

Разрыв дипломатических отношений между Петром I и турецким правительством, последовавший 22 февраля 1711 года и вызвавший Прутский поход, был вызван ультиматумом Петра I, который обвинил турецкого султана в стремлении «войну продолжать и через бунтовщиков казаков Мезепинцев и Булавиинцев в Турскую область ушедших, возмущение в Его Царского Величества Государствах сочинить». Под именем «Мезепинцы» необходимо разуметь Запорожских казаков, ушедших на Кубань; наименование «Булавиинцы» присваивается последователям Атамана Игната Некрасова.

Неудачный Прутский поход, имевший своим следствием потерю Азова для России, а равно и срытие Ново-Сергиевской крепости на Каланче и Троицкого укрепления на Таган-Роге, не только не охладил пыла Петра I, но, наоборот, увеличил его злобу по отношению к Кубанским казакам, в составе коих пребывали и Некрасовцы, и Запорожские казаки. Петр I стремился добиться не только выдачи последних в его руки, но хотел еще воспрепятствовать какнибудь росту Великого Войска Кубанского, ибо выдача турками Некрасовцев представила бы для Петра I только «реванш», ему же необходимо было «пресечь» и побегу Донских казаков на Кубань.

Оживленность дипломатических сношений в этот период времени между пограничными русскими и турецкими властями, касательно выдачи Некрасовцев, характернейшим образом рисует все поведение турок по отношению Великого Войска Кубанского и в соответствии с этим выявляет бессилие Петра I, которое ярко сквозит в его указе от 8 марта 1718 года: «известно ему Великому Государю учинилось, что в донских городках, при церквах, монастырях и часовнях, во многих местах есть укрывающиеся от воровства, расстриженные и не посвященные старцы, которые чинят многие расколы и возмущение, а иные перешли к вору Некрасову на Кубань, и за дальностью от Москвы, таковых смотреть и наказывать невозможно».

Необходимо указать, что «дальностью от Москвы» расценивался Петром I с точки зрения «достижимости»: посылка какой либо карательной экспедиции в официальном порядке на Кубань для «наказания Некрасов-

цев» имела бы совершенно иной исход, чем посылка карательных экспедиций для подавления восстания в 1702 году в Астрахани, в 1708 году на Дону, в 1702-1709 гг. на Запорожье. Подавление казачьих восстаний Петровскими войсками вызвало исход казачьей политической эмиграции на Кубань и тем самым содействовало росту и развитию Великого Войска Кубанского. Посылка войск против Кубанских казаков приводила Петра I не только к столкновению с Великим Войском Кубанским, но также и к войне с его покровителем турецким султаном.

Разноплеменный состав степных народов, кочевавших в Кубанском Крае, приводил их к постоянным междоусобным распрям и ссорам: то ногайцы соединялись с калмыками и нападали совместно на кубанских казаков, то те же ногайцы избивали калмыков и т. д. В общем много неприятного пришлось испытать кубанским казакам со стороны кочевых народов, причем казаки терпели и материальный ущерб, ровно как и большой урон людям. Естественно, что подобного рода «конфликты» между народами, признающими власть турецкого султана могли разрешаться только последним, что и было на самом деле. Отсутствие в наших руках необходимых исторических документов, могущих вскрыть полную картину отношений между Великим Войском Кубанским и кочевыми народами Кубанского Края, не дает нам возможности в полной степени осветить этот момент. Непреложным утверждением является факт наблюдения за Кубанскими кочевыми народами со стороны кубанских казаков по поручению турецкого султана и это одно уже обстоятельство дает повод полагать, что при конфликтах, возникавших между кочевыми народами и кубанскими казаками, симпатии султана были всецело на стороне последних.

Великое Войско Кубанское, сохраняя полную автономно основ внутреннего самоуправления и быта, находилось в области внешних сношений под известным контролем со стороны турецкого султана. Контроль этот осуществлялся в лице сераскира-представителя султана, пребывавшего в Копиле (ныне ст. Славянская).

(Окончание следует).

Чужинец.

Немецкое казакофильство в конце XVIII и в первой половине XIX-го века.

(Идея вольного казачества в XIX веке).

Немцы интересовались казаками менее англичан и, особенно, французов. Одним из первых, писавших о казаках в XVIII в., был ген. Манштейн, занимавший высокие посты на русской службе. В своих «Записках», составленных в 1730-х г.г., он называл Дон «республикой, добровольно вошедшей в покровительство России»... «Двор обходится с ними с большею мягкостью и снисходительностью. Донских казаков он звал «нацией», из «главных офицеров» коей (т. е. из старшин). «избирается глава их республики, утверждаемый Двором».

С 1740-50-х г. г. начинается изучение России академиками С. Петербургской Академии Наук и учеными — немцами. Дон посещают Гмелин, Гюльденштедт, Паллас. Академик Гмелин пишет (в 1769 г.) в описании «Путешествия», изданном в 1771 г., что Черкасск это — место, где казаки, «рассуждая по образу общенародного их правления, собираются в важных случаях, советовать между собою»...*)

Еще раньше этих путешественников писали о казаках и их происхождении историки Миллер и Шлецер. Миллер первый установил ту точку зрения на происхождение казаков, которая господствовала до сих

пор среди русских историков всех школ и направлений: В своем «Собрании русской истории»*) он писал, в специальной статье «О происхождении казаков»: «пока татары были властителями южной части (нынешней) Российской Империи, не было ничего слышно о русских казаках. Они начали появляться на развалинах татарского владычества в этой стране. Тогда увидели их рождение в тех-же местах, где царствовали татары, и, так как казаки с давних пор смешивались здесь с татарами, то естественно, что русские, пришедшие в эти места и избравшие казачий род жизни, были обозначаемы тем же именем». Миллер указывает на существование, в эпоху Ивана III-го, татарских казаков «Ордынских», «Азовских» и казаков на службе у отдельных мурз. При Василии Ивановиче такие татарские казаки, состоя на русской службе, сопровождали русские посольства в Крым. Миллер, изучивший сибирские архивы, хорошо знал с л у ж и л о е казачество Московской Руси.

Заграницею в эту эпоху вопрос о происхождении казачества был подвергнут изучению двумя немецкими учеными: Энгелем, который написал особый очерк по

*) Г м е л и н «Путешествие», СПб, 1771, с. 259. Все работы немцев — русских академиков печатались по немецки, кое-что переводилось и на русский язык.

*) Gerh. Friedr. Müller «Sammlung Russisches Geschichte», B-d VI, S. 384. — «Von dem Ursprunge der Kosaken».

„Истории Украины и казаков“ (для 48-го тома „Всемирной истории“, издававшейся в Галле по французски), и Гупель (Houpel), писавший в своих „Miscellanea“ (или „Mélanges“). Первый из них интересовался лишь украинским казачеством, второй-же поставил вопрос шире

Чтобы не обременять нашей статьи, мы опускаем их выводы и скажем здесь о впечатлениях, полученных в казачьих краях русскими академиками.

Паллас совершил два путешествия по России. Во время первого он посетил и описал Яик, во время второго — Дон. Хотя Войсковой Атаман и назначался Военной Коллегией, но Паллас считал власть его и войскового правительства (*cette regence démocratique*) из 10 войсковых старшин „весьма ограниченной“, так как все публичные дела решаются в общенародном собрании, именуемом „Кругом“. Паллас очень интересно описал, как войсковые есаулы возглашали пред началом: „Помолчите, атаманы-молодцы, все великое войско Яицкое“, и как, после их доклада, Круг отвечал „согласны“ или „не согласны“. В последнем случае слышался ропот и напоминания о казачьих старинных привилегиях. „Тот-же дух свободы, который составляет основу их конституции, — замечал Паллас, — царствует в нравах Яицких казаков. В старинных обычаях их Паллас находил полную аналогию с запорожскими. В дни праздников казаки, после церковной службы, собирались на войсковую трапезу, где атаман возглашал здравицу за императора всероссийского, а потом „за процветание казачьего народа.“*)

Побывавши в 1793 г. на Дону, Паллас отметил, что крепость св. Димитрия (или Ростов на Дону) „имеет значение для того, чтобы держать в почтении донских казаков и защищать устья Дона“. Паллас подметил глубокое разложение единой прежде общины Донских казаков и всевластие новой аристократии. „Преимущества и отличия, слишком легко пожалованные с недавнего времени старшинам, сделали их высокомерными и надменными... Они основывают поселения, наполненные бродягами, увлекаемыми приманкою добычи, на отличных (войсковых) землях... Они изыскивают все средства для угнетения беднейшего казачества, которое несет на себе тяжесть воинской службы, от коей богатые избавляются путем наемки. Казаки (рядовые) не получают того, что им причитается. Рождающееся отсюда неудовольствие, которое старшины рассматривают как неповиновение и мятеж, служит для последних предлогом для еще более сильного угнетения казачества.

„Благодаря этому, народ этот, по природе своей добрый, доставляющий России великолепные легкие войска, несмотря на свою свободную конституцию, находится во все более возрастающем порабощении со стороны аристократии своих вождей и выказывает все большее отвращение к службе, в то время, как богатые и знатные живут в самой сладострастной лени и полнейшей распушенности нравов.“**)

Ученым немцем, сочинения коего издавались одновременно и по немецки, и по французски, был также и Шторх, писавший на переломе от XVIII-го к XIX-му веку. Его „Историческая и статистическая картина Рос. Империи в конце XVIII в.“, изданная в Лейпциге и Париже в 1801 г., лет на 50 стала одним из основных сочинений для ознакомления иностранцев с Россией.***) Шторх указывал на одну деталь, которой не знали или которую забывали иностранцы, писавшие об украинском казачестве. „Жителей Украины, — писал он, — называют также казаками, хотя последнее время они образуют лишь один класс жителей в государстве, и конституция их почти совершенно искажена (*altérée*) [I, 54]. Он излагал вкратце историю казачьих

Войск, каждого в отдельности. „Так как, объяснил он, есть другие ветви казаков, кроме Малороссийских и так как эти племена (*peuples*), хотя и русские по происхождению, различаются и их смесью с другими народами, и их особенным устройством“, то он и говорил о них особо [I, 55]. От малороссийских казаков пошли „свободские“ и запорожские казаки; от донских — волжские, гребенские, оренбургские, уральские, сибирские“ и другие. Происхождение малороссийского казачества Шторх вел от „беглецов из Литвы“ [I, 55—57].

Конституцию запорожских казаков он характеризовал, как „абсолютно демократическую“. Он утверждал, что в 1774 г. действительно „открылась мысль запорожцев — отделиться от России“, почему Екатерина II и должна была уничтожить Сечь [I, 62, 64].

Относительно „Земли Донских Казаков“ Шторх полагал, что уже в 1570 г. она была „Значительным государством, достаточно могущественным, чтобы основать свою столицу в Черкасском городке“ [I, 67]. Однако, Шторх полагал, что с самого начала существовал „род зависимости“ Дона от государства московского; начало донских казачьих „служб“ относил он к тому-же 1570-му году. По его мнению „любовь донских казаков к независимости и надежда на грабеж часто приводили их к бунтам“ [I, 68].

Несмотря на все ограничения, он считал донскую автономию — фактом: „и в 1800 году их (донцов) конституция — военная и не похожа на управление прочих (российских) губерний“ [I, 69]. Человек очень умеренный и „благонамеренный“, он считал необходимым привлечь внимание современных историков к разработке вопросов о разинском и булавинском восстаниях.

Эпоха наполеоновских войн наполнила немецкую литературу массою сведений о казаках, разбросанных в разных изданиях (и — по большей части — неиспользованной до сих пор ни русскими, ни казачьими историками) Возьмем из нее 2 книги, специально посвященные казакам, — одну фон Плото [1811 г.], другую — Карра [1814 г.]. Автор первой Карл фон-Плото был прусским премьер-капитаном в гвардейском пехотном полку и кавалером русских орденов (Анны 2-й и Владимира 4-й степени). Тем более любопытна его книга с длинным названием:*) „Казаки или их история от начала их и до современности, с изображением их образа правления и их местожительства“.

Плото спрашивал читателей, как можно поставить рядом „простую историю близкого к природе (*natürliche*), но счастливого народа“ и колоссальные события эпохи, ему современной**)„ когда „великое и новое вторгается в прошлое и вчерашнее, когда насильственно неспровергается старина, когда то, что служило предметом почитания и удивления в течение веков, вытесняется сегодняшним и еще более великим“... Плото приглашал немцев подойти к казакам, „подобно человеку, устремляющемуся из беспокойной давки блестящего города к тебе, о! священная дружественная природа“, последовать за сочинителем „в тихую хижину человека природы“ (*Natürmenschen*), т. е. казака.

Очень поэтически описывал автор „благословенный край“, у Черного и Азовского морей, „страну нынешних [1811] казаков“; движение орд с востока на запад, оседание на месте их обломков, присоединение к ним на берегах рек отдельных несчастных, ссыльных, изгнанников и преступников“, объединение их для самозащиты. „Долго тянулась борьба за свободу, которую вела молодая орда... против татар, и борьба против беззаконных страстей своих-же сочленов. Зато, сколько ни малозначительна была она в начале, поднялась она если не на высоту нации в полном смысле этого слова, то во всяком случае заслуживающей уважения народности (*Völkerschaft*), принадлежащей по языку и религии ныне к Российской Империи и состав-

*) Voyage du professeur Pallas dans plusieurs provinces de l'Empire de Russie, v. II, § VIII, „Observations sur les Kosaques de l'aïk“. Первоначальное издание — по немецки.

**) Pallas „Lecond Voyage, Paris, 1811, p. 228, 217—218.

***) Storch „Tableau historique et statistique de l'Empire de Russie á la fin de XVIII siècle“ Paris, 1801, 2 v. особенно-же том 1-й.

*) Carl von Plötho „Die Kosaken oder Geschichte derselben von ihrer Ursprunge bis auf die Gegenwart, mit einer Schilderung ihrer Verfassung und ihrer Wohnplätze. Berlin, 1811.

**) В 1811 г. шли уже откровенные приготовления Наполеона и подвластной ему коалиции держав к походу 1812 г. на Россию.

ляющей, как легкая кавалерия, главный контингент ее армии" [с. 3—4].

Очень сожалел Плото об отсутствии цельной и специальной „Истории Казаков, сего воинственного народа“, и объяснял это обстоятельство „грубыми нравами и постоянными войнами“ казаков. „Граждане первого республиканского казачьего государства на Днепре были, как их потомки и ныне, храбры, предприимчивы, веселы, даже легкомысленны, но составляли настоящий, прямой, просто думающий и добродушный народ, равный по воспитанию спартамцам, а по умению владеть оружием — римлянам“. Они не покорили под свое иго никакой части света, но свои стада и алтари они защищали мужественно и стойко, и предпочитали тяжести своей непостоянной и безпокойной жизни — изнеженности и рабству“.

Если казаки не совершили того, что афиняне или римляне, то „никто не может отнять у них заслуги, что они одни спасли центральную Европу от затопления восточными варварами; что они открыли и завоевали — полмира — сибирь; а Днепровские казаки замечательны еще и тем, что свои войска сделали втечение столетий страшными для властителей тронов — польского, турецкого и русского“ [с. 56].

Всех казаков Плото выводил с Украины, а образование украинского пра-народа (Urvolk) относил к эпохе между 1320-м и 1540-м годом. В 1570 году будтобы, — значительная часть жителей с Днепра ушла на Дон, осела здесь, и, с присоединением русских добровольцев, основала самостоятельное (für sich bestehender Staat) государство, под именем: „Донские казаки“. Это государство послужило родоначальником многих новых ветвей казачества, и „еще теперь, когда украинские казаки давно уже распущены и закрепощены, сохраняет свою свободную конституцию, хотя и измененную несколько духом времени“.

Плото весьма подробно излагал историю украинской конституции после 1654-го года.

Акт 1654-го года был, по мнению автора, актом „подчинения и соединения ради защиты“ [с. 29]. Уменьшение прав Украины при избрании Мазепы автор считал не столько умалением государственной правоспособности казачьей державы, сколько ограничением личных прав казаков, как граждан этой державы. После восстания Мазепы Петр I уничтожил почти все столько раз подтвержденные привилегии, „не только возмущенный неблагоприятностью гетмана, но и потому, что увидел опасность положения, при котором подобный человек, стоя во главе воинственного народа, мог бы сделаться совершенно независимым и опасным для России“ [с. 33]. Ништадтский мир [1726] позволил Петру „дать почувствовать его дотоле подавляемому, месту, и при том в полной мере, ни в чем неповинным казакам (ибо за Мазепой ушла лишь горсть)“. Этою мезью считал Плото запрещение выбора гетмана после смерти Скоропадского, учреждение Малороссийской Коллегии и вызов 12.000, а затем еще 10.000 казаков на работы по рытью Ладожского канала.

Восшествие на престол Петра II фон-Плото считал „счастьем для угнетенных и в отношении привилегий столь обиженных казаков“ украинских, ибо тот возобновил „договорную (kontraktmäßige) конституцию Украины“. Новая „противозаконная“ отмена гетманских выборов при Анне, — подчеркивает автор, — осуществилась лишь благодаря 10.000-ному оккупационному корпусу на Украине. Фон-Плото осуждал Екатерину II за уничтожение „вольной воинственной конституции украинских казаков“ [с. 39].

Начало государственного бытия Запорожской Сечи фон-Плото относил к 1654 г., когда они были „забыты“ при соединении Украины с Россией. Запорожцы „воздвигли свое собственное воинственное государство“ [с. 42]. После ухода их с Мазепой в Турцию [1709], они в 1737 г. „Были вновь приняты, как русские вассалы“, обратно. Но они выказали в 1774 г. свое „вероломство и упорство“ во время турецкой войны. Боязнь их восстания принудила Екатерину „уничтожить совершенно это маленькое спартакское государство“. Итак, горячий сторонник украинского казачества, фон-Плото отнесся холоднее к судьбе Запорожья.

Для истории донских казаков фон-Плото счита нужным обратиться всяить к „Касахия“, косогам и к „покорению в 1462 г. русскими татарских казаков ордынских, азовских и „меторийских“ (methorischen). С примесью к ним (?! автор не указывает к кому именно) осевших здесь казаков украинских и получились „нынешние донские казаки“, которые вскоре же основали „весьма значительное государство“. Благодаря своей отдаленности, они жили „почти совершенно независимо“ от России, с кою их связали, однако, „привычка и привязанность“ [с. 49—50].

Решительным моментом в истории донской конституции было покорение Крыма — границы отодвинулись и нужда в казаках стала меньше. Для внушения соотечественникам уважения к казакам и даже почтения, фон-Плото рассказывал историю взятия Азова и, особенно, защиты его от громадной турецкой армии. Этим воздвигли они себе „почетный памятник на удивление всех воинов всех времен“.

Разиновщину фон-Плото считал „казачьей революцией“. Булавинское восстание, в его глазах, это „благородное самопожертвование Донских казаков для защиты нашедших у них приют беглецов, искавших свободы“! Семь тысяч казаков легло жертвою этого заступничества.*)

Донскую „конституцию“ 1811-го года фон-Плото считал „родом республиканского образа правления“ (Regierungsform); о назначении войсковых атаманов он не подозревал! Хвалил Платова, „вышедшего в атаманы из рядовых казаков“. Ему было известно, что „национальный цвет донских казаков — синий“ [с. 62]. И его сравнение национальных черт донцов и русских было в пользу казаков; особенно восхвалял он казачку! Подчинение русскому протекторату яицких казаков фон-Плото относил к временам Михаила Феодоровича, получение первой „определенной конституции и многих привилегий“ к 1700-му году (?). Мы не будем рассказывать, как описывал автор книги борьбу за независимость, а затем за автономию яицких казаков, равно и положение служивых войск, вообще, в 1811 г. Одно можно сказать, что в его чине и звании, при его связи с русскими официальными кругами, при тогдашнем положении Пруссии, этот прусский капитан высказал себя и большим поклонником свободы, и искренним другом казачества. Ошибки его в изложении фактов не так уже велики (особенно, для иностранца, да еще в те времена)! И весьма большим вопросом является, кто был большим казакофилом, француз-ли Лесюр или фон-Плото? Обоих их в силе чувства и выражений превзошел, как мы знаем, лишь англичанин Кларк.

Вскоре появилась брошюра Карра „О казаках или исторические подробности о нравах, обычаях, одеянии, вооружении и о способе ведения войны сим народом.“**) Вышедшая в 1814 г. и по французски брошюра эта начиналась с утверждения, что „изо всех народов земного шара нет ни одного, который претерпел бы столько превратностей самых гибельных и столько несчастий, самых частых, как тот, кого в истории именуют теперь казаками“ [гл. I].

Происходят казаки от „крестьян, восставших с оружием в руках против соседей, на защиту от нападений и грабежей“ [с. 5—6]. Сорганизовавшись, казаки „искали спасения в могучем покровительстве царей и перешли под владычество России, которая им утвердила прерогативы, лывшие их склонности к независимости, кою они (казаки) одушевлены все время. Однако это подчинение, столь выгодное для обеих сторон и особенно для России, было далеко от обеспечения казакам свободы, кою они жаждали и которая была им обещана самым торжественным образом, и навлекло на них самые многочисленные бедствия, бывшие след-

*) Жертв подавления булавинского восстания было гораздо больше, не считая ушедших за Некрасовым в эмиграцию.

**) L. J. Karr „Des Coseques ou détails historiques etc. Rocueillis de l'allemaud“ par L. J. Karr, á Paris, 1814.

ствиями царских капризов и непостоянства человеческих деяний" [с. 7—8].

С каждым царствованием появлялись „новшества и изменения, которые то похищали, то возвращали казакам их обусловленные договором прерогативы, и наконец, подвергли их игу рабства“...

Карр, конечно, думал о нации в государственном, а не этнографическом смысле слова, когда утверждал, что „ныне [1814] казаки не образуют уже, как когда-то, нацию в составе обширной Российской Империи. Они отличаются лишь, как племя, отделенное от других народов этой страны, к коей они принадлежат по их языку и религии. Сие племя, весьма полезное для русского правительства, образовалось незаметно от 1320-го по 1516-й год“. Тут Карр, в значительной степени, повторял сведения фон-Плюто.

По поводу украинской казачьей державы, Карр писал: „Естественная связь Великой и Малой России была [в XVIII в.] закреплена насильственным уничтожением духа вольности, одушевлявшего казаков, вслед за их республиканской конституцией, превратив в ничто все заключенные с казаками договоры“ [с. 46]. Засим Карр излагал „кратце, как казаки были сравнены с другими рабами русского деспотизма“. Мы не будем следить за автором в эгом изложении. Отметим лишь его замечание, что „в промежутке между 1775 и 1783 г. г. явная (granché) и своеобразная конституция казаков была молниеносно раздавлена всемогущим самодержавием российским“.

Вообще, эпоха 1812—1815 г. г. изобиловала упоминаниями о казаках в немецкой литературе. Для всей северной Германии они, идя в авангарде союзных (русско-прусских, главным образом) армий, были вестниками национального освобождения. Но, немцы, приветствуя казаков, видели в них лишь своеобразную часть российских войск; лиц, задумывавшихся над их положением в составе Империи, было немного. К тому, чувство благодарности к императорской России (которая, по изгнании французов, свободно могла остановиться на границе и заключить с Наполеоном почетный мир), а затем и цензура в Австрии и Пруссии, преграждали путь к выражениям сочувствия казакам по поводу судьбы их „конституций“. Но за военным значением казачьих войск немцы не переставали следить.

В конце 1820-х г. г. в немецком военном органе „Библиотека кавалериста“, редактор его генерал фон-Бисмарк напечатал очерк „О казаках и их военной полезности“. Это был текст доклада, который сделан был имп. Александру I в 1816 г. кавалерийским генералом Конст. Христофор. Бенкендорфом.*) Через 2 года в Париже вышел французский перевод статьи отдельной брошюрой.**)

Бенкендорф, командовавший в кампанию 1813—1814 г. г. несколькими казачьими полками, счел долгом вступить за казаков, вообще, пред Александром. Одни критики казаков стояли за прежнее раздерганье казачьих полков на мелкие отряды для конвоирования канцелярий, лазаретов, пленных, обозов, почты и т. п., говоря, что „казак годится лишь для грабежа и для преследования неприятеля“. Бенкендорф с негодованием отмечал, что казаков заставляли, сверх того, состоять при поставщиках армии, врачах, сопровождать женщин, следующих за армией и возить письма любовниц штабных офицеров.

Другие критики стояли за введение „регулярства“, чтобы улучшить состояние казачьих полков и укрепить в них храбрость. Бенкендорф писал: „я оскорбил-бы свой (подразумевалось, русский) народ, если бы допустил заявления, что одно из племен его, наиболее значительное, цвет России, рожденное под тем же небом, говорящее на том же языке, верующее так же в Бога, что оно лишено храбрости“...

*) Родной брат любимца Николая I, возведенного в графы, А. Х. Бенкендорфа, шефа жандармов и пр. Конст. Бенкендорф умер в 1828 г. при осаде Шумлы.

**) „Des Cosaques et de leur utilité à la guerre. Mémoire rédigé et présenté à Sa Majesté l'Empereur de Russie en 1816 par le general C. de Benckendorf, traduit de l'allemand, Paris, 1831.“

Что касается реформ, то Бенкендорф советовал: 1) чтобы каждый казачий полк был в комплекте — 500 коней; 2) чтобы казаками командовали русские офицеры, а не казаки; 3) чтобы офицеры всегда были неразлучно с казаками и впереди их; 4) чтобы небольшая часть шла в арриергарде, подгоняя отставших; 5) чтобы всем полкам были даны свои знамена.

Изю всех этих советов один имел большое политическое значение, и позже М. Чайковский, в обращениях своих к казакам, для доказательства централизаторской политики царского правительства, ссылаясь усиленно на этот совет — ставить начальниками над казаками не казаков. Николай I принял к сведению этот совет, начавши с назначения не войскового начальником штаба Донского Войска в 1835 году и продолжив назначением войскового атамана Хомутова в 1848 г. Интересно поэтому привести мотивы, руководившие Бенкендорфом.

Оказывается, „русский офицер обладает большими знаниями, чем казак, вышедший из самого низкого класса, лишенный воспитания и чувства чести (!), коими должен отличаться офицер. Бенкендорф утверждал, что „казак, рожденный деятельным, понятливым предприимчивым, не имеет себе равных, когда его производят не свыше урядника. Офицер-же из казаков, это — тиран своих бывших товарищей и беспощадно гонит их на смерть, лишь бы отличиться пред войсковым атаманом“, от которого зависит его продвижение по службе.

Бенкендорф знал лишь 2 „достоинных“ офицеров-казачков: полковника Чернозубова VIII-го и полковника Ивана Жирова. За 30 лет, по его мнению, (стало-быть, выходит с 1786 по 1816 г.), выдвинулось лишь три казачьих генерала (Иловайский XI-й, Сысоев и Орлов-Денисов).

Зато Бенкендорф хвалил тех офицеров из русских и из немцев, которые отличились в 1812—1815 г. г., командуя казаками.*) О себе он скромно умалчивал. По его словам, „казак должен предпочитать русского начальника офицеру из своей нации“, потому что он — справедливее, скорее может вмешаться Георгия и т. п. В одно только не должен вмешиваться офицер не казак: в вопросы экономики и внутреннего распорядка Донского Войска. „Эти народы приписывают величайшее значение древности их старых обычаев и религиозным обрядам. То и другое — священно!“ Бенкендорф порицал молодых донских казачьих офицеров за попытки вносить изменения в эту область.

Под конец, Бенкендорф советовал держать в большей части казачьих офицеров. Вероятно, если бы он еще подумал, то додумался бы до необходимости организовать военные школы для подготовки офицерских кадров из донского казачества. Любопытно, что этот доклад так и остался неизвестным в России, войдя в немецкую и французскую литературу о казачестве.

Большая и обстоятельная книга о казаках вышла по немецки лишь в 1860 г., что выходит за пределы нашей темы.***) Что касается немецких путешественников 1830—1850-х г. г., писавших и о казаках, то мы остановимся лишь на одном из них, весьма серьезном, образованном и осведомленном — на бароне Гакстгаузене.

Книга Гакстгаузена сделала много шума и была издана, как по немецки, так и по французски.***) Она носила название „Этюды о внутреннем положении, народной жизни и сельских учреждениях России“. В ней он довольно широко коснулся казачьего вопроса.

*) Дибича, Павла Кутузова, партизана Сеславина, кн. Кудашева, „храброго полковника“ барона Палена, Левенстрерна, Давыдова, „неутомимого“ Чернышева. Бенкендорф хвалил и прусского генерала Теттенборна, которому в 1813 г. были вверены 4 донских полка (Сулумы IX-го, Денисова, Гребцова и Коммисарова) и его прусских же сотрудников Дернаберга, Ностица.

**) A. von B. „Die Kosaken in ihrer geschichtlichen Entwickelung und gegenwärtigen Zuständen“. 1860.

***) „Etudes sur la situation intérieure, la vie nationale et les institutions rurales de la Russie“ par le baron Aug. de Haxthausen. Hanovre, 1847—1853, v. I—III.

Гакстгаузен оправдывал политику центрального правительства в отношении казаков. Сообщая об отмене выборности атамана и всевластия войскового круга, он находил их „несовместимыми с монархическим образом правления во всей империи“ [II, 197]. За то, именно в самодержавии, он видел главного защитника казацких прав и привилегий. В Западной Европе, говорит он, „было угодно рассматривать уничтожение привилегий Украины и ограничение их у других казаков, как результат политики деспотизма. Из за того, что казацки объединения (association, очевидно войска) обладали родом демократической конституции, не желают видеть, что они представляли собою в отношении других русских настоящую привилегированную аристократию“.

В Европе не колеблются уничтожать права сословий и корпораций, ведущие начало со времен феодализма, и принципом „благо отечества — высший закон“ оправдывают самые волюющие насилия над историческими привилегиями. А, когда речь идет о казаках, дело поворачивается иначе. Но заслуги казачества уравниваются их изменами и разбойничеством, да и оплачены слишком дорого их привилегиями.

„Когда непредубежденно изучаешь историю, должно согласиться, что казаки запорожские и украинские сто раз заслужили свою участь, и что русское правительство оставило другим казакам, особенно же донским, гораздо более вольностей и привилегий, чем сохранило-бы им либеральное государство Зап. Европы“... „Более того, — довольно удачно и верно предрекал Гакстгаузен, — если бы Россия сегодня увидела бы себя пожалованной хартией, во всех отношениях согласно с конституционной теорией, и если бы обе палаты оказались наполненными одними лишь либералами чистейшего либерального оттенка, то можно сказать, что через несколько месяцев подавляющее большинство потребовало бы у правительства отмены вольностей и привилегий у казаков, начиная с Донских и Сибирских. Отсюда бы впоследствии вытекало, что казацки привилегии могли продержаться столь долго и в таком объеме лишь при самодержавии“ [III, 408—409].

Гакстгаузен боялся, что западно-европейская литература, переполненная „руссоедами“ (R u s s o p h a g e s), не оценит этого утверждения. Если бы он знал рассуждения депутатов в Екатерининской Законодательной Комиссии [1767 г.] об окраинных привилегиях или речи депутатов Государственной Думы III-го созыва о Финляндии, то мог-бы сказать, что жизнь оправдала его предсказания вполне.

Гакстгаузену (читай: его российским военным осведомителям) казалось, что военные качества казачества, начиная с войны 1812 г., постепенно ухудшались. Он не пытался установить зависимость этого ухудшения, (если оно существовало), от ухудшения положения самого казачества, как в материальном, так и в моральном (особенно же политическом и социальном отношении). Он грозил: „если казаки (донские и уральские) не станут понемногу хорошими воинами (bons militaires), то правительство будет вынуждено или переселить их, или уничтожить их звание. Ибо их (казачье) обогащениях: они платят меньше податей, во первых, государство своей армией прикрывает их со стороны Кавказа, во вторых. Но тогда привилегии казацки должны компенсироваться военной службой и заслугами.“

Историческое право было на стороне казаков. Гакстгаузен, защитника исторических прав в Европе, смущало это обстоятельство. Поэтому он рассуждал (вполне по марксистски, добавим): „формальное право никогда не может противостоять крушению естественных оснований, как башня не может устоять, если рушится скала, на коей она воздвигнута... С давних пор уже, если не всегда, прерогативы царей и императоров были выше формального права казаков. Это формальное право существует лишь постольку, поскольку то угодно императору“... Гакстгаузен соглашался, что,

как подумают многие европейцы“, это положение не гарантирует безопасности права“, что эта безопасность „может стать сомнительной“. Но попытка оправдать положение ссылкой на то, что и законодательные палаты, даже скорее, чем государь, могут совершить несправедливость, вышла у Гакстгаузена путанной.

Впрочем, так как у русских (и у казаков, в том числе) приказ царя — выражение воли Божией, то „это повиновение облегчит казакам их подчинение там, где это будет неизбежно“... „повсюду, где казаки выказывают наклонность к вырождению“ (кто то вбил в голову Гакстгаузену, что казаки вырождаются), „казакам угрожает не революция, а реформа сверху“... Они должны служить стране защитой, но не должны изображать из себя развалюну, мешающую плугу, развитию промышленности, всеобщему благосостоянию и, кроме того, развалюну, могущую стать притоном разбойников“ [III, 447—448].

Повидимому, не зря ходили в конце 40-х годов слухи о превращении казаков в государственных крестьян, или о новых переселениях на окраины. „Казаки принадлежат границам“, (?) — утверждал Гакстгаузен, — вот почему их так часто переселяют массами, и так будет всегда“ (!).

Гакстгаузен утверждал, что все попытки вождей малорусских казаков — основать независимое государство между Россией, Турцией и Польшей были тщетны; что потеря их независимости относится к моменту отделения их от Польши и закончилась даже быстрее, чем крушение великой Польской республики, коей они (казаки) нанесли первый удар; с другой стороны, малороссийская нация, подчинившись своему естественному государю, обеспечила себе независимость от всякого иностранного владычества, и за эту независимость недорого было заплатить, даже принеся в жертву казацкую конституцию [III, 420]. Уничтожение конституции малороссийского казачества и Запорожской Сечи казалось Гакстгаузену естественным, логичным и законным.

Что касается Дона, то — по мнению Гакстгаузена — вопрос о форме правления на Дону не играл никакой роли в многочисленных восстаниях донских казаков. Донцы, как великороссы по происхождению, не чувствовали никогда никакой национальной неприязни к русским. Наоборот, им всегда доставляло удовольствие „рассматривать себя, как добровольных и свободных подданных царя, и хотя их желания часто превышали пределы свободы, которую цари считали возможным им предоставить, они никогда не стремились создать свое совершенно независимое государство, чего на Украине жаждали Дорошенко, Мазепа и запорожцы“. У Донских казаков „было лишь всегда желание создать род государства в государстве“. Это желание вызывало не мало разногласий, но именно благодаря верности, неоднократно засвидетельствованной донскими казаками в отношении русского правительства, они сохранили свое особое устройство, правда, ограниченное во многих отношениях. Их „ассоциация“ в той форме, как она существует теперь, не представляет опасности для государства (русского), во первых, потому что их конституция изменена таким образом, чтобы устранить всякую причину к возмущению, а во вторых, в особенности потому, что сохранение их драгоценных привилегий зависит единственно от воли императора. Именно это чувство и дает всем им сознание, что их маленькое государство существует лишь благодаря великому русскому государству [III, 427].

Итак, по Гакстгаузену выходит, что Дон даже в 1840-х г. г. был, хотя и „маленьким“ но все же „государством“. На самом деле, Дон потерял уже в это время даже областную автономию и сохранял лишь некоторые незначительные особенности в управлении.

Все приведенные нами данные из иностранной литературы о казаках, показывают, как она была богата и как, в сущности, мало знаем мы всю историю казачества.

П. Фадеев.

Лето 1918 года.

После отступления большевиков из-под Уральска остаток лета 1918 года, до осени, прошел под знаком наших успехов на фронте.

Посторонние обстоятельства способствовали этому. Первое — Чешские легионы, с которыми с весны была еще установлена связь, второе — Оренбуржцы, организовавшиеся для борьбы вновь с весны 1918 года, и третье — достоверные сведения с Дона, Кубани и Терека о боях против красных.

По взятии чешскими легионами Самары, Войсковое Пр-во держало постоянно своего представителя при штабе легионов в целях информации и хлопот пред чешским командованием о помощи оружием, снарядами и снаряжением. С своей стороны, чешское командование также имело своего делегата при Войсковом Пр-ве. Прибытие его было отпраздновано торжественным заседанием правительства и с'езда (Круга) и еще тогда, в далеких Заволжских степях, Уральские казаки кричали „Nazdar“ и „Ура“ в честь чешских легионов.

Войсковое Пр-во и все казаки придавали огромное значение установившимся после этого больше чем хорошим отношениям между легионами и нами. Но вместо помощи живой силой „войсками“ по ходу дела мы сами должны были посылать некоторые части на участки, занимаемые войсками легионов. Так например, при взятии г. Бузулука участвовал наш конный полк, при взятии заводов Иващенко (Новая Москва) — дивизион, в Казань первым ворвался в конном строю уральский взвод под командой сотника Аронова. В результате всего этого, отношения между нами, как я уже сказал, были больше, чем хорошие и со стороны чешских властей выражались чуть не в выдаче нам *carte blanche* на получение оружия, патронов и всего необходимого из захваченных складов противника на заводах Иващенко, Самары и Казани.

К августу месяцу 1918 года находившийся при чешских легионах дивизион 1-го учебного кон. полка был усилен еще одним дивизионом до полка. Оренбуржцы также усилили свои части, а среди крестьян губерний была объявлена мобилизация с'организовавшимся к тому времени Комитетом Учредительного собрания, во главе с В. Черновым. Последнее обстоятельство было, пожалуй, роковым. Добровольческий элемент сильно разредился, а крестьяне определенно ни за что воевать против большевиков не хотели.

Союзные армии начинают постигать неудачи: к началу сентября мы отдаем Казань, потом заводы Иващенко, не использовавши окончательно, затем Самару и армии покатылись на Кинель.

Ст. Кинель — водораздел: от нее одна ветка идет на Уфу—Сибирь, другая на Оренбург—Ташкент. Чешские легионы пошли на Уфу, а мы с Оренбуржцами и приданным нам полком „народной армии“ пошли на Оренбург.

Заканчивая свои описания соприкосновения Уральских казаков с Чешскими легионами, мне трудно удержаться, чтобы не высказать своего восхищения и преклонения перед доблестью, стойкостью и выносливостью чешских легионов, как отдельных бойцов, так и воинских частей в целом, равно и о той ненависти, какую питали к чехам большевики. Если случалось (к счастью, это бывало не часто) чеху попасть в плен к красным, то он буквально подвергался всем пыткам, доступным изобретательному уму красных, после чего демонстративно и зверски убивался.

Под г. Бузулуком полк получил приказание из Войска занять п. Царь-Никольский, Соболевской станицы, которому в первую очередь, а за ним и всему району, угрожало нашествие и истребление от появившейся поблизости от этого района группы красных. Положение этого района было действительно критическим, что можно заключить из того, что квартиреры полка выгнали из поселка, уже появившийся там раз'езд красных. наших частей по близости не было. Сдаем позиции Оренбуржцам и, прихватив с собою остатки полка нар. армии (по выходе из Кинеля солдаты полка каждую ночь исчезали по полуротно и к описываемому моменту из них осталось не более двухсот гимназистов), полк повернул в область.

Измученный большим переходом, занял Царь-Никольский и, не предвидя ничего дурного, даже переправил пушки, пулеметы и обоз за реку, в сторону противника. На ночь выставлено охранение. Утром, с разсветом, д. б. выступить несколько раз'ездов к грани. Дежурная сотня коней не расседлывала. Но случилось так, что утомленные казаки, чувствуя себя дома (отступая по Самарской губ. редко приходилось выступать из сел без стрельбы нам в тыл со стороны „благодарных жителей“), с каймаками, чаями, да лепешками задержались во дворах. В 7—8 ч. утра, как гром в ясный день, разрываются несколько снарядов в центре поселка и открывается после этого довольно частая орудийная стрельба по нему. Пушки, пулеметы — развыючены, раз'амуничены, обозы — распряжены, сотни — расседланы... Поднялась неминуемая паника. Командир дежурной сотни, сотник N, чувствуя свою вину, решил спасти положение отчаянным шагом... И спас!... Собрав находившихся по близости казаков своей сотни (к счастью, кони были подседланы) и предупредив к-ра полка (В. ст. А.) с 60—70 казаками бросился „на выстрел“. Маневрируя удачно за холмами, сотня выскочила в тыл-фланг пр-ка и в конном строю атаковала его неожиданно. Теперь получилась картина обратная: пушки, обозы противника начинают поварачивать, сниматься и скакать назад, пехота частью бежит, спасаясь, частью старается перестроиться фронтом к атакующим и открывает огонь из винтовок и пулеметов. Сотня — рубит.

Видя, что атакующие не многочисленны, стрельба становится более действительной. Среди казаков есть убитые, раненные... Часть цепей, не захваченных лавой, уже перестроилась и своим огнем останавливает атаку. Сотня отскакивает за ближайший холм, спешивается и открывает в свою очередь огонь по противнику. К-р полка, в свою очередь, сумел набрать до 100 человек и атаковал вновь пр-ка в подставленный уже ему фланг. Пр-к старается закрыться и с этой стороны, сотня вторично его атакует и, т. о., вместо удачи пр-к понес большие потери, но все же, благодаря своей многочисленности (до 3-х т. пехоты, 4 оруд. и 2 эск. кон.), ему удалось отойти, не будучи окончательно уничтоженным.

В истории нашей войны это был первый бой установившегося нового фронта-направления: Соболевского.

К октябрю месяцу 1918-го года т. о. их существовало четыре: 1. Саратовский (Саратов на Уральск), 2. Соболевский (Бузулук — Уральск через Соболевскую станицу), 3. Новосергиевский (Ново-Сергиевка — ст. Илецкая) и 4. Богатинский (Астрахань-Гурьев — через нефтяные промыслы Богатинские).

● КАЖДЫЙ ВОЛЬНЫЙ КАЗАК ДОЛЖЕН ПОДПИСАТЬСЯ НА СВОЙ ЖУРНАЛ! ●

В. П. Елисеев. (В. Петров).

Радость — плач.

(Впечатления от всесокольского слета в Праге).

Набитый людьми поезд оставлял утопающую в национальных флагах деревянную станцию. Грузно перескочил, зашелкав колесами, с одних рельс на другие и запыхтел по открытой, ровной долине... Я — единственный во всем многолюдном поезде владелец паспорта д-ра Нансена („нансенист“, так сказать) — высунув голову из окна вагона, все глядел на скрывавшуюся из моих глаз, так приковавшую мое внимание станцию. Почему я глядел так на эту станцию? Чем она приковала меня, „нансениста“?.. Впрочем, дело вот в чем.

Будучи „дома“, я думал, что слет есть слет. Слетятся, мол, сокола чешские, приедут сокола из других славянских стран и, собравшись, начнут показывать одни перед другими свои сокольские достижения. Подчеркнут, так сказать, значение физического воспитания, развития. Покажут, что сокольство де — здоровье нации, а раз нация физически здорова, то, значит, страна имеет надежду сама на себя при нужде...

Такое, собственно, незатейливое представление имел я о слете соколов. Но переехав границу, я сразу же заметил, что сокольский слет для чехов не есть обыкновенный слет соколов, которые слетаются лишь для того, чтобы продемонстрировать значение физической силы сокольства, а есть что то гораздо большее, раз вся страна утопает в национальных флагах и увешена портретами д-ра Тырша; раз с лиц всех чехов не сходит радостная, но лишенная признаков гордости и достоинства, светящаяся улыбка; раз вся страна торжествует. Ну, прямо как в день Светлого Христова Воскресения...

Все это невольно мною сразу было подмечено, уловлено и осознано.

Давно уже потонула в равнине станция с своими развивающимися белыми флагами, а я как повис грудью на окно вагона, так и продолжал висеть на нем неподвижно... Мелькали посаженные заботливою рукою у дороги деревья; зеленели, так много напоминающие родные хутора, по равнине села; блестела и переливалась в золотых лучах солнца не отстававшая от поезда змейка-река...

Удивительное дело. Чем объяснить? — Как только увидишь где какую либо реку, так обязательно начнешь ее сравнивать с Доном. И нередко находишь что и похोजее, сравнивая чужую реку с нашим Доном. Вот и эта. И колено у нашей станицы и лес. Даже Раздорские виноградники. Только поезд как то не походит. Пароход нужен бы был...

Загоны... Хлеб поспевает... И такие же волны золотые, как и дома... на Дону... Хоть бы колос подержать в руке. Размять бы, да посчитать зерна... Двенадцать лет не видеть ни золотых волн зреющего на поле хлеба, ни пахнувшего солнцем и сочной осокой зеленого луга, ни тенистых „кряжевых“ садов... Двенадцать лет ничего не видеть... даже земли или самой обыкновенной зеленой травы. Растет она где то на свободе, а ты только о ней думаешь, шагая по раскаленному, обжигающему подметки, тротуару. Двенадцать лет раскаленный тротуар... А, ведь, все эти годы и поля золотели и луга зеленели, и сады цвели и зрели...

Довольно чувствительный толчек в левое плечо, а потом звонкий стук окна перед самым носом. Вагон наполнился синим смрадом. „Третью туннель не хотел закрывать окно“, — стали выговаривать мне сидящие со мной в одном купе, когда поезд вышел из туннеля и в вагоне стало светло, — „задушиться можно“. Я молчал. Потому что, если говорить, то нужно было говорить много, очень много... А говорить много с незнакомыми людьми при первой встрече как то неудобно. Можешь, просто, надоесть человеку своей излишней словоохотливостью. Ну, потому и молчал, глядя виновато на чужих людей, а поезд все мчался.

Много уже промелькнуло в окнах железнодорожных будок, полустанков в цветниках и станций, разукрашенных флагами и портретами д-ра Тырша. Исчезла и снова блестела на солнце серебрившаяся река.

Оставались позади и сады и вскружившие мне голову золотящиеся поля...

— Издалека? — обратился ко мне человек в сокольской форме. Обратился после того, как уже несколько раз, как я замечал, порывался обратиться, но все почему то сдерживался, не решался.

— Издалека, — ответил я уклончиво.

— Откуда?

Хотел, не хотел, а неудобно было молчать.

— Из Румынии.

— Румын, значит? — заинтересовался чех-сокол.

— Нет. Не Румын.

— Мадьяр? — не отставал он от меня.

— Нет.

— Немец?

— Тоже нет...

Тогда чех-сокол, перестав перечислять национальности, спросил:

— А как говорите?

— Лучше всего говорю по русски, — ответил я.

— А, русский значит? Тогда будем говорить по русски.

— Говорить по русски будем, но я не русский...

Чех-сокол, видно, подумал, что я его беру на шутку, ибо, недовольно заерзав по лавке, замолчал.

— Ну, значит, надо разговориться, — подумал я и, глядя ему прямо в глаза, добавил: Я не русский. Я с Дона...

— Казак, — договорил он за меня. Так и сказал бы с самого начала... Дон... да как же не знать?.. Три года прожил на Дону. В станице Каменской, у Петра Максимовича Парамонова...

Непредвиденная родная связь. Заговорили о Доне, о казаках-хозяевах, о казачьем хлебосольстве, о казаках-служаках, а потом и о России и ее большевиках...

Чех-сокол знал, что в России целых три года была „гражданская война“. Знал так, как знают все иностранцы об этой „гражданской войне“. Воевали-де „русские белые“ с „русскими красными“...

Раз заговорили, то я счел нужным чеху-соколу объяснить. Я ему сказал, что „гражданская война“ в России (только не на русской земле), действительно, была. Но что „белое русское воинство“ в количественном отношении было совсем ничтожно. Что так называемую „белую русскую армию“ представляла, собственно, кучка „белых русских генералов“, прибегавшие тогда на Дон из России тысяча-две, так называемых, „добровольцев“, тоже оттуда, из России. Что эта „белая“, „генеральская“ кучка, оторвавшаяся от своего русского, „красного“ большинства, по своей количественной ничтожности с последними воевать не могла. Что этот вредный, чуждый Казачеству „генеральский наплыв“, сговорившись с казачьими „вождями“, не только сумел всосаться в тело казачье и стать во главе сотысячной казачьей армии!.. Во главе казачьей национальной (лишенной всякой русской „белизны“ или „красноты“) армии! Чуждые Казачеству „белые русские“ интересы были вменены в наивысшую обязанность Казачеству. Людей же, борющихся за свой казачий интерес, стали стрелять и вешать. Парадокс? Удивляетесь? Но дело обстояло именно так. Чистое казачье лицо замазали „русской белизной“. Сделали казаков „белыми“, как и они... Вот почему „эта русская белизна“ так и осталась за казаками... Казак, как казак, не был представлен тогда внешнему миру. Казаки сделались в ваших глазах (да и в глазах их противники „красных“) „белыми“, „белогвардейцами“, „буржуями“, „монархистами“, „врангелистами“. Казак, как казак, люди не узнали... А между тем, какой случай представлялся Казачеству, чтобы оно стало известно как таковое!.. Три года биться, имея свою национальную армию, на своей собственной земле, и остаться неизвестным, не суметь выявить своего лица... Выяви его, не говорили бы, что „в России была гражданская война“. Нет, тогда бы весь свет знал, что в

России была не „гражданская война“, а война казаков с русскими. Один народ защищался от другого народа. И по праву... По праву казачьего интереса, казачьей цели. По праву десятков тысяч жизней, павших в борьбе с врагом, защищая свою землю... Казачьего же права мы, казаки, лишились благодаря тому, что „русский белый генералитет“, вместе с нашими „видными вождями“ нашу должную чисто казачью войну спровоцировали в войну „белую“. Вот в чем наша, казачья, трагедия...

— Я думаю, что вас, казаков, все же поймут. Вернее, что вы все же выявите ваше казачье лицо перед миром. Сумеете. На ошибках учатся, — сказал после некоторого глубокого молчания чех-сокол... Нас тоже считали не чехами, а австрийцами. И сами австрийцы и другие. Было такое худое время... И чех-сокол, о чем то задумавшись, замолчал снова...

— Пережил, должно быть, не мало, пока стал чехом, — подумал я, глядя на него, задумчивого. Чех, как бы поймав мою мысль, отозвался:

— Мы тоже воевали в бывшую войну. За что? За Австрию? Нужна она нам была? Воевали за австрийский интерес. Как и вы за русский... И если бы не рискнули строить свой собственный дом, то и сейчас бы были „австрийцами“. Сказал это слово и вспомнил о Петре Максимовиче, — улыбнулся чех. — Хороший был хозяин Петр Максимович Парамонов. Никогда не ругал и не утруждал работой. Был у него, как свой, семьянин. Казак был большой. Я это видел. Но только меня почему то не считал за чеха. На этом только и кусались иногда. Как сейчас помню... Бывало сплю, а Петр Максимович будит меня, так это, знаете, в самую сладкую зорьку:

— Стефан! А Стефан!

— Чего?

— Вставай на работу.

— Сейчас, — отзовусь, а сам лежу, не поднимаюсь.

— Вставай, австрияк! Чего ждешь?

— Петр Максимович, какой же я австрияк? — скажу ему после, так во время курева или обеда, — ведь я чех, а не австрияк...

— Ты, говорит, может и чех, но мы чехов не знаем. Мы с ними не воюем. Мы воюем с австрийцами, а попомо ты, брат, больше австрияк, раз был в их армии...

— Так, Петр Максимович, — скажу ему — ты тоже служишь русскому царю, в русской армии; тогда, значит, и ты русский?.. Так, Петр Максимович, выходит, что я — австрияк, а ты — русский...

— Да ты что, в самом деле, от меня хочешь? — набрасывался тогда на меня Петр Максимович с кулаками. — Казака Петра Парамонова равняешь с русаком? Я — Петр Парамонов — казак! Понимаешь, казак; Фак, понимаешь?! (Петр Максимович говорил не „факт“, а „фак“).

Я тогда уже больше не говорил и старался все время только быть на чеку, чтобы во время избежать увесистого его кулака... В этом случае от Петра Максимовича всего можно было ожидать. Только на этом и не ладили мы с Петром Максимовичем. Вернее Петр Максимович со мною не ладил. Меня мог считать за „австрияка“, а я его за „русака“ нет, не допускал и в разговоре...

— Что теперь сказал бы вам Петр Максимович, если бы вы с ним встретились? Вероятно, признал бы вас за чеха?

Чех-сокол, вместо ответа, пожал мне крепко руку...

От этого чеха-сокола я узнал, что настоящее тержество всесокольского слета в Праге обязано исключительно жизни и деятельности профессора доктора Тырша. Он — маститый борец за сохранение чешского национализма — всю жизнь свою положил на то, чтобы чехи, проходя через нелегкое горнило исторических перипетий, не потеряли бы своего национального лица. Национализм своего народа д-р Тырш сохранил благодаря соколовству. На взгляд лишенная политической окраски, придуманная д-м Тыршем сокольская организация, с течением времени, представила собой дисциплинированную национальную чешскую армию, которой, собственно, и обязана своим возрождением сегодняшняя Чехословакия. Вот каково значение соколь-

ства для Чехословакии и для ее настоящего пражского торжества. Вот почему вся страна утопает сегодня в национальных флагах; вот почему все население Чехословакии, наряженное в форму чешских соколов, стремится в Прагу, и вот почему у памятника д-ра Тырша, увешанного венками и разукрашенного национальными лентами, стоят с обнаженными шашками чешские сокола, — думал я, стоя на перроне вокзала Праги...

На одной из несумных улиц Праги стоит многоэтажный розовый дом. Этот розовый дом отличается от других домов Праги тем, что на одном из его балконов, кроме чешских национальных флагов и специальных флажков сокольского слета, играют своим разноцветом, переливаясь в искрах солнца, и флаги: сине-малиново-желтый, сине-желто-красный, сине-малиново-зеленый, синий и желтый. Донской, Кубанский, Терский и Калмыцкий, — казачьи флаги!.. Торжествуя победу чешского народа вместе с ними, развеиваясь на скромном балконе, чувствуют Великий праздник Возрождения...

Казачьи флаги на розовом доме в Праге... У каково казака не дрогнет больно сердце и не обольется оно горячо кровью при сознании того, что эти флаги мы сами — живые свидетели — видели своими глазами, как они гордо развевались на наших атаманских дворцах, войсковых площадях, на наших казачьих куренях. Недавно. Все мы их помним хорошо... Но... Или уж несчастны мы так, или неопытны, или, просто Богом обижены?.. Как это так случилось, что наши „видные люди“ не поняли нашей святой любви к этим флагам? Как это так, что они допустили (и без всякой нужды, добровольно!), что наши флаги завяли, не успев расцвести?.. И на земле нашей, казачьей, сначала „забелел“, а потом „закраснел“ чужой нам флаг?..

О, что им!?! Они покупают себе виллы, открывают банки и катаются по чужим столицам на собственных автомобилях. Они священнодействуют по сей час перед олевавшим Казачество „белым“ флагом. Нет... Иуда выше их по совести. Тот имел совесть и удавился. А эти?... Ни мужества, чтобы сознаться в своем великом грехе, ни совести, чтобы удавиться...

Живут „политические банкроты“. Да еще и считают себя „обязанными разрушить наивную веру казаков, их тщетную иллюзию“... Не понимают причины „отрыва и разрыва поколений, отвержение старых“, т. е. отвержение их, „бывших видных деятелей“, а теперь „политических банкротов“ живых политических трупов... Не понимали и теперь не понимают нас... А, впрочем, чорт с ними... Теперь бы они хотя и поняли, но мы им не поверим...

Побыв в розовом доме и порадовавшись на разноцвет родных флагов, я поспешил на Всесокольский слет.

Слет... Вот тебе и „австрияк“, — подумал я, увидя громадный стадион, площадью в квадратный километр, где исполняли сокольские упражнения сразу 17.000 человек. 17.000 воинов! Воинов, воспитанных не на страхе и забитости, а на совести и разумном долге. Воинов, живущих одним высоким самосознанием: жить и умереть (если надо) ради благополучия своего народа; воинов постоянных и вместе с тем не стоящих государству ни одной короны. Великая сила — национализм! И велики те народы, которые им дорожат!... 17.000! — сила. И ни одного звука, ни одного лишнего движения. Только свист в ушах от 17.000 рук, или глухой стон земли при падении на нее 17.000 человеческих тел. Команды никакой. Команда — марш громкоговорителя. Гробовое молчание царит в стотысячном амфитатре... После 17.000 первых соколов стадион усеяли другие 17.000 соколов, а после этих 17.000 женщин-соколок. Не армия ли это? Поймать бы хотя одно лицо австрийца, вчерашнего барина Чехословацкого народа!...

Сокольский слет... Сокола... Жизнь, сила, горячий порыв любви к своей стране!... Смотришь и думаешь: Ну, сербы и румыны, уж так и быть. Скажем, старые государства. Имели возможность окрепнуть. Но вот Чехословакия и Финляндия вчера только, можно ска-

зат, возродились. Вчера только одна была у австрийцев, а другая у русских. А посмотри! Как будто они всегда были самостоятельные государства. В такой короткий срок и такой успех. Чехи и финляндцы на все сто процентов... Видно, что, как колос на солнце, спеет и Украина. Уже и ее флаг развеивается на международных празднествах. И украинцы представлены как народ...

Я радуюсь, когда смотрю на национальное торжество народов. Радуюсь честно. Вижу, что вчерашний раб не только сравнялся, а, быть может, превзошел своего бывшего хозяина—„опекуна“. Радуюсь за людей. Но чем больше радуюсь, тем меня сильнее дуршат слезы... Дожились до того, что и радоваться то не можем, как все радуются. И радуешься и плачешь вместе... Радость за людей, а плач за себя... Стать бы перед амфитеатром да крикнуть бы им всем, что мы тоже хотим с ними праздновать. Что мы тоже такие же люди, как и они; что мы только обезличены нашим врагом. Рассказать бы им всем, как мы дожили до нашего горя-печали, незаслуженного нами изгнания. Заявить бы им всем, что мы все же не умерли, а живем и хотим жить. Попросить бы помочь нам в искании нашей казачьей цели... Не просим чего либо необыкновенного, а просим только то, что просили когда то и вы сами. Найдем свою цель и будем радоваться так, как радуется сегодня вы: без слез на глазах...

Уже вечерело, когда стотысячный амфитеатр с любопытством ожидал последнего номера сокольского торжества — превращения греческой Олимпиады в Сокольство.

Посреди стадиона был сооружен храм и из жертвенника закурился фимиам в честь богов... Появились

нимфы и жрецы (в строго выдержанных уборах). К начавшемуся священнодействию подошла рать: полководцы, конное и пешее войско. Поодаль стоял ярко и пестро одетый, собравшийся на игры народ, которые и начались по окончании службы. Бега, бросание диска, метание копий, борьба. Лавровый венок победителю, восторг и чествование его согражданами. Конец Олимпиады завершился легендарными бегами восьми колесниц. Нельзя было видеть ни лошадиных ног, ни вертящихся колес древних колесниц. Казалось, что тройка и колесница летели по над землей, по воздуху. Присутствующие на играх: греческая знать, войско, духовенство и народ, одетые все в одежды того времени, награждают одержавшую победу колесницу потрясающими воздух рукоплесканиями. Стотысячные амфитеатры, наблюдающие за грандиозным спектаклем, в котором участвуют не менее трех тысяч артистов, невольно перенесены в историческую эпоху Олимпийских игр. Олимпиада со всеми ее подробностями...

Падает красная занавес, закрывая колесницу-Олимпиаду... Перед стотысячной публикой стоят, покрыв стадион, чешские сокола. Сброшены и валяются по полю одежды отжившей Олимпиады. Все видят молодую, но крепкую своим национализмом свободную Чехословакию...

Из стапятидесяти тысяч грудей вырываются и несутся в затихшую воздушную высь могучие звуки национального гимна... Все поют, славя победу и правду, а затихшая вселенная слушает...

Пел и я. Пел, радуясь победе Чехословацкого народа... Но, Боже!.. меня душили слезы... В своей песне я видел тянущуюся ко мне за помощью мою Родную Землю...

С. Савельев.

О казачьей „Оси“.

(По поводу „философствования“ Яицкого Атамана Толстова).

С большим вниманием и радостью, смешанной с некоторыми недоумениями, читал я первую статью Яицкого Атамана Толстова на страницах „В. К.“. Заслуживало такого внимания со стороны казаков хотя бы одно то обстоятельство, что впервые в журнале самостийников появилось имя одного из Войсковых Атаманов.

Радостно было то, что этот Атаман, не боясь разных пересудов „княгини Марии Алексеевны“, на страницах самостийного журнала написал такие вещи, кои не могли не радовать глубоко каждого честного казака, свободного от русских политических тенет, не могли не волновать сердце в котором не угасла еще „казачья искра“, священная казачья идея не подавлена тяжестью бытия.

Недоумения вызывали прорывавшиеся между строк не совсем понятные, иногда не очень лестные отзывы в адрес отдельных казачьих Войск.

Затем читал горячее обращение яицкого казака Портнова к своему Атаману, а также ответ последнему донца А. Н. Трофимова, который, кстати сказать, почти буквально выразил те мысли, какие возникли и в моей голове при чтении статьи Толстова.

В общем, первое выступление Яицкого Атамана доставило лично мне не малую радость и я было собрался выразить эти свои чувства вместе с некоторыми своими замечаниями по поводу тех „пунктов“, кои вызвали недоумения. Но опоздал, станичник Трофимов меня предвосхитил.

В номере 106-м „В. К.“ я имел удовольствие читать уже вторую статью Толстова, озаглавленную „Философия и казаки“, и признаюсь: она мне доставила гораздо меньшую радость, можно сказать — даже наоборот. Во всяком случае, эта последняя его статья по меньшей мере очень непонятна. Даже при самом внимательном чтении трудно уловить — что именно хотел выразить автор всей своей статьей и своей заключительной призывной фразой: „Выпрямляй Ось!“ И что это за Ось такая?

Начну с общей „философии“ Толстова, согласно

которой все человечество, с его бесконечно сложной жизнью, представляется ему в виде Крыловской басни: человечество — „воз с поклажей“, а в запряжке — „лебедь, щука и рак“ без разумного возницы. По Толстову, не легче делается человечеству от того, „когда один из старателей, взявши кнут и разогнавши остальных, впряжет в тройку чужих коней, стегнет... и помчит полным ходом или вправо, или влево, а то и круто назад“.

Тогда Толстов сторонится, смотрит вслед этой бешено мчащейся тройке и думает: „а вдруг оси не выдержат, тогда и тому, кто внутри (читай — человечество!), и самому лихому ямщику капут!“.

Сложнейший жизненный процесс человечества, его труднейший путь эволюции от низшей ступени к высшей, от состояния, близкого к животному, к состоянию разумного существа, цивилизованного человека, представляет Толстов в виде бессмысленной скачки бешеной тройки, погоняемой безумным ямщиком, бесцеремонно стегающим чужим кнутом чужих коней! И он с плохо скрываемым презрением пишет: „пройдет время, если оси были крепкими, выдохнутся, бешенные кони, утомится возница, заснет, да по тем или другим причинам и не проснется, и — около воза опять старые знакомые — лебедь, щука и рак. Так было, есть и будет“.

Кроме культурно-исторической неверности такого представления, вряд ли нужно и полезно такое упрощение“ всего жизненного процесса человечества. И вряд ли можно, несмотря на мнгие чисто отрицательные явления современной жизни, так плохо к ней относиться и в такой безнадежный пессимизм впадать.

Правда, в настоящее время появилось очень много людей, бесжалостно „критикующих“ всю современную культурную жизнь, особенно тот политический и социальный порядок, который установился в большинстве культурных европейских государств. Мы к числу „иронизирующих“ над всеми новыми порядками и восхваляющих только „старину“ не принадлежим, ибо мы знаем:

Не бесплодно века пронесли над усталой землей, Много славных побед человеческий ум одержал...

Впрочем, я взялся писать настоящую заметку не по поводу „общей философии“ Атамана Толстова, а для того только, чтобы высказать свой взгляд по поводу той части его статьи, где он говорит о „казацких делах“. Думается, что и эта часть атаманской статьи особенного удовольствия читателям-казакам не доставила. И это по той простой причине, что трудно в ней понять, что именно хочет сказать автор.

В его маленькой статье затронуто столько „вопросов“, и таких, что каждый из них мог бы явиться темой для специальной статьи; все нагромождено одно на другое, столько противоречий, что даже при самом внимательном чтении трудно уловить основную мысль автора.

Впрочем, есть одна очень ясно выраженная мысль, с чем мы совершенно согласны. Это следующее: Казачество должно иметь своего казачьего вождя, избранного и действительно поддерживаемого своим казачьим народом, ни от чьей чужой воли и указок независимого. Тогда, по мнению Толстова, в казачий воз „и кони будут запрещены соответствующие, да и на ухабах, толчках, поворотах свой-то человек будет поосторожнее, да и об осях этот человек нет-нет да и вспомнит, если коньков погонит побыстрее. А чужому ямщику — что?! Воз не свой, кони не свои, кнут чужой — погоняй лишь да не стой!“

Согласившись с этой основной мыслью автора (независимый казачий вождь независимого ни от кого Казачества), о которой только и говорят вольные казаки, отметим и другое довольно определенное положение автора. Это: никто нас, казаков, не любит такими, какими мы есть, будь то „русские партии, возглавляемые Миллюковым ли, или Керенским, или кем похуже или лучше — все равно“. Хотя „нас будут к себе принимать, но с непреклонным условием: быть где то на задних рядах, а где и в первую голову (читай — в битвах С. С.), но со своей „основой основ“ (казачьей осью) мы никому из них не будем по душе“...

Утверждение верное, мысль ясная, о которой вольные казаки также постоянно говорят и пишут.

За исключением этих двух „пунктов“, во всем остальном — неясность, полнейший туман. Нам кажется, что автор все это неясное, без особенного ущерба для дела, мог бы вычеркнуть и заменить словами поэта:

Опустился туман и от взоров сокрыл
Пестроту суежливого дня.

Не поднят мой мысли опущенных крыл,
Я во мраке брожу без огня...

Начать хотя бы с утверждения Атамана Толстова, что решительно никто не изучает Казачества, „кроме врагов всего человечества — коммунистов“. Диву даешься, прочитав такое утверждение пожилого человека. Можно говорить все, что угодно, но только не такую нелепость. Ведь каждый знает, что коммунисты только тем и занимаются, что методически уничтожают казаков, не говоря уже о том, что само слово „Казачество“ давно ими уничтожено. Какое там изучение Казачества! Ведь между уничтожением и изучением, как говорят, „дистанция огромного размера“. Правда, некоторым и это уничтожение может показаться за „изучение“, ибо оно радикально решает „казачий вопрос“: „Казачество, как военное сословие, уже сыграло свою историческую роль и теперь должно быть уничтожено“. А всякое решение вопроса приходит в результате изучения. Так что коммунисты по своему, действительно, „изучили“ казаков и на основании этого „изучения“ уже разрешили коренным образом „казачий вопрос“. Но при всем сном уважении к Яницкому Атаману, мы никак не можем согласиться с ним, если он свое утверждение делает в этом смысле. По нашему — Казачество было, есть и должно быть тем, чем оно в действительности было: по своему происхождению — особым славянским народом, по своему общественному построению — особым, ни от кого независимым государством.

Дальше, без всякого к тому основания, Толстов упрекает молодую казачью интеллигенцию за, якобы, ее пренебрежение к изучению казаков, по его выраже-

нию, людей „из Назарета, т. е. из станицы или деревушки“, за ее, якобы, слепое поклонение „книжникам и фарисеям из Иерусалима, Лондона, Парижа, Нью-Йорка, из академии или других рассадников ума“.

Опять приходится удивляться такому писанию Атамана. Во-первых, его утверждение относительно пренебрежения казаками молодой казачьей интеллигенцией решительно не соответствует действительности, ибо она, молодая каз. интеллигенция, всю силу своего пытливого ума и знания всецело отдает делу изучения казаков, Казачества. Не ее вина, если некоторые умудренные житейским опытом казацки „отцы“ своими нелепыми баснями о природе и сущности Казачества, о его „непреклонном долге“ перед кем-то, постоянным призывом к скотскому молчанию, беспрекословному послушанию — выводят иногда из благодетельного равновесия эту молодежь, которая, оскорбленная такими баснями в своих лучших чувствах, со свойственным всякой экспансивной молодежи увлечением, иногда слишком темпераментно реагирует на подобные „поучения“ таких „отцов“...

Во-вторых, совершенно не выдерживает критики упрек в адрес молодой казачьей интеллигенции за то, что она поклоняется людям „из академии или других рассадников ума“. Какое было бы несчастье для Казачества, если бы она этого не делала! Радоваться и благословлять ее надо за это поклонение науке, а не упрекать! Само собой разумеется, что это поклонение нашей молодежи людям науки ничуть не значит, что она пренебрегает людьми „из Назарета“, т. е. казаками из станицы, что было бы тоже несчастьем, но чего, к радости нашей, наша молодая, идейная (есть, конечно, и „практики“) молодежь не делает.

От этих рассуждений Ат. Толстова, признаюсь, на меня повеяло каким-то далеким и не совсем хорошим прошлым, каким то архаизмом: любовью к „старине“, презрением к новизне; слепое поклонение деревне и „бородачам“, отталкивание от города и „воротничков“. Правда, в некоторых кругах такой взгляд существует, считается он новым, модным, доказательством „моральности“ в противовес современной „аморальности“, но в новизне этой старина слышится.

Беспристрастно говоря, есть много хорошего, морального, чистого, достойного всякого внимания, поклонения и поощрения и в „деревенской старине“, но разве это обстоятельство может служить основанием для отрицания всего того ценного, прекрасного, что несомненно имеется и в „городской новизне“? Конечно, нет! Вредны обе крайности: как огульное отрицание всего старого, что делают некоторые особенно ретивые последователи современной материалистической культуры (марксизм!) так и столь огульное отрицание всего нового, что делают не менее ретивые защитники прекрасной „старины“. Истина же находится где-то посередине: в гармоническом сочетании хорошего в „старом“ с хорошим в „новом“.

Как раз к этому стремится молодая казачья интеллигенция, ставшая под знаменем В. К., которая (интеллигенция) без всякого к тому основания обвиняется Толстовым в „пренебрежении к изучению“ казаков. Нет, она не пренебрегает казаками, а внимательно изучая казачье прошлое, черпая идейный пафос в действительно прекрасной казачьей старине, стремится к тому, чтобы эта высокая казачья идея укрепилась и подкреплена современными достижениями человеческого ума — знанием, просвещением.

Обвинив казачью интеллигенцию, да и вообще всех казаков, в нежелании изучать самих себя, Толстов там же, противореча самому себе, пишет следующее: „к чести нашей казачьей, нельзя сказать, что кто либо из нас не думал и не гадал о судьбе Казачества, так или иначе не останавливался на физическом и нравственном Его облике“, т. е. стремились и стремятся изучать Казачество.

Из дальнейшего объяснения обнаруживается, что такое противоречие он позволил себе как будто для того, чтобы снова выразить свое неудовольствие теми, кто пытается изучить казачье прошлое. Мало того: он в такой попытке изучения видит даже некоторую „беду“, ибо, по его утверждению, все эти

„изучители“ не стоят ломаного гроша по той причине, что никто из них не знает „Казачьей Оси“.

Вследствие этого незнания „основ основ“, „одни из нас всеми силами разума и рук отстаивают физический облик, т. е. материализацию (?) Казачества и все возможности, которые могут произойти от этого: экономическое развитие Родных Краев до степени американизации“...

При чем, как будто этим занимаюся вольные казаки, которыми „мало обращается внимания на нравственный облик казака: верность своему слову (кому?), стойкость (в чем?), способность к переносу всевозможных лишений“...

Другие „обращают все внимание именно на нравственный облик (в понимании Толстова: верность, стойкость и выносливость. С. С.) и со стороны первых (вероятно, самостийников. С. С.), объявляют во всеуслышание изменниками казачьих заветов, старины“...

Этим изучением нравственного облика казака, как будто, занимается „атаманская партия“, а у массы же казачьей, в возу, развилась от всего этого нервная болезнь — „кликушество“. Это начало вырождения“, авторитетно заключает Толстов.

Я умышленно почти полностью привел это положение автора, чтобы показать читателям всю произвольность его определения как самостийников, так и „атаманской партии“, а также всю ту „неразбериху“, какую он вообще развел в своей статье.

В самом деле, как можно говорить, после выхода ста номеров „БК“, что самостийники только „отстаивают физический облик казака“? Это во всяком случае не соответствует действительности. При чем, совершенно невозможно понять его утверждение, что самостийники через отстаивание „физического облика“ казака стремятся достигнуть „экономического развития Родных Краев“.

Верно, что самостийники всеми фибрами души жаждут и экономического развития Страны Казаков, но для этого (что известно и каждому ребенку) требуется не только физический облик, но и еще нечто более существенное. Уж по одному этому ясно, что самостийники, кроме „физического облика“, изучают и отстаивают и подлинно духовный облик казака, при чем последний понимается самостийниками в совершенно ином свете, чем это представляется Толстову и некоторым казачьим „отцам“.

Ведь, верность своему слову, стойкость в сражении и выносливость в переносе всевозможных лишений (чем, по перечислению Толстова, ограничивается весь нравственный облик казака!) свойственны и первобытным дикарям. Если бы дело обстояло в самом деле так, то нам, казакам, ей Богу, нечем было бы похвалиться. К счастью, дело обстоит иначе. Нравственный и духовный облик казака гораздо выше и шире, чем он рисуется Толстову. Он заключается не только в „верности“, „стойкости“, „выносливости“, но и еще в кое-чем другом. Это сознание своего человеческого достоинства; уважение свободной человеческой личности в другом; сознание своих прав и обязанностей; прирожденная способность к организованной общественной жизни, берущей свое начало в далекой истории; пламенная любовь к свободе; ясное понимание высшего коллективного казачьего права на самоуправление; историческое стремление к своей государственной независимости; рыцарство на поле брани и в частной жизни; неустанное стремление к познанию, просвещению, сдерживавшееся и подавлявшееся русской властью (знаменитая розолюция русского царя: „казакам не нужна гимназия, а нужен манеж“); прославленная казачья „сметка“; непревзойденное казачье мужество, удаль...

И т. д. и т. п. Именно на изучение этих сторон казачьей души, а через это — к культурному преуспеванию, к экономическому развитию Страны Казаков стремятся казаки-самостийники. Ибо в наш век электричества, радио и аэропланов только на „стойкости“, „верности“ и „выносливости“ далеко не уедешь. Именно поэтому чрезвычайно вредно для жизненных интересов всего Казачества так бесцеремонно извращать весь духовный-облик, все духовное содержание казака, как это делают поклонники „верности“, „стойкости“,

„выносливости“. Также не менее вредно для тех же интересов зарываться в свою „станичную скорлупу“ и поворачиваться спиной и „академиям и иным рассадникам ума“.

И совершенно правы самостийники, объявляющие „изменниками казачьих заветов, старины“ некоторых казачьих „отцов“ у которых (как сам Толстов пишет): „боевые качества возносят мечты у других до восстановления прежних границ России, а может быть и с присоединением Индии и Китая“.

Не можем тут не согласиться с Толстовым, который, иронизируя над всем, в данном случае выразил святую истину об „атаманской партии“, которая, действительно, только о том и мечтает, чтобы казачьими силами восстановить российские границы „с присоединением Индии и Китая“. Тут как раз и уместно сказать о лицемерии „атаманской партии“, которая постоянно разводит дурного вкуса демагогию относительно того, что самостийники ведут к пролитию казачьей крови, к войне. Ведь для каждого здорового человека ясно, где и когда прольется больше казачьей крови: тогда ли, когда казаки будут идти в качестве передовых бойцов русской армии на „присоединение Индии и Китая“, на завоевание Украины, Кавказа и т. д., к чему так усердно подготавливает казаков „атаманская партия“; или же тогда, когда казаки единым фронтом, одухотворенные священной идеей защиты „своего порога и угла“, дружно будут отстаивать свои родные казачьи рубежи от внешнего нашествия?

Мы, самостийники, глубоко уверены, что в последнем случае казачьей крови прольется гораздо меньше, а если прольется, то прольется она за свое, родное, близкое и дорогое!

Правы самостийники, объявляя защитников „казачьей верности“ изменниками „казачьим заветам“, ибо эти „заветы“ заключаются, ведь, не в том, чтобы кому-то чужому быть всегда верным (что внедрялось в казачью голову только за последние два века), а в том, чтобы быть полноправными хозяевами в своем собственном доме, в своей Стране Казаков, как это было двести лет тому назад, чтобы впрямь не было того, когда какойнибудь российский „Жоржик“, сидя в Александровском саду и указывая на проходящего казачьего офицера, только что вернувшегося с фронта, с презрением говорил: „скоро этих сволочей мы совсем изгоним“, что имело место в 1918 году в г. Новочеркасске.

Ведь „казачьи заветы“ заключаются не в том, чтобы бесконечно служить „верой и правдой“ кому-то, как говорят некоторые казаки „отцы“, а в том, чтобы защищать и отстаивать „честь свою казачью неподкупную“, свою „вольную волюшку“, свою „основу основ“ — свободу, равенство и братство, свой рыцарский дух, свою человеческую личность, свою государственную независимость, как нам завещали наши далекие предки!

И те, кто эти подлинные казачьи заветы подменяют своими праздными выдумками и фантазией, те должны быть названы своим собственным именем — изменниками, — что и делают самостийники.

Вероятно, Яицкий Атаман — большой философ, ибо он на „философские рассуждения“ (кстати, малопонятные) посвятив большую часть своей статьи, самым главным для нас вопросам — укладу казачьей жизни, „Оси Казачества“ (очевидно, душа Каз-ва) и его „моральному стержню“ — посвящает только по одной строчке.

Например, он относительно казачьего уклада ограничивается только следующей несколько горделивой фразой: „лучше нашего казачьего уклада нигде и не сыщешь“. Гордость для казака понятная, но не совсем серьезно сказано, ибо он этот лучший „уклад“ определяет только пятью словами: „кто в Бога верует, и сам молодец“.

Каждый согласится, что это далеко недостаточное объяснение. Если только в этом заключался бы весь наш казачий уклад, то опять таки, нам нечем было бы особенно похвалиться.

В самом деле, ведь даже первобытный дикарь своему Богу-Идолу фанатично верит и, с самоделным копьем в руках храбро бросаясь на вооруженного цивилизованного человека, считает себя молодцом из молодых на свете. Следует ли отсюда, что уклад жизни таких дикарей лучше всех других? Очевидно нет. Значит, для того, чтобы доказать, что казачий уклад действительно лучше других, далеко недостаточна наша вера в Бога и в свое молодечество, а нужны еще какие то другие данные.

„Моральный стержень“ Казачества, по Толстому, всецело объясняется „состоянием его общинных земель и угодий“. Опять далеко недостаточное и малосерьезное объяснение. Во-первых, очень сомнительно, чтобы форму землепользования можно было относить к области „морального стержня“ народа. А если (с большой натяжкой) можно это делать, то во всяком случае одним этим никак нельзя определять весь „моральный стержень“ народа, как это делает Толстов.

Словами „Ось Казачества“ пестрит вся статья Толстова, но он ни одним словом не объясняет, что это значит. Не будем сейчас говорить об этом и мы. Подождем, какую еще „философию приподнесет нам уважаемый Яицкий Атаман.

Заканчивая эту статью, не могу обойти молчанием одно утверждение Толстова, граничащее с клеветой на донцов. Он пишет: „я не удивляюсь, что при звоне свободы из красного Кремля казаки-донцы не могли не откликнуться и казаки помогли красной Москве“.

Не понимаю, зачем и для чего он это написал? Выходит, что донцы помогли большевикам укрепиться в красной Москве. Мало того: по его мнению, они, донцы, даже „не могли не откликнуться“ на призыв „красной Москвы“. Это уж больно сильно сказано. Не хочу здесь говорить по поводу этой нелепости, ибо каждый казак знает, как донцы в течение двух с лишним лет, напрягая все свои духовные и физические силы, „помогали“ красной Москве. Наверно сами большевики очень не хотели бы для себя такой „помощи“ донцов!

Ведь двухмесячное печальное заблуждение „фронтных“ донцов (и не только одних донцов!) в начале 1918 года, когда они отказались от активной борьбы с большевиками, нельзя же выдавать за „большевическое“ свойство всего Донского Казачества! Они честно заблуждались, а потом, уразумев „суть“ дела, осознав свою невольную вину за свое естественное в те смутные, сумрачные месяцы всеобщей растерянности, заблуждение, потом кровью своею искупили и в большинстве своем пали на поле брани смертью храбрых в борьбе „за свой порог и угол“. Нельзя небольшое число „мироновцев“ выдавать за все Донское Казачество.

Нужно отметить, что Яицкий Атаман, как будто, имеет „зуб“ против донцов, хотя перед некоторыми их вождями он почитательно склоняет свою голову (очевидно для того, чтобы подчеркнуть: казаки — дрянь, а вот их вожди — молодцы). Так он, например, пишет: я и теперь удивляюсь и приношу искреннее восхищение и удивление (какое всетаки неуклюжее выражение: „принести восхищение“) покойным Атаманам Каледину, Назарову и отошедшему от власти Краснову: поднять крепостное военное сословие, каковыми донцы фактически были (а уральцы?), ко дням свободы русского народа, это означает недюжинные способности и необыкновенную силу воли“.

Принято думать, что всякий пишущий вникает в смысл своих писаний, имеет какую то мысль, которую нужно как можно яснее выразить. А вот у Толстова этого не замечается: непонятна цель его писаний, не ясна мысль, какую он желает выразить. Очень плохо, если он и в годы борьбы с большевиками так же смутно действовал. Впрочем, и многие другие казацкие вожди того времени действовали так же неопределенно, без определенной, ясно выраженной положительной цели с одной только отрицательной целью: „дойди большевиков“ каковы и современные писания Толстова, в которых, хоть убейте меня, я не могу понять — что он хотел сказать.

Конечно, верно, что Ат. Каледин и Назаров — светлые личности, за Казачество жизнь свою отдавшие, отличные полководцы, выдающиеся сыны Дона. Так же верно, что Краснов хороший организатор, талантливый писатель и т. д. Также допустим, что донцы представляли из себя „крепостное военное сословие“. Но при чем тут „поднять казаков... ко дням свободы русского народа“? Кто кого поднял, — вопрос сложный. Например, Каледина еще не было на Дону, а Донское Казачество уже „поднялось“, быстро сорганизовалось, восстановило свое „древнее обыкновение“ и все свои древние государственные институты и только потом упросило Каледина стать Атаманом и вести Дон к дальнейшему преуспеванию.

Кстати, эта быстрая самоорганизация Донского Казачества является убедительным доказательством того, что если казаки, под давлением физической силы внешне, скажем, формально, представляли из себя „крепостное военное сословие“, то внутренне, по существу они являли из себя нечто другое — в душе их, не умирая, жила казачья воля, стремление к самоорганизации, самоуправлению.

Потом нашло на казаков временное „затмение“, жертвой которого пали Каледин и Назаров.

Но не надо забывать, что освободившиеся от этого временного „затмения“, казаки снова сорганизовались и, вооруженные вилами, иногда и с голыми руками, повели героическую борьбу с нахлынувшими на Дон большевиками. Наконец, борясь с большевиками под руководством прапорщиков, вахмистров, урядников (многие „авгоритеты“ тогда предпочитали „выжидать“), изгнали большевиков, очистили свой седой Дон. И только тогда упросили ген. Краснова стать Атаманом, поручили ему еще лучше организовать казачьи силы, приказали ему вести Казачество до „казачьих высот“, но не „ко дням свободы русского народа“, как пишет теперь Толстов.

Совершенно непонятно, что подразумевает Толстов под „днями свободы русского народа“? Момент ли крушения русской монархии и приход „февральской революции“, как то толкует либеральный и социалистический русский лагерь, или же крушение февральской и торжество „октябрьской“, как утверждают русские люди, именующие себя коммунистами?

Если же принять во внимание восхищение Толстова деятельностью Краснова, то придется признать, что он имеет в виду „октябрьскую революцию“, ибо Краснов свою деятельность проявил после „октября“. Но мы, может быть по своему невежеству, склонны считать, что „октябрь“ не может почитаться вообще ни чьими „днями свободы“.

Не хочу здесь говорить о превозношении до небес мудрости уральских „бородачей“. Это дело вкуса каждого, независимо от того, имеются ли для такого восторга данные или нет... Скажу только, что и тут он пишет довольно таки непонятным образом, перескакивая с одного вопроса на другой, часто не имеющих между собой никакой логической связи. В результате получается достаточная неясность, чтобы не сказать больше.

„Чтобы уничтожить всю эту неразбериху“ (слова самого Толстова) необходимо спуститься с заоблачных высот на грешную землю, из области философских мудрствований перейти к вопросам реальной жизни и сказать казакам то, о чем думаешь, простым, понятным для всякого казака языком, выговаривая свою мысль до конца и ясно.

С этого будет польза всем. Тогда не будет того, что есть теперь:

Мы спорили долго — до слез напряженья...

Мы были все в сборе и были одни;

А тяжкие думы, тоска и сомненья

Измучили всех нас в последние дни...

Не будет и того, что, к сожалению, есть и было:

С каким недоверьем, с каким озлобленьем

Друг в друге врага мы старались найти!

Когда все казаки откровенно и ясно выскажут свои сокровенные мысли, когда из столкновений этих мнений неизбежно родится казачья истина, которая неумолимо заставит всех казаков стать под знаменем Вольного Казачества, тогда все наши споры быстро стихнут, тогда все с душевной радостью единым хором запоют:

... и только одно лишь желанье,
Один лишь порыв запылал в нас огнем —
Отдаться на крест, на позор, на страданье,
Но только бы дрогнула полночь кругом!..

7 июля 1932 г. Париж.

Шамба Балинов.

Вынужденный отклик.

„Лозунг „Единая, Неделимая“ был чужд и не понятен Казачеству. За честь Дона и вольности казацки — вот лозунги, воодушевлявшие казаков“... (Гр. Чапчиков: „Голос Казач.“, № 24).

„Казаки боролись не за трон императора, а за Дон и вольность“... (Гр. Чапчиков: „Г. Казачества“, № 25).

Из присланной мне „Советом Казачьего Центра Союза Младороссов“ листовки я с изумлением узнал, как на казачьего „перекати-поле“, полк. Г. Чапчикова, „Провидение возлагает всю ответственность за происходящее и славную задачу совершить историческое чудо“. Так и пишет: призван „совершить историческое чудо“...

А чтобы этот самозванный „посланник Провидения“ успешно выполнил свою „мессианскую задачу“, ему нужно иметь „казачий рупор — независимую казачью газету“, целью которой должна быть „борьба до полной победы... с предателями самостийниками“. Таким образом, как будто выходит, что само Провидение нашло нужным избрать „своего посланника“ для специальной борьбы с В.К. Это, как будто, не плохо, если само Проведение уделяет нам, самостийникам, столь исключительное внимание. К сожалению, дело обстоит совсем не так, а всего лишь некоторые не совсем нормальные люди сами навязываются Провидению в качестве его земного „посланника“.

Как то не вяжется: посланник Неба, нуждающийся в издании бульварного листка! Чтобы этот листок выходил, оказывается, казаки должны „немедля, не стесняясь размером, не скупясь“ присылать свои пожертвования для образования фонда в 10000 к. ч., а „пражские казаки собрали уже половину требуемой суммы“, т. е. 5000 к. ч.

Но удивительно во всем этом то, что, ставя своей главной целью борьбу „до полной победы“ с самостийниками, к числу коих принадлежу и я, эти „борцы“ у меня же просят деньги на организацию их „дела“.

Читая эту листовку, в которой так „талантливо“ нагроможден целый ряд несуразностей и неправд, у меня на языке невольно вертелась Надсоновская строчка:

Лги — людям лож нужна...

Ибо я отлично знаю, что из себя представляет этот „посланник Проведения“, кто его окружает, также знаю, что ни один разумный казак не только 5000, но и пяти к. ч. ему не доверит. Истина же по моему заключается в том, что для организации „борьбы“, вернее, для сбора и печатания всевозможных уличных сплетень, распространяемых досужими бездельниками о В. К., отпущено Чапчикову неким „тонким дядей“ 10000 к. ч., а для легализации этой „хозяйской дачки“ ему необходимо разыграть эту комедию сбора и так неумно расписывать о несуществующем казачьем порыве, вызванном, якобы, „прекрасным примером“ Чапчикова.

Из газеты „Младоросская искра“ (№ 18) я узнал другую поразительную новость, а именно, что Союз Младороссов „имеет выдающихся руководителей“ в лице Чапчикова, который произносит „блестящую, как по содержанию, так и по форме, речь“...

Думаю: плохие же времена настали, если Провидение для совершения „исторического чуда“ своим посланником избирает Чапчикова. Еще хуже, наверно, обстоять дела в Союзе Младороссов, если в нем Чапчиковы в своей персоне олицетворяют Муссолини и Бриана одновременно!

Но человеческие слова имеют какую то силу и я, несмотря на хорошее знание Чапчикова, все же порой думал: м. б. за те два года, что я не видел Чапчикова, в силу особой милости Провидения (в наше время ведь все возможно!), он из общепризнанного „казачьего шута“ в Праге как то сумел сделаться политическим деятелем?

Для проверки этого моего сомнения мне нужно было прочитать его современные писания, т. е. необходимо было прочитать его газетку „Каз. Набат“, обещанную им „в начале апреля“ и предназначенную на роль тарана, разбивающегося В. К. Должен признаться, что мои и моих друзей трехмесячные старательные поиски оставались до сего времени тщетными: в районе Парижа мы не могли найти ни одного экземпляра „К. Н.“.

И только теперь, в половине июля, при своей поездке в Монтаржи для собеседования с казаками, мне удалось найти два экземпляра этой пресловутой газетки (№№ 3 и 4). Прочитал и, как все казаки, от души расхохотался. Поистине — „жив Курилка“!

Эти два номера являются неопровержимым свидетельством того, что наш бравый и компанейский полковник, каким взбалмошным и сумбурным человеком зарекомендовал себя на пражской казачьей „общественной сцене“ вначале, таким остался и до наших дней. Впрочем есть одно „достижение“: раньше он был хорошим товарищем по кружке пива, но сильно враждовал с логическим рассуждением, а теперь он еще заключил тесный союз и с ложью. Но удивительнее всего, что даже такой Чапчиков с своим новым „достижением, по неисповедимым путям Господним, числится в числе „выдающихся руководителей“ Союза Младороссов. Каковы же должны быть остальные?

Что в голове этого „выдающегося руководителя“ ветер веет, свидетельствует хотя бы передовица его листовки, начинающаяся так: „Вековое Казачество должно жить Века!.. В этом высшая справедливость Провидения и закон. Слабое умирает, сильное выживает... Это значит хотеть и сделать... Разрушительный период революции кончился“... Дальше все в таком же роде. Без внутренней связи, „ни к селу, ни к городу“ нагроможденные друг на друга ходячие „истины“. Одним словом Чеховский герой, любивший изрекать „истины“ в роде того, „что спускаться с горы легче, чем подняться“. При всем желании говорить об его казачьей „идее“, ее никак нельзя уловить из его писаний, поэтому приходится беседу свою направить только на его персону.

Что „посланник Провидения“ Чапчиков заключил прочный союз с ложью явствует из всей той сплетни, какой заполнены все страницы двух номеров этой газетки. Чего, чего только в ней нет! И до чего же может пойти больная фантазия людей! В своем ослеплении ненавистью люди перестали понимать всю неприличность бесцеремонного вкладывания в уста своих противников своих дум и фантазий, как это делает „Каз. Набат“, наделяя вольных казаков никогда не снившимися им словами или делами...

Смысл всей этой сплетни сводится к следующему: руководители В. К. продались кому-то за определенную плату и обязались перед „странной покровительницей“ разлагать Казачество [кому это нужно — секрет Чапчикова!]

Такую „теорию“—клевету пустил в ход еще в 1928 году ген. Богаевский. Она, не достигнув своей цели медленно умерла. Ныне ее подхватывает „послани-

Провидения“ и, сладострастно смакуя, нудно пережевывает. В просгоречьи эта „теория“ называется чистой ложью. На нее В. К. уже много раз давало исчерпывающе ясный ответ. Поэтому нет надобности на нее отвечать еще раз.

Всякий спор с своими политическими противниками можно вести, не вызывая раздражения у читателей, только на основе идеи, а не путем измышления всевозможной клеветы, неблиц и взаимного личного поношения. Поскольку мы уважаем своих читателей, постольку мы обязаны щадить их слух, их казачье самолюбие, отказавшись совершенно от перемывания грязного белья, от фрондирования своим знанием извозчичьего жаргона.

Но, само собой разумеется, изобличать идейную неустойчивость, часто полную идейную пустоту своих противников необходимо, чтобы такие „летуны“ своей пустозвонной фразеологией или несбыточным обещанием не смутили хотя бы одного „из малых сих“.

Именно поэтому, чтобы не огорчать читателей „ВК“ спуском до морального уровня газеты „Каз. Набат“, которая свою неразборчивость в средствах борьбы со своими противниками доказала хотя бы одним тем, что, несмотря на последовавшие категорические опровержения, пытается связать В. К. с гнусным убийцей Горгуловым, для чего возвращается к клевете газеты „ПН“ и уже от себя, в более утвердительной форме пишет „о тесной связи Жукова с убийцей Горгуловым и о сношении с большевиками“ (может быть, с больной головы на здоровую?) — я не считаю для себя возможным и нужным реагировать на ее „разоблачения“, сильно смахивающие на бред больного.

Да, собственно говоря, нам с „младотурками“ и спорить то не о чем. Как правильно заметил станичник Ш. Нимино в „ВК“ № 108—109, мы преследуем совершенно различные цели. Для нас выше всего Казачество, а для них выше всего — „природный царь“. Мы считаем Кондратия Булавина выдающимся Донским Атаманом, а его деяния — героической освободительной борьбой Казачества, а „младотурки“ считают его простым бунтовщиком, его действия — „Булавинским бунтом“ („КН“, № 3). Таким образом, между нами нет никакого идейного соприкосновения, у нас различное понимание и освещение исторических событий, как столь же различные преследуемые нами цели. Кто из нас прав, кто виноват — судит будут другие, покажет будущее.

Но все же необходимо сделать два-три замечания, не лишенных общего интереса и достаточно характеризующих „редактора“ „К. Н.“

1. В журнале „ВК“, в отделе „Думы и мысли“ со служивец Чапчикова, Ив. Болдырев, в заметке, состоящей ровно из 12 строчек, высказал свое частное, правда, довольно нелестное мнение о личности Гр. Чапчикова. Достаточно было этой коротенькой заметки, чтобы Чапчиков разразился „громовой“ статьей на весь „подвал“ своей газетки, в которой беспредельное самовосхваление каким то причудливым узором переплелось с беззастенчивой ложью.

Начать хотя бы с того, что частное мнение Болдырева о личности Чапчикова, последний так неудачно демагогически выдает за взгляд всего ВК, с одной стороны, а с другой — свою собственную персону он отождествляет со всем Донским Казачеством и на основании этой коротенькой, мимоходом данной личной характеристики Чапчикова, называет всех вольных казаков „хулиателями Казачества“. При этом ссылаются на свидетельство большевиков, которые пишут, что „Донское командование совершенно не страдало кровожадностью“.

Но ведь для каждого ребенка ясно, что Донское командование — это одно, а совсем другое дело — Гр. Чапчиков. Впрочем, человеку, претендующему на роль „посланника Провидения“, ничего не стоит поставить себя выше любого командования.

Чтобы сразу „пригвоздить“ самостийников к „позорному столбу“, этот „посланник Провидения“, не моргнув глазом, рискуя попасть в комическое положение, прибегает к помощи необыкновенного „трюка“ и рука его, не дрогнув, выводит, что самостийники вы-

ставляют казаков „беспощадными грабителями, нагаечниками, насильниками, убийцами“ (при чем, слова эти он берет в кавычки без указания источника. Очевидно для того, чтобы читатель их воспринял как самостийническую характеристику вообще казаков) и от себя уже добавляет: „это их (т. е. самостийников. Ш. Б.) обычный прием, введенный в систему“.

Все таки странно, как некоторые типы основательно утратили чувство стыда. Ведь для каждого нормального человека ясно, как Божий день, что самостийники все свои усилия направляют к тому, чтобы рассеять ошибочный взгляд на казаков, как на „беспощадных грабителей, нагаечников, насильников, убийц“, так основательно привитый прошлыми „старороссами“ и так старательно утверждаемый современными „младотурками“. Ведь освобождения от всего наносного и восстановление подлинного казачьего образа в его чистом виде является одной из основных задач В. К., что известно каждому, кто еще не стал „лицом ко лжи“. В этом вольные казаки видят свой сыновний долг перед своим народом не в силу мифического, существующего в фантазии Чапчиковых „договора с покровителем“, а в полном согласии с своей казачьей совестью, толкаемые своим казачьим убеждением, одухотворяемые священной идеей казачьей независимости.

2. Кстати, об обязательствах „по договору с покровителем“. Стараниями разных „летунов“ творится легенда о договоре, якобы, заключенном руководителем ВК с „покровителем“, в силу которого они, мол, связаны по рукам и ногам и не в состоянии защищать подлинные казачьи интересы. Мы знаем, что у противников ВК не имеется никакого идейного „оружия“ для борьбы с ним. На их долю остается только единственное средство: измышлять всевозможные неблицы, выдумывать не существующий „договор“. Тем не менее, уже много раз лидерами ВК заявлялось, что никакого „договора“, связывающего их, не существует, что в своей политической работе они совершенно свободны и ни от кого не зависимы, что поступают они согласно своего понимания казачьих интересов.

Но совсем иначе обстоит дело у казачьих „младороссов“. Они действительно связаны и по рукам и по ногам, превратились в безвольных исполнителей чужой воли, чужих приказов, в чем они сами публично на страницах газеты „Младоросская Искра“ (№ 18) дали обязательство. Они „обещают полным напряжением всех своих сил бесперебойно и своевременно выполнять все задания руководящего Центра“, т. е. обязались беспрекословно выполнять приказы того самого „тонкого дяди“, который им дал средства на издание „Каз. Наб.“

Отсюда становится совершенно ясным, что вся та дребедень, какой заполнен „К. Н.“, является „бесперебойным и своевременным выполнением“ „социального заказа“ „тонкого дяди“!

„Взялся за гуж — не говори, что не дюж“! Взял подряд и обязался — так вилай хвостом! Коверкай свою казачью душу, извращай свой казачий облик, насильуй свою казачью совесть, но утверждай, что белое есть черное, безудержно клевети на тех, в ком сохранилась „казачья искра“, кто исповедует вольноказачью идею.

И мы можем спросить казачьих „младороссов“ словами же Чапчикова: „место ли боевым казакам среди предателей Казачества“ — обязавшихся „выполнять все задания“ „тонкого дяди“?

Впрочем, мы отлично знаем, что там и казаков то, как „кот наплакал“...

3. — „Все молодое душой, энергичное, бодрое, смелое, бескорыстно любящее свое родное Казачество должно незамедлительно вступить в железные ряды казаков-младороссов и верных долгу... Послужим Государю хорошо. И тем исполнится высшая воля Провидения“.

Так сейчас заканчивает свою передовую статью Гр. Чапчиков.

— „Дружно за работу все молодое, энергичное, смелое, все лучшее, способнейшее и любящее Казачество! Вперед за Казачество и за вольность!“

Так писал тот же Гр. Чапчиков в самостийной газете „Голос Казачества“.

Если обратить внимание почти на полную тождественность обоих предположений, то не подлежит никакому сомнению, что Чапчиков конец своей передовой списал с своей же статьи в самостийной газете. Лишь „слегка“ изменил конец предложения, сущий „пустяк“: вместо „вперед за Казачество и вольность“ вставил „п о с л у ж и м Г о с у д а р ю х о р о ш о“.

О чем же это свидетельствует? Да о том же, что у него убеждение, что дышло: куда повернул, туда и вышло. Позавчера в самостийной газете проповедовал независимость, казачью вольность; вчера в сменовой газете „Новая Россия“ распылялся, доказывая необходимость возвращения в СССР, понося всех генералов, как мне передавали казаки в Париже; а сегодня бездыханным трупом распластался перед эмигрантским „социальным монархом“. А завтра... да не все ли равно перед кем ему танцевать, а „музыкант“ всегда найдется!

И прав его сослуживец по Калединскому полку, который мне говорил: не обращайтесь на него. Ведь все мы его знаем. Сегодня он поет дифирамб Кириллу, а завтра он с не меньшим рвением будет его же поносить...

Прав другой сослуживец, говоривший мне: не связывайтесь с ним, не пишите о нем ничего. Этим вы ему доставите большую радость. Ведь его девиз: пусть ругают, но лишь бы говорили и писали обо мне!

Знаю это и я, именно противно писать о нем. Но ничего не поделаешь, писать хоть раз надо. Ибо на его „писания“ и „авторитетное свидетельство“ будут ссылаться другие для „обоснования“ своего поношения ВК.

4. Некоторых людей калмыки определяют словами „зюлак-мэччи“, т. е. обманщик, прикидывающийся дурачком. Это определение можно всецело отнести и к казачьим „младотуркам“. Они между глупостями, развешиваемыми на страницах своей листовки (например,

что может быть глупее их „боевого“ лозунга: „самостийничество есть казачий большевизм!“) нет, нет да и „огараживают“ себя. Так, они, предупреждая возможные указания своих противников на искусственность их „вермишельной“ идеи, в применении к Казачеству становящуюся бессмысленностью, спешат зарекомендовать себя бескорыстными служителями только „идеи“. При этом находит, например, такой довод, что они „не спрашивают, кто автор этих идей — Достоевский или Ленин, Тихомиров или Маркс и т. п. Им важнее не имя автора, а полезность самой идеи для блага России“ („КН“, № 3).

Но вот странно: эти членораздельные слова сразу превращаются в нечленораздельные мычания, когда речь заходит о ВК. Тогда они — идею по-боку и всю свою речь сводят к простой „купле-продаже“. При этом слезы горькие льют по поводу того, что те кобображаемые миллионы, которые, по их мнению, попали ВК-ву, не попали в их руки и за которые, по их мнению, не распропагандировать, а буквально купить можно было все зарубежное Казачество!

Проститутки, торгующие своим телом, определяют только свою „цену“. А вот казаки „младотурки“ этим не ограничиваются, а решили, что „все зарубежное Казачество“ продажно и почти точно определили его валютную стоимость... в 5 миллионов чешских корон.

Думается, что казаки за выставление „всего зарубежного Казачества“ в таком свете не очень-то благодарят „младотурков“.

Избави, Боже, ВК от необходимости вести полемику с подобными типами!

Лично для меня по горло достаточно и того, что пришлось столь много чести оказать им настоящей своей заметкой. Впредь они пусть хоть на голове своей выбивают чарльстон, но снова откликаться на их обезьяньи выходки считаю ниже своего вольноказачьего достоинства!

Аминь!

И. Билый.

Полк. Соламахину и „К. К.“

Передо мною июльский номер „Кавк. Казака“, „повышенный“ В. К. Все содержание, тон, характер и стиль „статей“, направленных против вольноказачьего движения, еще раз свидетельствуют о том, что аргументов против ВК программы у наших противников нет. Сейчас они уже только ругаются. Это — лишнее доказательство тому, что в своем походе против В. К. они могут выявлять вообще больше „темперамента“, чем логики.

Прочитав весь восьмой номер „К. К.“, я очень мало мог бы прибавить в своем ответе ему к тому, что уже сказано в номере 107 „В. К.“ Да и самый „тон“ полемики, принятый „К. К.“, весьма мало привлекательный и еще меньше заслуживает подражания. Мы все же убеждены, что наш основной спор с противниками ВК программы решится именно на вопросах программы и идеологии, а не на поле — хотя бы и „сочной“ — перебранки.

Не имея намерения следовать за „К. К.“ в его „методах“ борьбы с нами, мы на будущее время ограничимся полемикой только по основным вопросам программы ВК, оставляя без ответа всю часть „сильных выражений“, не боясь признать в этой области пальмы первенства своим противникам...

Случилось так, что в день получения „К. К.“ я, среди другой корреспонденции, получил письмо и от неизвестного мне читателя-казака. Июльский номер „К. К.“, редактируемый представителем казачьей старшины русского толка (вообще о казачьей старшине выскажемся особо), читатель уже, конечно, знает (кто не знает, тот тоже ничего не потеряет). А что пишет мне простой казак, я позволю себе здесь привести:

М. Г. господин Редактор! Находясь в Бельгии с декабря мес. 1929 г., я с того времени стал понемногу

читать милый для меня Ваш журнал „ВК“ и, в конце концов, теперь читаю регулярно. Будучи в Сербии и находясь в рядах „русской армии“ и вне рядов ее, я ни разу не встречал Вашего журнала и не знал о Вашем благом намерении. Не было случая, чтобы кто либо из наших „вождей“ когда либо намекал о тех путях для возрождения чисто казачьего самостоятельного государства, которые Вы проведете, как я теперь узнал, еще с 1927 г. Теперь же, поняв Ваши святые цели, я не могу сказать, что у Вас кроется корыстная мысль. Неоднократно мне приходится говорить с москалями и „кацапами“ о нашем стремлении и они, эти „типы“, говорят мне противное. Что де мол „там ваш Билый что то затевает неосуществимое и что он пишет, — то все это голословное“. Меня, как казака, это страшно коробит и я становлюсь в защиту своего Казачества, доказываю то, что Вы наметили путь правильный и казаки должны всецело это понять и поддержать Вас в этом начинании. Но это (говорят против) противники и быть может наши цели непонятны для мужиков. Почему же, все-таки, до сих пор не могут взять в толк наши некоторые казаки... и все еще не могут стать на свой казачий путь...“

Итак, передо мною два документа: „К. К.“ с страстным желанием представителя руссофильской старшины скорейшей смерти вольноказачьего движения и письмо простого казака (таких писем в действительности уже тысячи) с оценкой-поддержкой: п у т ь п р а в и л ь н ы й . . .

Оценка и желания, как видите, прямо противоположны. — С кем же нам? Кому служить? — Мы свой выбор сделали и сделали его раз навсегда! Мы пойдем и впредь с казаками и той частью казачьей старшины, которая хочет вести свой народ и служить ему, стро-

ить счастье своего народа и защищать его интересы в своем собственном казачьем государстве, а не предавать и продавать свой народ в услужение другому народу...

Собственно говоря, цитированного выше письма „неизвестного“ казака было бы достаточно для ответа не только июльскому номеру „К. К.“, но и всем возможным последующим. Поэтому, на этот раз ограничимся ответом „К. К.“ наиболее кратким и то только больше для тех в. к., которые, вследствие своей неосведомленности, могли бы быть „смущены“ или введены в заблуждение полковником Соламахиным и представителями „различных группировок“, нашедших свой приют на страницах „К. К.“

На этот раз „К. К.“ занимается больше всего „характеристикой“ некоторых лиц, играющих ту или иную роль в в. к. движении. Больше всего, конечно, достается мне, как редактору „В. К.“ Должен признаться откровенно, что в том „портрете“, какой приписывает мне полк. Соламахин, я узнать себя при всем старании не могу. Возможно, что происходит это потому, что сам о себе я думаю иначе и считаю себя, напр., лучше полковника Соламахина (он, вероятно, наоборот!). Я во всяком случае вступаю в спор с ред. „К. К.“ по этому поводу не намерен. Кто знает, может быть я еще хуже, чем „нарисовал“ меня полк. С. Но, если мы будем спорить только два, то такого спора мы не закончим никогда. Поэтому пусть лучше нас рассудят когда нибудь после (когда нечего будет делать!) другие по делам нашим.

Что же касается равных „намеков“ редактора „К. К.“ или представителя „разных группировок“ г. Кулика относительно умения или неумения владеть шашкой, или „предупреждений“ о возможном „уклонении“ Билого от „опасных мест“, — могу ответить не только за себя, но и за „предупреждающих“: не будем хвалиться наперед. За свое прошлое мне не совестно никому в глаза смотреть. Вольные казаки могут быть уверены в том, что им не придется краснеть за меня и в будущем.

Хотя г. Кулик и уверяет, что „мы вас знаем“, я все же думаю, что г. Кулик меня не знает, как не знаю и я его. Не знаю, что, где и как делал г. Кулик в прошлом, но что касается г. редактора „К. К.“, то мне достоверно известно, что в то время, как он не знал еще на какую ногу ступить (зима и весна 1917—1918 г. г.) и выжидал, чья возьмет, я уже исполнял свой долг перед Казачеством на том посту, на который оно меня поставило.

И еще одно: в прошлых событиях (1918—1920) решающая роль в судьбе Казачества принадлежала людям, которых и г. Кулик не может заподозрить в том, что они избегали „тех мест, где пахнет кровью“ (может быть даже наоборот!). А куда они привели Казачество? — вернее: остатки Казачества... — Хвалиться вам, господа, умеющие владеть только шашкой, по меньшей мере не чем!

Одно общее заявление полк. Соламахину: Ваши „последние сведения из Праги“ о том, что в. к. движение и „Биловская акция“ приближаются „к своему естественному концу“ — не отвечают действительности. Удовольствия видеть наш „конец“ Вы иметь не будете. Этим „аргументом“ больше не аргументируйте, ибо каждый раз будете оставаться, мягко выражаясь, лицом, сказавшим неправду. Перестанут, ведь, Вам верить и сегодняшние „разные группировки“...

Два слова о казачьей старшине. В прошлом казачью старшину составляли исключительно военные, ернее — командный состав, выборные военные начальники или войсковая администрация. Позже русские цари постепенно обратили казачью старшину в дворянское сословие и создали среди нее свою „партию“... Всю казачью жизнь хотели раньше свести исключительно к „военному ремеслу“. Но современная жизнь — не дивизия и не корпус. Вот почему понятие и кадр военной старшины и у казаков заменяется сейчас понятием и составом интеллигенции. Казачеству нужна не только военная старшина, но и многочисленная, хорошо обра-

зованная, хорошо и раносторонне подготовленная интеллигенция, способная обслужить все стороны и требования современной казачьей жизни.

Неправду говорите Вы, г. полковник, когда пишете о „сатанинской ненависти к казачьей старшине“ В. К. Читатели 110 номеров „В. К.“ знают это прекрасно. В. К. борется за свою программу, оно вынуждено бороться — и будет бороться — и с противниками своей программы. Противники эти есть и среди старшины, и среди рядовых казаков. А наша борьба за казачьи идеалы нисколько не хуже вашей борьбы за русские интересы. Вот и все.

Напрасно вы, г. полковник, отождествляете себя со всей казачьей старшиной или берегесь быть ее защитником после всех раскрывшихся „художеств“ Вашего поведения. Еще неизвестно, захочет ли старшина, чтобы Вы были ее адвокатом. Имейте, далее, в виду, что часть казачьей старшины есть и в наших рядах и ряды эти растут, в то время, как ваши редуны.

На стр. 20 (в примечании) полк. Соламахин говорит о каких то 150 миллионах золотом, брошенных будто бы большевиками на разложение Казачества. Должен по совести признаться, что подобную вещь слышу первый раз в своей жизни. (Почему полк. С. до сих пор об этом молчал?) А т. к. ни я и никто из сотрудников „В. К.“ в „зеленых“ отрядах не был и „желтыми“ делами не занимался, то „намек“ полк. Соламахина всего гнусность, недостойная порядочного человека.

Правду сказать, я не верю в эту сказку о золоте совсем. Во-первых потому, что это слишком колоссальная цифра (около четырех с половиною миллиардов динар), которой и большевики так легко не бросаются, а во-вторых потому, что и нужды для них в том никакой не было, т. к. политика ген. Деникина и Врангеля и дела некоторых кубанских и донских генералов сделала свое дело лучше всякого большевицкого золота.

Только человек, потерявший голову может написать в мой адрес такую глупость: „Добываемыми сведениями о казаках Вы делитесь с иностранной державой“... (стр. 21) „Значит вы не только шпион, но и предатель своего Войска“. — Что это — бред вышедшего из равновесия г. редактора „К. К.“, — ясно для каждого спокойного читателя. В самом деле: какие это у казачьей эмиграции есть сейчас секреты? И кому сейчас нужна казачья эмиграция? И какой дурак платил бы еще за „добываемые сведения“, если на каждой улице он мог бы получить, если бы хотел, все сведения бесплатно... Думаем, что в данном случае г. редактор „К. К.“ „сгоряча“ путает или намеренно подтасовывает одни вещи на место других. У нас, вольных казаков, вопрос о „сообщении сведений“ стоит иначе. Именно.

Скажите, господа читатели, будет или не будет иметь влияние на судьбу борьбы Казачества за свое освобождение то или иное отношение к казачьему вопросу других народов или государств?

Чтобы легче ответить на этот вопрос, вспомните о той пропаганде, какую вели в других странах во время своей недавней борьбы за освобождение такие народы, как сербы, чехословаки, поляки, финляндцы и др. Да вспомните и свои 1918—1920 г. г. и ту роль, какую сыграли в нашей борьбе Англия и Франция...

Прибавьте к этому и то, как смотреть на казаков ныне иностранцы. Ведь еще во время последней войны иностранцы изображали казаков чуть ли не людоедами...

А теперь подумайте: нужно или не нужно, чтобы другие народы узнали казаков такими, какими они в действительности есть; нужно или не нужно, чтобы те народы знали казаков от самих казаков, а не через „посредников“ или „опекунов“; нужны или ненужны симпатии казакам тех народов и понимание подлинных стремлений Казачества; нужно ли, чтобы другие народы были за Казачество в его споре и борьбе с теперешними поработителями или возможными будущими „претендентами“ на лакомый казачий кусок; или полк. Соламахин хочет, чтобы они были против?

— Мы думаем, что для судьбы и интересов Казачества будет лучше, если другие народы будут знать казачьи стремления от самих казаков и будут друзьями, а не врагами Казачества. Вот почему мы ведем пропаганду вольноказачьей программы не только среди ка-

заков, но и среди чужих народов. Для этого мы пишем и печатаем и на иностранных языках в чужих изданиях; для этого у нас поставлен на очередь вопрос об издании особой литературы о кызаках и казачьем вопросе на иностранных языках для иностранцев; для этого мы читаем лекции иностранцами, говорим им о себе и о своей программе; все это делает прежде всего каждый вольный казак на всяком удобном месте и при каждом подходящем случае. Но это не значит, что мы предаем интересы Казачества (да и предавать то нечего!), а, наоборот, служим им.

Что касается таких сильных Ваших выражений, как „Вы не только шпион, но и предатель своего Войска“, то, к сожалению, обстановка не позволяет мне в данный момент привлечь Вас к судебной ответственности (не могу в'ехать в Югославию), да и не хотел бы путать в такие наши дела иностранцев, но я предлагаю Вам следующее: при первой же возможности, т. е. когда мы встретимся с Вами на территории одной какой страны (или дома), я привлеку Вас к суду чести (казачьему, разумееется). Прошу ответить, принимаете ли это предложение.

На стр. 25 полк. С. приводит следующую фразу, сказанную будто бы на станичном сборе одним из студентов в. к.: „Бог даст мор и старики наши, как наиболее ярые наши враги, большею частью передохнут, а остальных мы сами доведшем“, и при этом добавляет, что я, если бы послушал это, то „порадовался бы... Нет, г. полковник, если бы я это когда нибудь услышал от в. к., то совсем не порадовался бы... Но, правда ли это? Так ли это было? И было ли это вообще? — ВК не прибегает к методам физического уничтожения своих противников (обратное имело место не раз, возможно и в будущем). И зачем это нам призывать мор на старых казаков, если очень часто старые казаки являются весьма убежденными вольными казаками? Наше средство — слово. Этим своим правдивым словом мы не одному казаку (и старому и молодому) открыли глаза, не один „русский казак“ стал вольным казаком, читая наш журнал. Нам этого достаточно. И нам нет нужды вешать своих противников, т. к. сегодняшние противники могут стать завтра нашими единомышленниками. Ибо достаточно „русскому казаку“ стать просто казаком, чтобы он стал вольным казаком. А т. к. каждый „русский казак“ становится казаком, когда узнает правду о Казачестве, то нам остается только одно: говорить правду.

Глупость говорите Вы, г. полковник, и тогда, когда пишете: „Злонамеренное же введение казаков в заблуждение относительно моей (т. е. Вашей) работы на Войско входит в Ваш (т. е. мой) план по разложению родного Войска и называется просто провокацией“. Во-первых, относительно Вашей работы мы ничего не писали до тех пор, пока Вы сами себя не выдали и не открыли похода против ВК. Во-вторых, мы никого не вводим и сейчас в заблуждение относительно Вашей работы, т. к. это совершенно не нужно, ибо Вы сам себя посадили в лужу гораздо искуснее, чем мы могли бы сделать это самым талантливым введением в заблуждение казаков — в данном случае только наблюдателей. В третьих, вы приписываете себе слишком большую роль, отождествляя себя или свою работу с Войском. Соламахин не Войско. И скверные поступки Соламахины нельзя зачислять за Войском. И стыдно Соламахину прятаться за Войско. И неизвестно еще, согласится ли Войско на то, чтобы полк. Соламахин отождествлял себя с ним. И больше чем вероятно, что Войско не согласится отвечать за Соламахина... В четвертых: никакого плана по разложению Войска и нас нет. А в пятых: провокацией называются такие действия и поступки, когда кто либо неискренне прикидывается сторонником какого либо политического движения, вступает в него или держит с ним связь, принимает участие в его работе, учит, поощряет, дает советы, пользуется его средствами и... все это делает толь-

ко для разведки и последующего предательства. Читатели и „В. К.“ и „К. К.“ уже знают, кто из нас занимался провокацией.

Я не знаю, почему я не мог получить визы в Югославию, но т. к. грехов у меня против Югославии нет никаких, то думаю, что дело тут объясняется исключительно „русским влиянием“ в соответствующих местах...

Что же касается вопроса о средствах, то написали Вы очень мало и самую неинтересную часть. Или ничего не пишите, или уж пишите все. Иначе (если будет нужно) напишем мы.

На стр. 22 „К. К.“ есть следующая фраза: „Неоднократные предложения принять от г. Б. деньги для помощи нуждающимся вольным казакам — старикам и прочими благовидными предложениями, успеха не имели“. Эта фраза может вызвать у многих недоумение, а поэтому я считаю нужным откровенно сказать, в чем дело. (Прежде всего поправка: вместо „нуждающимся вольным казакам“ следует читать: „нуждающимся больным казакам“ — вероятно полк. С. не досмотрел). В „К. К.“ есть несколько „фондов“. Есть и „фонд помощи нуждающимся Кубанцам“. Никто не оговорил в „К. К.“, что в этот фонд деньги от самосийников не принимаются, а т. к. нуждающиеся казаки, особенно старики и больные, тоже могут принадлежать к разным политическим убеждениям, и т. к. дело помощи является делом аполитичным, то в свое время я через полк. Соламахина послал в „Фонд помощи“ 100 (сто) чешских корон (около 160 динар), предупредив, что постарайся посылать хоть немного каждый месяц. Так как в отчете о поступлении в фонд эта сумма показана не была; т. к. она не была и возвращена, равно как не была израсходована полк. С. и на переписку с вольными казаками, то я больше уже ничего не посылал, равно как и не писал ничего пол. С. по этому поводу. Это и все.

Уже второй раз на страницах „К. К.“ появляется заявление Гната Макухи (Шевеля) о каком то насилии, совершенном над ним будто бы редакцией „В. К.“, в силу чего он вышел из состава сотрудников нашего журнала.

Что же это за насилие?

Читатели наши помнят о том, что в 98 и 99 номерах „В. К.“ было напечатано от редакции предупреждение тем из сотрудников, которые печатались в разных изданиях о необходимости выбрать одно из двух: или остаться нашим сотрудником и уйти из журналов, нам противных; или остаться сотрудниками противных нам изданий, тогда мы откажемся от их сотрудничества. Это первое. Второе: в № 101 „В. К.“ напечатано следующее объявление от редакции: „В виду сотрудничества „Союза Кубанских писателей и журналистов“ с издаваемым в Париже „Кубанским Казачеством“, настоящим предлагаем тем нашим сотрудникам, которые состоят членами этого союза, или уйте из союза, или мы вынуждены будем отказаться от их сотрудничества“.

И мы ни над кем, в том числе и над Гнатом Макухой не производили никакого насилия для того, чтобы он из „ВК“ или „КК“ выбрал „КК“ или добровольно остался членом „Союза К. П. и Ж.“, перестав тем самым быть нашим сотрудником.

Что касается заявления Гната Макухи о том, что он остается „на платформе вольноказачьей идеи“, то мы смеем думать, что в этом случае мы понимаем вольноказачью идею каждый иначе: мы по своему, а Г. Макуха по своему.

Относительно же „нравоучений“, читаемых Г. Макухой вольноказачьей молодежи, мы тоже имеем свое собственное мнение: мы думаем, что люди, сами не имеющие твердых политических убеждений, ничему не могут научить и других, равно как не могут быть никому примером в общественной или политической жизни.

А. Т. Жуков.

Нашим противникам из „К. К.“

В отличие от предыдущего, номер 8 (109) „К. К.“ посвящен не столько В. К., сколько его отдельным представителям и потому, если можно так выразиться, носит характер частный, персональный. Это ничто иное, как обыкновенная сводка избитых, всем надоевших силетен, пересудов, недоказуемых и противоречивых измышлении болезненной фантазии людей, считающих себя „задетыми“. Здесь и намек нет на полемику идейного порядка. Все ограничивается пошленькими выпадами в личный адрес сотрудников журнала „ВК“.

Ничего осмысленного или нового на 18 страницах „К. К.“ мы не находим, но злобы, зависти и провокаций, — хоть отбавляй. Да иначе и не может быть: единонеделимцы вообще не привыкли к свободе мысли; поэтому они в своих писаниях решительно избегают идейной стороны и вполне „резонно“ поступают, т. к. для этого им пришлось бы по необходимости объяснить казакам сущность нашей идеи и выявить свое собственное политическое кредо, а это есть для них самое страшное, именно, — сказать открыто правду, сознаться в своей несостоятельности.

При таких условиях ничего не остается, как прибегнуть к излюбленным ими методам: лжи, обману, провокации, угрозам... Авось еще удастся прибрать Казачество к рукам.

Один из авторов теперь уже милостиво обещает (голько обещает!) не расстрелять больше казаков, а ограничиться жестокой поркой; другой о будущем умалчивает, но в настоящем недвусмысленно угрожает лишением работы, стипендий и т. д.

Все „русские казаки“ уныло тянут одну и ту же песню о „единой, неделимой“. Цель у них одна: дезорганизовать Казачество идейно, отвлечь его мысли от политики, чтобы оно не в состоянии было разбираться само даже в вопросах своей жизни, и превратилось бы т. обр. в безвольную, безличную людскую массу, распоряжаться которой легче легкого.

Основным мотивом у наших противников является „воля русского народа“, на которую Казачество и должно положиться, как на каменную гору. В чем выразится эта „воля“ в будущем — никому неизвестно. То, что в настоящем она выразилась в большевизме, их смущает мало.

Поразительно на первый взгляд то, что наши противники, считая себя казаками, в то же время до самозабвения стараются о благе русских, стараются о русских интересах несравненно больше, чем сами русские. Одновременно с тем, почему то, не наблюдается обратного, а именно, чтобы русские когда нибудь, позаботились о благе Казачества. Куда там! Все, от правых и до левых, только и думают о том, как бы разрешить „казачий вопрос“ упразднением этого ненавистного „пережитка старины“. „Русские же казаки“, естественно, должны прежде всего быть русскими, следовать их политике и взглядам...

Возражать „КК“ в данном случае по существу не приходится, т. к. нет надобности толочь воду в ступе. А вот насчет личных выпадов кое-что ответить следует. Я имею в виду п. Соламахина, который затронул меня и в области, не касающейся политики.

На этот раз кубанский „Соломон“ особенно вошел во вкус словесных излияний, как венецианский нищий, которому дают грош за то, чтобы он заговорил, но после платят два, чтоб только замолчал.

И чем больше С. разглагольствует, тем ярче обрисовывается его собственное невежество.

Для таких людей типичным является то, что они не умеют отвечать на прямо поставленный вопрос, а всегда стремятся к упрощенной форме мышления, доходя порою до абсурдов, т. к. склонны подменять внутренний смысл выражений чисто внешней, словесной формой. Подменяя одно понятие другим, они бывают весьма довольны, просто счастливы, когда вывод получается такой, каким они его желали бы иметь.

В конце концов, у новоявленных „мыслителей“ все выходит буквально так, как у торговцев на базаре: нач-

нут, скажем, толковать о мировом кризисе и дороговизне, а кончат неизменно тем, что „на основании достоверных данных“ вынесут безапелляционное решение по щекотливому вопросу: почему-де Манька родила, а та другая... Но при чем тут кризис и дороговизна? — Да ни при чем! Просто бабы сами не заметили, как „соскочили“ с экономики на тему о Манькином позоре.

Однако, для случайных слушателей все таки создается, правда очень смутно, впечатление, что Манькино пятно в какой то степени ложится и на мировой кризис и на дороговизну.

Вот так и С., — дальше базарной „критики“ не двинулся; начал с идеи „ВК“, а окончил взятыми напракат жалкими выпадами в частный адрес отдельных лиц.

В самом деле, — почему Вы, г. Соламахин, взяв на себя инициативу проверки грязного белья, лезете первым делом в чужой ящик, прежде не разобравшись хорошенько в своем собственном? Может быть, именно Ваше личное белышко замарано похуже, выгладит неизмеримо гаже нашего; но, ведь, мы совершенно не касались этого вопроса, как не имеющего абсолютно никакого отношения к существу спора между самостийниками и „русскими казаками“.

Отсутствует у Вас не только элементарная политическая честность, но страдает не в меньшей мере и логика.

Например, на стр. 21 Вы с развязной наглостью утверждаете: „Добываемыми сведениями о казаках Вы делитесь с иностранной державой, которая Вам за это платит и дает деньги на работу по разрушению Вашего же войска. Значит Вы не только шпион, но и предатель своего Войска“.

Давайте-ка проанализируем это Ваше „умозаключение“ и посмотрим, что из этого выйдет.

Прежде всего, г. С., любой элементарный учебник логики учит, что для того, чтобы из двух данных суждений вывести верное заключение, сделать правильный вывод, необходимо сначала твердо обосновать и сделать абсолютными данные суждения, другими словами, — надо их в первую же голову подтвердить фактами и доказательствами, не вызывающими никаких сомнений, недопускающими, одновременно, никаких исключений; только после этого Вы вправе перейти к заключению, иначе оно будет ложным, как и получилось у Вас. Таково правило. Что же делаете Вы? Вы берете с потолка целых три суждения, решительно ничем необоснованных, никакими фактами или документами не подтвержденных: 1. „Сведениями о казаках Вы делитесь с иностранной державой“ — откуда это видно? Чем это обстоятельство доказано? Если исключительно только Вашим личным предположением, то это никак не может почитаться за достоверный факт; 2. „которая Вам за это платит“... Опять таки читателям не ясно — платит или нет, и почему именно „за это“, а не за что-нибудь другое? Ведь это тоже следовало бы подтвердить не на словах, а подлинным документом; 3. ... „дает деньги на работу по разрушению Вашего же Войска“... Тут полное недомыслие. Какой же, скажите пожалуйста, дурак берет деньги для собственного разрушения?! Значит в Кубанская Канцелярия и Вы сами тоже брали деньги от иностранной державы на предмет разрушения „Вашего же Войска“ — так что-ли?

Итак, все ваши три тезиса не имеют под собой реальной почвы, нереально и Ваше заключение: оно ложно от начала до конца.

Если Вы настаиваете на правильности своих рассуждений, то позволяйте их применить к Вам самому. Интересно знать, насколько Вам понравится наш вывод, сделанный по Вашим образцам.

В чем распоряжении находятся кубанские архивы, в том числе секретные документы, кто усиленно собирает сведения о кубанских казаках?

— Начальник Куб. Канцелярии п. Соламахин.

— Давала ли иностранная держава для поддержки Кубанского Правительства?

— Давала. Регулярно.

— Получал ли из этих денег жалование за свою работу в Канцелярии бескорыстный служитель Казачества п. Соламахин?

— Получал исправно. Это тоже факт.

Ну, а далее, следуя Вашему рецепту все идет как по маслу. Ставим точку, тире (все как требует формальная логика) и продолжаем: значит Соламахин „не только шпион, но и предатель своего Войска“, так как, располагая большим количеством документов, „добываемыми сведениями о казаках делится с иностранной державой, которая ему за это платит и дает деньги на работу по разрушению его же Войска“.

Правда замечательно? Вам не нравится?! Странно. Но почему же в отношении других Вы находите это правильным, для себя же требуете иной логики? Очевидно, Вы большой фарисей и недобросовестный человек. Говорите (стр. 19), что „простая порядочность обязывает более терпимо и с уважением относиться к чужому мнению“, а сами поступаете наоборот.

На стр. 20. в примечании, Вы говорите о посылке большевиками 150 миллионов рублей для пропаганды среди кубанцев...

Действительно большевики старались во всю не ограничиваясь посылкой только денег, но и командировав для этой цели и специальных лиц с определенными заданиями. По этому поводу есть много интересных слухов; один я приведу. Это я узнал не от советского шпиона, а от лица, близко и хорошо Вас знающего.

Когда (уже при большевиках) Вы окончили курсы Генерального Шт., то Ленин, поздравив всех слушателей генштабистами, разослал их по разным местам со специальными заданиями. Как известно, тогда вообще за офицерами следили товарищи очень строго, а за генштабистами тем паче. Вы с двумя кубанцами (один уехал к большевикам уже из Парижа) были командированы на Кубань для подготовки почвы к созданию советской армии с целью „борьбы с контрреволюцией“.

Скажите, пожалуйста, чем этот слух хуже Вашего намека? по крайней мере он правдоподобен, особенно, если сопоставить дальнейшее, да и легко объясняет назначение миллионов: содержание местных и командированных агентов советской власти.

Армии большевицкой Вы не сформировали, но зато уклонились, выражаясь мягко, не вступили ни в Кубанскую ни в Добровольческую армию, когда она занимала Вашу станицу. Некрасовцев собрал и повел на борьбу небольшой в чинах тогда, но достойный офицер, Вы же остались сидеть дома.

„Тут, как раз, уместно будет сказать несколько слов о „нестроевых“ и „штатских“. В то время, как „нестроевые“ офицеры, урядники и вахмистра поднимали казаков и начинали коммунистов бить, а студенты, гимназисты и „штатские“, вроде Билого, „пошли в 1-й Кубанский поход, „строевые“ и все „гиковые“ попрятались по углам в ожидании чьей возьмет. Когда, наконец, удалось сломить большевиков и перевес явно обозначился, тогда бесстрашно на сцену „появились самохвалы строевые и прочие „гиковые кунаки“.

Странная картина. Генштабисты и строевики сидят по домам, а нестроевики и штатские, неумеющие как следует стрелять и применяться к местности, в решительную минуту с винтовкою в руках идут в атаку на врага. По неопытности „шпарят“ во весь рост, не задумываясь над тем, каким приемом полагается по строевому бить противника; и спросить то не у кого: ген. Покровский (даже на командную должность не нашлось тогда своего строевика) в палатке спит, а Соламахин дома сидит. Жутко, страшно, но... противник дрогнул и победа осталась за штатскими.

Так то, г. С., вопрос очень спорный — кто в это время проявил больше мужества. Во всяком случае, штатские члены Рады, в том числе и Билый, в грозный час свой долг исполнили, своего поста не оставляли и тем спасли честь казачью. Нельзя сказать того же о многих военных; значительная часть из них в самую трудную минуту в борьбу не верила и от исполнения долга уклонилась.

На стр. 25 Вы делаете угрожающие намеки каза-

кам, что их скоро будут исключать с работ, лишать пособий и стипендий. Возникает сам собою вопрос: не по Вашему ли это наущению готовятся вырвать „у зарубежных казаков последнюю корку насущного хлеба, как это делает советская власть“, и как, добавлю от себя, это практикуют некоторые эмигранты в отношении своих политических противников.

Насчет „закрытия очага“ и „веяний смерти“ совершенно напрасно изволите беспокоиться. Давно уже нам, вольным казакам, многие роют глубокую могилу, заказывают черный гроб для „ВК“, а оно, слава Богу, все живет и развивается. Сначала приговоренные к смерти вольные казаки приходили одиночками, потом группами, а теперь, после всех похорон, повалили хуторами и станицами.

Это правда, — гробокопателей достаточно, хоть отбавляй. Но вот, — странная примета, г. полковник: как только какое-нибудь „похоронное бюро“ заходит нас отпевать, начнет нам готовить зловецкий катафалк, так, смотришь, и скovyрнулось само в им же свежее вырытую яму.

При подобных обсгоятельствах скоропостижно скончался Харламовский „Путь Казачества“, а за ним другой гробокопатель, помоложе и поменьше, заболел чахоткой и в слезах окончил свои дни — „Родимый Край“. Теперь „КК“ что-то не ко времени каркает о „веяниях смерти“...

Я не пророк, но факты подтверждают поговорку: кто другому роет яму, сам в нее упадет.

А сколько по нас было понихид... И не перечтешь! И вот опять примета: если справляют по живому панихиду, то это верный признак, что „покойник“ очень долго проживет...

Теперь скажу кратко о себе. Вы, г. С., слишком неосторожны и поспешны в своем обвинении меня в самозванстве и разжаловании в войск. старшины. То, что я, по Вашему, не значусь в списках, говорит за то лишь, что они Вами плохо составлялись. В прежних списках, помимо генералов, значилось, по крайней мере, пять полковников, насыщих фамилию Жуков, в том числе и я; были и войсковые старшины, были и в других чинах с тою же фамилией. Рекомендую Вам хорошенько проверить старые приказы по Кубанскому Войску, хотя бы начиная с № 667 за 1919 год (приблизительно с 6 или 9 марта) и кончая январем 1920 г. Там Вы найдете и соответствующее дополнение, гласящее что в старшина А. Жуков производится в полковники, как ошибочно в свое время произведенный на один чин ниже. В начале 1919 г. и гораздо позднее того Вы были еще есаулом и никто не удивляется тому, что ныне пребываете в полковниках; некоторые прыгали в этот чин прямо из сотников. Я никогда, ни раньше, ни теперь не имел особого пристрастия к чинам, поэтому, вероятно, судьбе угодно было, чтобы я прошел их все без исключения, тогда как другие благополучно миновали и под'есаула и в. старшину. Жаль, что умер б. Нач. Шт. Куб. В. и мой командир полка — генерал В. А. Лешенко, он бы Вам подробнее рассказал об этом, т. к. сам составлял приказы о моем производстве и посылал мне поздравительные телеграммы. Однако, за границей находятся и другие мои начальники, сослуживцы и станичники. Но, я надеюсь, мне не придется прибегать к их помощи, тем более, что мне совершенно безразлично, как Вы намерены меня именовать и по каким спискам. До сих пор Вы сами в официальных письмах, которые сейчас хранятся у меня на руках, именovali меня полковником; к тому же не мешает Вам обратить свое внимание на приказы Кубанского В. Атамана заграницей уже, напр., прик. № 1 от 1-го Января 1931 г. пункт 4-й (смотри журнал „Кавк. Казак“ за тот же месяц) и др.

Не по собственному соизволению, а по представлениям своего непосредственного начальника, за боевые подвиги и служение на пользу родного Войска я произволился в чины и не Вам теперь заниматься моим разжалованием. Да не имеет это и никакого смысла. За 12 лет эмигрантской жизни все офицерство, за единственным исключением, почти деклассифицировалось. Грань между полковником и прапорщиком во многом стерлась: оба одинаково к современной войне не при-

годны, т. к., одинаково не знают ни новой тактики, ни техники, ни свойств оружия, ни схемы управления войсками...

На Парижских высших Военно-науч. курсах вместе со мной слушал регулярно лекции и выполнял задачи лишь один кубанец, ес. С. При таких условиях, военным нечего особенно кичиться перед штатскими. Опыт жизни показал, что в деле возрождения или спасения своих государств штатские действовали куда успешнее военных. Примеры: Презид. Пуанкаре и его в. мин. Клемансо, Президент Масарик, маршал Пилсудский, Венизиос, Петлюра и др. А что сделали военные во главе с Сухомлиновым, или чем могут похвалиться генералы:

Деникин, Врангель, адм. Колчак, Юденич, Миллер и др. против штатского Троцкого? Претензия военных на исключительный ум и руководство во всех областях жизни, кроме военной, по меньшей мере неосновательна. По сей причине я не собирался играть роли „начальника штаба“ вообще и в частности потому, что ее не существует. Явится нужда — явятся и соответствующие своему назначению люди.

Относительно псевдонима — Потоцкий уже писалось в „ВК“ и у Вас в „КК“ (№ 95). Более подробные сведения, если интересуетесь, можете получить от Куб. В. Атамана (справка: офиц. письмо № 57 от 29-3-931 г.).

Думы и мысли.

Точки напора наших противников.

Разбираться в сути озлобленной полемики вещь нудная вообще, тем более, если эта полемика тянется пять лет одними и теми же лицами да еще вокруг одного и того же вопроса.

Противники идеи казачьей самостоятельности и всевозможные отрицатели права казаков на самоугроение своей жизни, сторонники служения казаков чужим интересам, другому народу, от которого Казачество за всю свою историю многократно терпело всяческие беды, исчерпав надежды доказать казакам ценность своей идеи в противовес идее вольноказачьей, в последнее время избрали другой путь борьбы с нами, другое средство воздействия на казачьи умы и казачью совесть.

Так как этот поход предпринят различными нашими врагами, казаки, чтобы не теряться в мелочах, должны помнить главные точки: на что именно нажимают враги казачьей воли. Они теперь почти не говорят о своей основной цели — закабаления Казачества под власть той или иной России, — а таинственно говорят, что они за „свой край“; мало этого, они даже перестали доказывать неценность вольноказачьей идеи, а лишь иногда говорят о невозможности ее осуществления; главным же образом занялись в последнее время попыткой очернения в глазах казаков руководящих лиц вольноказачьего движения. По отношению к ним они придумывают всяческие небывлицы, копаются во всех личных качествах (при том — весьма недобросовестно) и чуть ли не доходят до того, когда, кто и как чихает, есть ли у кого на носу прыщик, а скоро займутся, очевидно, и тем, кто и как часто ссорится с женой...

На первый взгляд это кажется просто глупостью, ибо какое отношение имеет тот или иной личный штрих того или иного вольного казака к политической идее, которой он посвящает свою жизнь. Но если строже вдуматься, то противники наши не такие уж дураки. Потеряв надежду доказать казакам разумность и ценность своих политических программ, видя, что все честные, смелые и преданные своему народу казаки искренно потянулись за идеей казачьей самостоятельности, они решили добиться своей победы иными средствами, а именно разложением нашей семьи, дискредитировав в глазах массы популярность руководителей вольноказачьего движения.

Вольные казаки должны знать и помнить, что во всех аттестациях руководителей вольноказачьего движения нашими врагами нет истины а есть и много злобного измышления. Но в конечном счете можно им задать один конкретный вопрос: С чем они борются, с вольноказачьей идеей, или только с отдельными лицами, возглавляющими и руководящими развитием этого движения? И какое имеет отношение та или иная черта в характере того или иного вольного казака к политической идее, им исповедуемой и защищаемой?

Иные пишут, что вот такой-то не отличается храбростью в боях (при чем пишущий никогда и не видел того, о ком пишет, а к тому же неизвестно, насколько храбр он сам). Я думаю, что можно и не иметь ге-

оргиенского креста, но уметь делать хорошую национальную политику, быть умным общественным работником, тем более, что далеко не все забубенные генералы умны.

Другой кричит: „Во всей редакции нет хорошо грамотного человека“. Об этом можно судить по выпускаемым журналам и ничьи утверждения не могут изменить достоинств того или иного печатного органа. Об этом пусть судят читатели, а не издающие. Баба, которая сама варит и сама же себя хвалит, не считается в стенице умной.

Третий пишет: „у них только три человека, больше с ними никого нет“.

По ихнему выходит, что все сотни вольных казаков должны были бы жить в одном городе, даже на одной квартире... Они думают, что люди не видят тех сотен казаков, которые изливают свои души на страницы нашего журнала. С кем они, с ними, что ли? Да, наконец, если мы слабые и малограмотные, если нас только два-три человека, так чего же они так беспокоятся, стоит ли обращать внимание на дела и работу двух-трех трусливых и малограмотных людишек?!

Нет, тут что-то не то. Невольно мне вспоминается один казак в моем взводе зимою 1919 года. Не успею, бывало, пойти в атаку, а он уже орет во все горло, как будто уже рубить собирается... „Ты чего это рано кричишь“, спрашиваю однажды. Он отвечает: „Да даже страшно, когда кричишь — легче“. Не так ли и тут?! Похоже...

Ш. Чиминов.

Заело за холку.

Настоящим моим кратким письмом я хочу дать услышать нашим Атаманам и их помощникам слово простого казака по поводу того, что больше всего их злит в вольноказачьем деле. Тут не нужно быть много ученым, дело понятное, что им так заело за холку. Это три вопроса:

1. Вольные казаки сняли с Атаманов тот ложный ореол, которым они пользовались, чтобы повести казаков туда, куда им хотелось, а не туда где польза Казачества. Вольное Казачество это раскрыло. Казаки очухались.

2. Вольное Казачество сказало правду и раскрыло предательскую деятельность некоторых во время борьбы Казачества с русскими большевиками.

3. Своей пропагандой вольные казаки грозят пресечь у них источник поступлений на различные „фонды“, которые им здорово были нужны.

Раньше было хорошо: сиди себе и пиши приказы и вытягивай у казаков гроши и на них же во вред Казачества работай. Т. е. нашим же салом, по нашим же губам. Теперь же этой лавочки, пожалуй, не будет, кто только добра Казачеству желает, тот Атаманам не должен теперь ни гроша посылать.

А потом, досадно им и то, что простые казаки рассуждают и им еще пишут через журнал и свои права предъявляют. Это тоже их сердит. Да еще какие то молодые казаки ездят по казачьим колониям с докладами и их чуть ли ни с хлебом солью встречают. Так

что мы, казаки, должны понять и помнить где собака зарыта. Казаки уже поняли и вот почему они идут в ряды Вольного Казачества и желают вождям В. К. успеха в их работе. Рядовое казачество всегда поддержит В. К. т. к. оно поняло свой интерес.

Виши. 5-8-32.

Д. Чесноков.

Дорожная встреча.

Проездом через Балканы, в одном городе, мне пришлось встретиться с дедом Павлом Савельичем Морозовым, тем самым, про которого столько слышал. Слышал я про него, как о старике крепком, бодром духом, веселом и как о настоящем казаке. Да не только я, но и другие казаки, верно, слышали о нем, ибо, куда он ни придет, везде о нем молва бежит, как о человеке редкой доброй души и светлого ума. Годами он уже совсем стар, участник Турецкой кампании, в которой огличился и крест имеет. В родном хуторе на Дону он подолгу бывал хуторским атаманом, пользуясь доверием всего общества.

Встретясь с ним, я начал было говорить о нем самом, о жизни его и здоровье, но он перебил меня и поспешил сказать, что молодое поколение — это наш единственный родник, откуда бьется казачья жизнь и что каждый народ молодежь свою должен любить, как детей своих и уважать. „К чему это он гнет“ — подумал я.

А потом, степенным, стариковским говором начал он говорить про свою жизнь. Оказалось, что живет он, продавая разных родов газеты и журналы. Сам он их не читает, но по картинкам всегда уловит смысл и направление журнала. Языки ему не давались. „Куда там новые речи изучать, с своей едва справляюсь, одеревянял язык-то от долготетия“, — говорил он, хотя сам еще почти не горбится.

Под кучей журналов и газет увидел я краешек зеленой обложки знакомого журнала и спросил старика: — „Что это у вас за журнал?“ — „Да, знаешь голубчик, это наш теперешний раздор, который я теперь прячу от людей, как свой стыд... Раньше я его старался каждому всучить, потому и трубац на крышке, как бы казаков к разуму звал, да и писали не плохо, сведения всякие давали, приказы печатались, даже сам любил заглянуть, а ныне „Кавказский Казак“ наполнился руганью, злобой, даже угрозой лишить казаков куска хлеба, если они будут свою думушку иметь, а на кого же нам и надеяться, как не на нашу молодежь, а она, Белградская старшина наша, вздумала молодежь за их чистые думы и мысли с большевиками-разбойниками сравнивать. Этим молодым людям по 25—30 лет, небось, школы всякие покончали, во всем могут получить стариков разобрататься, а их мальчишками обзывают, да еще желторотыми. Ведь если это дома, так они старыми казаками были бы, атаманами, учителями, офицерами, чиновниками, общественные дела бы делали. Плохово тут они ничего не делают, честно делятся своими думами с казаками, никого не присилывая, знают, что их дело чисто и душе казачьей приятно... А старшина наша всегда в таких делах к чужой помощи прибегала. Раньше Москву звала, чтобы присилить казачью волю и суд, а теперь, кажись, тоже не прочь к чьейнибудь помощи прибегать. Да и на Вольное Казачество они зря нападают. Пишут, что там казаков нету, как будто мы не видим, — вот у меня пяток номеров, посчитаешь — так тут человек пятьдесят, да половина знакомых фамилий, где же это в другом журнале так было?“

Дед продолжал ворчать, можно было и послушать до конца, да поезд уже дал свисток и я должен был бежать в вагон.

„... Большевиками наших сынов и унуков называют — позор, а желторотыми называть тридцатилетних казаков смешно“... слышалось мне вслед.

Г. Алферов.

Довольно лжи.

Пора защищаться от клеветы и неправды.

Братья-казаки, прочитав журнал „Кавказский Казак“ № 6, я не могу, чтобы не ответить на ту несправедливость, которая, в частности, коснулась и моей личности.

Прежде всего, в обращении своем, Куб. В. Атаман ген. Науменко сравнивает нас, вольных казаков, с большевиками (русскими). Это нам, казакам, оскорбительно слышать от нашего, нами же избранного, вождя. Наш Атаман прекрасно знает, что ушедшие от ига красных, казаки лишились своих отцов и братьев и всего родного, зверски замученных теми же большевиками, и что все эти казаки принимали и принимают активно участие в борьбе с большевиками. Он хорошо знает, что мы все казаки, не только здешние, но и там оставшиеся на Родине, которых предательски сдали в большевицкую кабалу на берегу Черного моря, всегда были не только против большевиков, но и против их методов и террора...

Казаки же, поголовно борясь с русскими большевиками, отлично знают из кого составлялись русские антибольшевицкие силы. Вспомните, братья-казаки, сколько мы забирали в плен лапотников и среди них попадались нередко подлинные русские офицеры, которые, освободившись от красных, уходили за наши плечи и не принимали участия в кровавой борьбе. Рассыпавшись по нашим станицам, в тылу, пользуясь гостеприимством наших отцов, они частенько приписывались в казаки, и уйдя ныне с казаками за границу, сеют среди нас смуту для того, чтобы подорвать действительную нашу силу, а в будущем, без труда, поработить нас своей единой неделимой Россией.

В июне месяце было собрание русской колонии в Смедерове, куда был приглашен только что отделившийся от станицы хутор во главе со своим атаманом есаулом Пацапай. Всех: и русских, и хуторян, собралось 36 человек. Председатель колонии Чураков, сапожник по профессии, открывает это „историчекое“ собрание, заявляя, что вольные казаки-самостийники идут против матушки России; их надо преследовать и, если бы была его власть, он бы их всех перевешал...

Новый атаман хутора очень сочувственно высказался в пользу этого проекта, а после него, полковник Гришин подал лживое письмо, что будто бы вольные казаки бесчестно ругают в есь русский народ и не признают начальство. Это — неправда! Казаки любят свое начальство, но то, которое не меняет свой казачий интерес на российский, а о русских, казаки говорят только о тех, кто сам пышет ненавистью на казаков, вообще же, до русского народа наше отношение зависит от отношения его к нашему казачьему государству. Генерал Кельнер поносил Казачество и его представительные органы, а хуторяне сидели и... молчали.

Результат голосования — 36 человек исключили 90 человек казаков. Но мы то у них никогда не состояли. Форменная комедия.

Вот, братцы-казаки, какие на свете творятся дела, и жаль лишь то, что небольшая часть (Слава Богу) казаков, идя в слепую, помогает нашим врагам.

Но я верю, что те, у кого душа казачья, вернется рано или поздно. Мы за двенадцать лет пребывания за границей от молодости ушли и, поэтому, надо крепко подумать — за что и как нам стоять.

Теперь расскажу я вам, что наболело у меня на сердце и кто такие — Науменко и Соломахин.

Когда мы приехали дивизией с Лемноса в Югославию, в самом начале нашего приезда в Джебджели перестроивались мы и гг. офицеров, наших родных казаков, как полк. Семенихина, Тарарыкина и многих других оторвали от казаков и на их место посадили иногородних, а к концу работ на шоссе „Вранье-Босильград“ в дивизии редко встретить было офицера-казака. А если они и были, то стояли в оппозиции В. Атаману Науменко. Об этом мы, казаки, все знали. И хоть начальник дивизии и подрывал его авторитет, мы, казаки, втайне сочувствовали ему. Мы, даже сожалели

о своем В. Атамане. Нам было запрещено ходить в резерв каз. чинов, где томились под надзором наши казачьи офицеры.

Меня лично вызывал ген. Венков и спрашивал, знаю ли я есаула Аверьянова, кто он таков. На ответ, что это мой станичник, казачий офицер, хорошего отца сын, Венков бешено кричал: и ты такой!! В недоумении, я молчал.

В. Атаман придумывал, как этим офицерам помочь, так как и инвалидов посылали кирковать на работу, но ему Атаману, мало что удалось сделать.

Гонение с казаков-офицеров перебралось и на простых казаков. Случайно, я был в городе Враньи, где меня встретил Соламахин и приказал разнести по сотням информации „Правила для поступления на шоферские курсы“, приказ В. Атамана № 4 о сборе денег, и поручил мне уговаривать казаков вносить деньги сразу за полгода или за год крупными суммами.

Получив приказание Начальника Штаба, я отправляюсь под напутствие такого сорта: Смотрите, если Вы не будете допускать до казаков офицеры, то Вы не бойтесь — делайте свое дело.

С приказом Кубанского В. Атамана я и не думал о том, что меня может кто либо не допустить к казакам.

Пешком, 55 километров по шоссе, я информировал, заходя в сотни, казаков, убеждал их вносить деньги на деятельность Кубанского Союза. В Лабинской сотне о моей миссии уже знали. Командир сотни поручил офицерам меня выгнать, но те сделать этого не могли, так как за меня вступились казаки. Офицеры назвали меня „провокатором“ и я, слыша это слово в первый раз, сильно оскорбился, как равным образом и все стоявшие около меня казаки.

Лабинцы со мной согласились прийти на помощь Атаману и Союзу.

За этот далекий путь, в каждой сотне я встречал доверие к словам Атамана и Соламахина, разъяснял казакам и читал информации.

Офицеры ругали меня большевиком, но все это я вытерпел, так как верил Атаману и Соламахину и думал, что они, посягнув на такую работу, найдут способ защитить и снять с меня все эти ругательства и поношения для моей казачьей чести.

На другой только день к вечеру прибыл я в свою 7 Корниловскую сотню и рассказал все своему ком. сотни. Он посмеялся и сказал, что „этого вам не нужно было делать“, то есть слушаться Соламахина и поддерживать Атамана. Я просил комсота. чтобы он сделал на моем месте. Он мне прямо сказал, что он такого бы приказа не исполнил, так как организация Кубанского Союза разлагает жизнь и спайку казаков. Тогда я обратился к вахмистру А. Т. Настычу и там были почти все казаки сотни. Был там и есаул Дронов. Я всем подробно рассказал о своих странствованиях и о всех препятствиях со стороны офицеров... Дронов прочел приказ В. Атамана и в своей речи заявил, что приказ В. Атамана нам дорог и мы должны всеми силами прийти на помощь своему Атаману и Правительству. После его слов 7 Корниловская сотня собрала деньги и послала своего человека с ними к полк. Соламахину. Я ему послал письмо и получил ответ — благодарность за верность своему долгу и своему В. Атаману.

После этого, через четыре дня, меня вызывает полк. Головко, я иду за 20 километров к нему.

Усталый, я спрашиваю: Что вы хотите?

Он поблдевел и закричал, что я разлагаю казаков его дивизиона и занимаюсь агитацией.

Какая-же агитация, говорю я, и даю ему приказ В. Науменко. Затем, говорю, что мне лично приказал сам полк, Соламахин. Полк. Головко швырнул мне приказ в глаза.

Тогда я заявил, что буду жаловаться В. Атаману за ругань на меня со стороны гг. офицеров. Он хлопнул дверью. Проходя в сотню, я выслушивал жалобы казаков и успокаивал всех именем батяки-Атамана, который защитит нас от „козырьков“, как мы называли русских.

Еще через четыре дня приказом по полку, навер-

ное с ведома и Начальника Штаба Кубанского Войска и Атамана, меня исключили из дивизии и я очутился без куска хлеба.

Братья-казаки, неужели же это я все пережил только для того, чтобы так и промолчать? Видя все это Атаман и Соламахин, зная обстановку, приказали мне сделать то, что послужило лишь на мое горе, да и на горе еще пуще закабаленных после этого случая братьев-казаков.

Выгнали меня осенью, когда хороший хозяин и собаки не выгонит.

Заставили меня выступить, а когда пришлось строгиться к расчету, они, наверно, осудили мои поступки — дескать против русских выступать нельзя, „не по волеяет конституция“.

Соламахин призывал к ВК, а теперь бьет в своем журнале вольных же казаков.

Но мы, вольные казаки, никогда не меняли пластинки и, приняв нашу же казачью „Верую“, Вольное Казачество, не мараем в большевизме свое имя, не мараем и имя казачье; это знают и сербы, нас приютившие. А на всякую грязь есть вода.

Видимо соглашаясь с Конституцией, в последнее время наши станицы и хутора стали наполняться мужиками. Раньше об этом нужно было хлопотать, а теперь „гони сколько влезет“, лишь бы они стали в ряды сторонников тех, кто безобразничает в казачьих верхах. Полк. Соламахин пишет „офицеру“ Соколову, не казаку, секретное письмо: расследовать о Смедеревской станице и разогнать вольных казаков. Содержание этого письма, того же дня, стало нам известно.

Когда Соламахин пожаловал на сбор, его запросили: кто такой Соколов? Он сам уверял, что он терец, но когда терцы указали, что у них нет таких, то нас интересует, кто же он? Соламахин сказал, что и он не знает, кто Соколов. Все казаки смеялись и спросили как ему могли писать секретное письмо? Соколов бежал, а потом и был исключен из станицы приговором. Соколова уличили и в воровстве. Таких вот „казаков“ и привлекают теперь.

Так не клеветайте же на нас, честных казаков.

Соламахин говорит в „Кав. Казак“ чушь, называя нас „крикунами“. Все говорили по порядку, чинно и мирно и не довольно ли вам врать без зазрения совести?

Мы, казаки, знаем, где правда и неправда. Смедерево.

И. Кошкодаев.

Казачья исповедь.

В январе 1918 г., когда большевицкая волна захлестывала Казичи Края, в том числе и нашу Кубань, я был послан от политического отдела Кубанского Войскового Правительства в Баталпашинский отдел с литературой. Из Екатеринодара поездом через станицы Тихорецкую и Кавказскую, всякими правдами и неправдами, благополучно приехал я с двумя мешками листовок в свою родную станицу Невиномысскую. Здесь я отдал литературу учителю, казаку С. В. Товпекину (впоследствии зверски убитому большевиками).

Явившись в станичное правление, где встретил почти всю станичную администрацию, я поговорил и предложил свой открытый лист, выданный Кубанским Войсковым Правительством на взимание почтово-обывательских подвод без прогонов и без малейшего задержания. Все, конечно, сочувственно ко мне отнеслись, но подводу дать не могли, ссылаясь на то, что в станице уже никто не слушается. Тогда я частным образом нанял подводу и отправился в станицу Баталпашинскую.

Прибыв в управление отдела, отдал литературу учителю Мельникову (тоже казаку и также впоследствии зверски убитому большевиками). В отделе я заметил нервное настроение, как начальства, так и моих коллег, писарей.

Таким образом, побывав в станицах Невиномысской, Беломечетской и Баталпашинской, я вынес самое безотрадное впечатление. Станичная власть хотя как буд-

то и была на местах, но дело было уже „дрянь“. Видно было, что большевицкая зараза охватила и наши станции.

В Невинномысской я встретил г. офицеров Хоперского полка, возвращавшихся с фронта; товарищами солдатами они были уже в пути обезоружены. Меня это страшно поразило. Я было попробовал вступить с некоторыми лицами в разговор, но сразу понял, что надо язык держать за зубами. Один мой станичник сказал мне: „Да ты где был, что так говоришь?.. Знаем ваше правительство — ишь, что они пишут! мы там в окопах одну ночь с солдатами кормили, одной коркой хлеба делились“...

Мне „скрыть“ было нечем, ибо я с 1913 года по 1918 г. служил писарем в Кубанском Областном Правлении, а они на фронтах. Тогда я вижу, что дома в станице сидеть нечего, а к тому же надо ехать в Екатеринодар дать отчет о своей поездке. Поговорив с отцом, я решил как можно скорее отправиться по месту службы. Пошел на станцию и на свое счастье застал эшалон солдат-сибиряков, с Кавказского фронта едущих домой. В хвосте эшелона я увидел два вагона казаков, наших кубанцев, тоже едущих с фронта домой. Я попросил их взять меня до Армавира и они охотно пустили меня в вагон. Поезд наш тронулся и я оставил свою родную Невинку. Поговорив с казаками, вижу, что еще не все потеряно. Насколько хватило моих сил, я постарался осветить им „атмосферу“ и положение нашего правительства и вообще, что творится на Кубани...

Тогда один урядник, георгиевский кавалер, сказал, что хотя их товарищи и разоружили в пути, но „мы, все таки, в конском помете везем винтовки и патроны“...

Недоезжая три маленьких станции до Армавира, наш эшалон телеграфно уведомили, что путь на Армавир закрыт, ибо там идет бой. Но в то время этого уже не боялись. Товарищи солдаты твердо решили ехать прямо в Армавир. Я уряднику посоветовал не ехать в Армавир, а на последней станции выгрузиться и идти пешим порядком. Казаки, поговорив между собою, отправили урядника к товарищам солдатам и их просьба была уважена. Два вагона казаков были отцеплены, а я, попрощавшись с казаками, пересел к товарищам и поехал дальше.

Надо сказать, что у меня был мною сфабрикованный документ на всякий „непредвиденный случай“, что я — солдат 233 Донской пешей дружины, числящийся в отпуску (в то время находившейся в Екатеринодаре). Все будто пошло гладко, но вот, под самым Армавиром, наш поезд остановили местные рабочие красноармейцы и сообщили, что со стороны Прочноокопской на Армавир наступают „банды казаков“ и хотят захватить власть в свои руки. Нашлись ораторы, начавшие призывать товарищей солдат помочь им. Я увидел, как лихоорочно пошли пригтовления к бою.

Вот эшалон уже в Армавире. Станцию покрыла солдатня и всюду было слышно ликование, что „банды казаков“ уже разбиты. Я втерся в их среду и всюду слышал крики, что „эту казачью сволочь надо с лица земли стереть“...

Уже вечерело. Наш эшалон двинулся дальше на Кавказскую. Поезд шел тихо. Товарищи солдаты на всякий случай установили у дверей вагонов пулеметы и так мы благополучно прибыли в Кавказскую. В Кавказской я „испарился“ и ночью товарным поездом направился в Екатеринодар, куда и прибыл днем. В Екатеринодаре в то время кипела напряженная работа по созданию добровольческих отрядов. Уже были в городе такие отряды, как то: Полковника Галаева, Лесевичского и формировался отряд капитана Покровского. Я явился по назначению и доложил о своей поездке кому следует. Тут я узнал от своего начальства, что служба наша в Областном Правлении кончалась, сужить некому и мы, писаря, теперь свободны. Одни распылились по домам, другие поступили в Войсковое Правительство и другие учреждения, а я пошел и 19 января записался в партизанский отряд капитана Покровского по специальности. Но дни нашего отряда были сочтены. Мне пришлось быть на позиции нашего отряда, на станции „Выселки“, где задерживали наступление красных со

стороны Тихорецкой, а в это время в Екатеринодаре Кубанское Войсковое Правительство эвакуировалось за Кубань, т. е. „пошли в поход“. Мы форсированным маршем, двигаясь вдоль полотна железной дороги, прошли мимо города прямо за Кубань.

За Кубанью, в ауле Шенджий, произошло переформирование нашей Кубанской армии и я попал в 1-й Кубанский стрелковый полк, где я встретил почти взвод моих коллег-писарей „областников“ (а ведь нас было около сотни человек, в поход же пошла одна десятая часть). Что пришлось перенести и пережить за это время я думаю, что все хорошо сами знают...

11 марта около ст. Калужской было соединение нашей Кубанской армии с армией генерала Л. Г. Корнилова. Дух наш поднялся, что мы теперь не одни, а есть с нами русские люди.

Долго мне не пришлось быть в рядах армии. 29 марта в 6 часов вечера в районе кожевенных заводов под городом Екатеринодаром я был ранен в область правой груди товарищеской пулей. Дальше в армии я был не воином, а вернее обузой и наверно был бы оставлен в школе в станице Елизаветинской, где было оставлено много раненых наших добровольцев. Но великое спасибо моим коллегам, писарям хозяйственной части 1-го Кубанского стрелкового полка, забравшим меня из школы к себе на двуколку, на которой я с ними и добрался до станицы Дядьковской. Дальше я был в обозе раненых уже вместе с солдатами Корниловской армии, где я впервые услышал, что не стало генерала Корнилова... Словом дух наш пал.

Я лично видел генерала Корнилова 2 раза и последний раз его видел 30 марта, уже раненый, на молочной ферме под Екатеринодаром. Он на меня произвел такое впечатление, что с ним нет ничего невозможного, не страшны ни огонь ни вода... Он тоже был Сибирский казак...

Продолав таким образом путь отступления от станицы Елизаветинской до станицы Маньчской, дальше я был отправлен в гор. Новочеркасск. Из Новочеркасска, оправившись от раны, снова скорей полетел в свою часть — 1-й Кубанский Стрелковый полк, стоявший в то время в станице Егорлыцкой Донского Войска.

После Троицы наша армия, отдохнув и пополнив ряды, двинулась на Кубань. Сколько было радости, гордость, — не описать пером. Сперва несколько уюрных боев по Ставропольской губернии, а после Новороссийск, где наш 1-й Кубанский полк стал на отдых.

Дальше я уже не был в армии. Согласно приказа Кубанского Войскового Атамана и по ходатайству председателя Правительства Быча мы, писаря, оставшиеся в живых, были прикомандированы к Кубанскому Правительству. Так я снова начал службу в Екатеринодаре до самого отступления т. е. до 1920 года.

За все свое мытарство мне пришлось слышать очень много плохих отзывов со стороны добровольцев-армейцев, а также и их начальников, по адресу казаков и их водителей. Самому пришлось видеть все злодеяния того времени, как верхов Добрармии, так и большевиков. Те и другие почти одним миром марады, только под разными соусами. Мне, как рядовому казаку, было больно и прискорбно слышать и наблюдать их деятельность. Было на этой почве много недоразумений. А если оглянуться назад и подсчитать %ное отношение, сколько было казаков и сколько русских тогдашнего времени в армии на южном фронте, то ясно станет, кто занимал первенство на фронте, — конечно мы, казаки. А все таки мы, казаки, почему-то всегда были виноваты, а те всегда правы. Все мы, казаки, за чужие интересы стояли и всех принимали, а впоследствии нож в спину получали, хотя свое всегда на задний план откладывали. И теперь наши вожди снова зовут нас, казаков, идти строить большой русский дом. Но нет, всему бывает предел и конец...

Надеятся на то, что там, внутри, сам русский народ свергнет красную гидру, вряд ли можно, т. к. вот уже 12 лет, как мы за границей, а там, в России, власть как будто не приближается к падению... Да если бы и пала она и появилась другая власть, то поверьте, для нас, казаков, от того мало было бы пользы.

Значит, русский народ советскую власть признает.

А там, далеко в наших станицах — плач и скрежет зубов. Наши братья казаки взывают о помощи, а мы тут, как провинившиеся школьники, сидим, сложа руки, и молчим.

Так довольно же слушать нам, братья казаки, сказки про белого бычка... Как заявляют наши „вершители“, впереди ничего не видно и сами они — банкроты. Кругом тьма и мрак. Что же теперь нам остается ждать? Пора самим за себя начать стоять.

И вот теперь, среди тьмы и мрака, вспыхнул огонек и все больше и больше разгорается. Это есть печатный орган Вольного Казачества, который смело и открыто выступил на арену и зовет всех казаков опом-

ниться, пробудиться от долгой гипнозной „белой“ спячки“, тесней сомкнуть ряды вокруг него и стать твердо на шлях-дороженьку чисто казачью и раз навсегда освободиться от красных коммунаров и России.

Отныне я — вольный казак. Свои помыслы и труды буду стараться направлять на спасение нашего дорогого Казачества.

Вперед, скорей к заветной цели! Да здравствует Вольное Казачество!..

Дай Бог всего наилучшего в стремлении к намеченной цели.

„Казакья наша цель; Наш девиз — Казачья Воля.“
Кубанский казак С. Ткаченко.

И мое слово к ген. Науменко.

Не буду повторять того, что сказано в № 107 (см. стр. 5). Не я писал, но, соглашаясь со всем в ней сказанным, я под нею подписываюсь.

А я хочу Вам сказать, г. Атаман, что не приказы атаманов или наказных атаманов или Петроградского правительства давали и крепили мощь, силу, энергию, смелость, сметку, сплоченность и единодушие казакам.

Нет! Их давали и их крепили и развивали чуть не столетие Кудиновны и Прокофьевны, да седые деды казаки-рубачи, отломавшие десяток походов.

Бывало, выгонит весною Кудиновна на лужок гусят, а там уж полно детворы, тоже пригнали гусят, и все они гурьбой к ней и давай приставать: — „Бабушка! расскажи нам что нибудь!“

Кудиновна, устроивши гусят, садится; ее моментально окружает детвора; и полются, и зажурчат, как тихие звуки ручья, ее рассказы: о Платове, Бакланове, о насильном переселении казаков на Кубань, о Петре I, Мазепе, Булавине, Некрасове, Разине, Пугачеве и др.

Это была живая история. Ее слова, ее рассказы, благодаря образным выражениям, врезывались в память детей на весь век.

Или, бывало, выйдет и усядется на заваленку Егор Петрович или Федор Аверьянович, белый как лунь, побывавший и в Грузии, и на Кавказе, в Польше, а то и в Финляндии, Венгрии и на Дунае.

А его уже ждет горячая и нетерпеливая молодежь, да и взрослые казаки не прочь послушать человека бывшего, видавшего виды на своем веку.

Все снимают шапки, здороваются с дедом и сейчас с просьбой к нему: — „Как-же Вы, дедушка, на крепость с пиками ходили? Вы так нам вчера и не докончили рассказ!“ — „Да так, милые внучки...“ И начнет дед свой рассказ, а окончивши его, переходит на другой и т. д.

В рассказах принимают участие и пожилые казаки; сообща разбирают „промашки“; разбирают отдельные эпизоды; подвиги отдельных храбрецов, зачастую прямо таки легендарных, забытых теперь, а в свое время не попавших в литературу.

Это была школа казачья, это был тот фундамент, на котором потом строилась слава казачья.

Так слава и и воля родилась,

Так вырос казак удалой,

а совсем не на приказах атаманов.

Но, времена меняются, ушли в могилы деды, добывавшие славу казачеству и отстаивавшие свободу и волю; в сырой земле и Кудиновны с Прокофьевнами; некому изустно передать старые были и на смену им явилось могучее орудие — печать.

Печать приняла на себя их обязанность. Слава и честь ей и наша глубокая казачья благодарность, а также и той казачьей молодежи, которая так ревниво, ярко и смело защищает интересы вольного казачества на правах старобытности. Ими руководит сыновья любовь к своей родине и сознание своего долга перед ней, а совсем не те материальные, шкурные расчеты нашей старшины, к которой, к моему глубокому сожалению, принадлежат 99% наших генералов, продающих за русскую, кацанскую чечевичную похлебку наши казачьи вольности и свободу.

Разрешите мне, старому казаку, сказать Вам, г. Атаман:

Промашку Вы понесли! Вместо великой атаманской благодарности молодежи, Вы их оскорбили, назвавши „большевиками“; а ведь они все горят неподдельной, пламенной, любовью к своей Родине.

И только Ваша нелюбовь, Ваше отрицательное отношение к Родине, Ваша недоброжелательность к ней, которые теперь всем очевидны, могли породить такое оскорбление.

А Вам, мои милые сыны и внуки, мое дедовское от чистого казачьего сердца „спаси Христос“ за Вашу энергию и любовь к Родине; и не бойтесь никого и ничего, кроме Господа Бога и своей совести. Этим правилом я руководствовался во всю свою жизнь.

Вам же братья казаки-деды, скажу: „Прислушайтесь к своему сердцу и еще совесть не зазрит идите к русским, отбросьте свое казачество!“

Примите и Вы, г. Атаман, совет: не вносите Вы развала в среду казаков, а властно и смело прикажите им идти под вольно-казачьи знамена, а помня историю, недавнее прошлое и горькое настоящее, — будьте осторожны и ни на минуту не забывайте, что мы, казаки, от казаков ведемся, а не от беглых „кацапов“ и не забывайте книги Сватикова, она Вам все скажет и укажет по пути ли нам с русским народом, а в особенности с теми русскими, которые здесь в эмиграции так себя именуют.

Мне, признаться, всегда становится совестно за них, когда они называют себя русскими, — ведь (9/10-то истинно русских среди них уж очень то мал, скорее микроскопичен (см. истор. Ключевского), а все это помещики, чиновники, а в общем — потомки тех, которые явились в Россию для ловли счастья и чинов. Ведь стоит только вдуматься и проанализировать фамилии лиц, находящихся в эмиграции, и станет ясно, что истинно русских людей то здесь мало и очень даже, а все это — берги, гофы, — бахи и т. д., все это присосавшиеся к русскому народу. Им было все доступно. Если это „фон“ или „барон“, то уж наверно генерал, а если Иванов или Пастухов, то ему удел капитана.

Али я не прав?

И вот теперь скажите, по пути ли казачеству с этими лицами, которые хотят повернуть колесо истории, а вместе с ним и колесо фортуны в свою сторону. Они говорят за себя, за свою партию, а не за русский народ. За ними его нет. З ними он не пойдет, п. ч. он их знает великолепно. Они прекрасно учитывают то, что их привольная, широкая и спокойная жизнь и существование в России возможны будут лишь тогда, когда за их спинами будет реальная сила в лице казаков с их плетьюми.

Но они жестоко ошибаются, казаки больше не будут жандармами России, а если в будущем казачеству и придется драться с русскими, то только на своей земле, за свое добро, за свой курень, за свою землю, за свою волю.

А посему Вольные Казаки постановили: своим девизом казачью волю, а цель наша, к которой мы стремимся всей душой, это — К а з а к я и я.

Дед Балабин.

„Кавказскому Казaku“.

Мое имя в последнем номере „Кавказского Казакa“ так трепалось разными „авторами“, во всех направлениях и в разных вариациях, что отвечать всем не могу и за неимением времени, и за неимением места. Но ответить, все-же, надо.

Что, собственно, „воодушевило“ всех в моей скромной фигуре? Я — не Начальник Походного Штаба, не Войсковой Писарь Кубанского Войска, не полковник, причисленный к Ген. Штабу, не редактор „Кавказского Казакa“... Наконец, я не выдаю документов, не претендую на водительство, как ген. Шкуро, и угрозами не вымогаю у казаков подписку на „Вольное Казачество“; как это делают в редакции „Кавказского Казакa“...

Просто, повидимому, полк. Соламахин хочет выставить меня прохвостом, а в то же время на моей свадьбе он был моим посаженным отцом, помогал мне в вольноказачьей работе, снабжал деньгами, восторгался моими произведениями, рекомендовал меня, как убежденного В. К. в представители журнала „В.К.“ и пр. и пр.

Что же сей сон значит?.. Я оказался прохвостом, а он, которому я верил и указаниями которого руководствовался, оказавшись „осведомителем“, пребывает в „чистых ризах“ и меня же ругает на чем свет стоит. За что?..

А. Г. Шкуро написал короб невероятнейших „умозаключений“ и, сославшись на своего „волченка“ Александра Беломестнова, не пощадил даже его покойного багюшки. А. П. Беломестнов ответит сам и, выражаясь классически: добродетель восторжествует, порок будет наказан.

Гнат Макуха. „Старый вольный казак“, дважды законспирировавшись, только в стане русских казаков решил выступить открыто от имени своей станицы. Работы его вольноказачьей мы не видели и о ней в Югославии не знаем. Когда в 1929 году он прислал мне списки казаков в Осее, то заявил в своем письме, что не сообщает адреса потому, что ведет работу сам, и просит поэтому обращаться по его только адресу. В результате „самостоятельной“ работы, став атаманом, он увел станицу в противный лагерь. Два года тому назад помогали многим сотрудникам „В.К.“ Нужна ли теперь такая помощь, когда мы в результате благотворительности преобрили тунейдцев и „старых вольных казаков“, у которых рука поднимается на В. К.

Вопрос с „замаранными“ средствами можно разре-

шить мирно. Вы — гнушаетесь, вы — честны перед Россией... Прекрасно. Верните все деньги обратно вольным казакам, и вы будете настоящими русскими патриотами, не опоганившими себя „замаранными“ средствами. Те-же, кто чувствует, что он в свое время, действительно поработал на самостоятельных, пусть себе их оставит как плату: Хорошо и... порядочно! А мы подсчитаем сколько с вас причитается.

Макуха заявляет: „я — старый вольный казак“ и... прядется в стан русских казаков.

„Он — старый вольный казак!.. Но с нами — русскими казаками“... — восклицает полковник Соламахин.

Глядя на их трогательное единение, хочется сказать: рыбак рыбака видит издали... Соламахин и Чапчиков, и Шкуро, и Гнат Макуха, и Кулик... Между ними, казалось бы, пропасти, но у них одна душа и одно сердце, и одни моральные качества. Ведь это — старая Россия: Чапчиков — монархист, Соламахин — демократ, Макуха — благоразумный казакман, Шкуро — военное сословие, Кулик — русский обыватель и т. д. И всем им в действительности далеко до нужд Казачьего Народа, до страданий казаков там, под русскими большевиками, до судьбы своей казачьей страны.

Соламахин указывает на меня, как на ухотившего дважды из В. К. В свое время, я отошел по тактическим мотивам, но когда они отпали, вернулся. Отходя же, оставался вольным казакманом и, несмотря на то, что был сотрудником (литературным) и „Казачьего Дела“ и „Родимого Края“, ни разу не выступил в печати против В. К. Почему? Потому, что знал, что враги наши жаждут бить казаков казачьи-же руками. Пусть этим похваляется „старый вольный казак“. Борьба в Югославии идет, так как сейчас выявляются подлинные вольные казаки, рождаются вольноказачьи организации, открываются „осведомители“ и „старые вольные казаки“. Пришла пора выступить активно и вот... полезли они во все стороны... Где же ты, „старый вольный казак“?.. Слышишь ли ты нас, батьку?.. Эге!.. Слышу, сынку, да только оробив...

У меня одно утешение: перед Казачеством я чист. Отчизну свою люблю, петь о Казачестве не перестану, защищать его национальную свободу — тоже, и купить меня нельзя никакою ценой...

Борис Кондрюцков.

Павел Поляков.

Казачьи фельетоны.

Хотел я „Кавказскому Казaku“ ответить по иному, — да раздумал...

Ругаться — не переругаешь!

Врать — не переврешь!

И решил просто — фельетоном. Простите, г.г. из „Кавказского Казакa“, — что фельетоны мои „гнусны“ и вам не нравятся. Что поделать!

Итак: начну по чинам и орденам, так сказать по ступенькам иерархической лестницы. Спасибо генералу Шкуро — подтвердил, что я с ним не видался и никаких ему постов не предлагал.

Всю эту белиберду выдумал некто чином пониже — полковник! Выдумал и написал. И во вранье попался.

Спасибо Вам, Ваше превосходительство! привет Соламахину передайте. Скажите ему от меня — пусть врет и дальше.

А теперь немножко г-ну Гнату Макухе. Во первых строках сообщаю ему, что с ним я вполне согласен. Правильно он написал. Обидно, что на трудовые казачьи деньги печатается, по его собственному выражению, его „базарщина“.

Знаете, г-н Макуха, и у меня такое же впечатленье сложилось. Много Вы, того... „базарщины“ написали.

А „Кавказский Казак“ не только на „трудовую копейку“ печатается, но еще и из „фонда“ „позаминствовано“... Заминствуют помаленьку. Пока все не разберут. А потом Вам, „старым и опытным“ пообещают „там“ ответ дать! Ловко придумано!

Теперь о „темном брате“.

Обманули его — Вы!.. Сюда привезли — Вы! Казачество погубили — Вы. Величайший в истории крах потерпели — Вы! И нас, молодежь, без родины, без куска хлеба на улицу выкинули — Вы!

Вы — и те, кого Вы выбирали!!

Кому же и за кого краснеть то приходится? Нам за Вас! Ибо Вы до сих пор не поняли или не хотите понять, что Вы обанкротились, погубили казачье дело и обманывали и продолжаете обманывать „темного брата“.

Да будет же Вам стыдно!

Не срамитесь же! Ни пред нами, молодыми, ни перед чужими людьми.

Ибо, слава Богу мы „желторотые“ не „выбирали“ — а „проливали кровь“ не хуже Вас. Да Вам это и самому известно! Не лгите же и не обманывайте „темного брата“. Мне жаль, что именно так пришлось Вам отвечать! Я умею уважать седины! Но вынужден ответить на Вашу „базарщину“.

Кстати, об „ответе“, который Вы „там“ „потребуется“. Неужели же Вы это всерьез говорите?

Если Вы и Ваши „выборные“ опять будут „там“ тем, чем и были, то всякий, „требуемый“ ответа, будет отправлен к Кулабухову... И Вы, г-н Макуха, если вздумаете что либо спросить. И я Вам советую... бросьте грязное дело... Не равен час — Вы нас „туда“ приведете... Познакомят с веревкой. И напишут — „За измену Казачеству“. Так-то! Ежели же мы, вольные казаки, там будем — они туда и носа не покажут. — Рыльце в пуху... Так, что сказки о „первой палке“ бросьте! Это не только для „желторотых“, а уж совсем для младенцев!

Теперь немножко господину полковнику о „беспечальном житии“. Он знает: что устроил он меня в ка-

честве домашнего слуги; что пошел я на это из-за куска хлеба; что обусловил я это тем, чтобы он не говорил моим хозяевам, что я — студент. Ибо на такую грязную работу студентов не берут! А мне — жрать нечего было! И от него же, спустя 3 месяца, хозяева мои узнали, что я — студент. И нашли мне службу, где я и служил 3 года. И во дня в день. Всем, кто меня близко знает, это известно. И господину полковнику. Но ему надо врать и он — врет! Что же, врите, господин полковник. Абы на здоровье. Только сербов, того, не прилетайте! Узнают — научат Вас уму-разуму.

Ведь Вы для них будете всего лишь „рус“ и клетник. И этого достаточно.

Казачья эмиграция.

На В. К. с'езд.

Да будет так, как казаки того пожелают.

Вера без дел мертва есть, а посему на ВК с'езд прилагаю 21 доллар.

Наш наказ:

Не в атамане походном дело, а в согласованности казачьих действий. Вольно-казачий с'езд нас интересует гораздо больше, чем мировой кризис.

Пусть Вас выделяют в кавычки, пусть демагогам называют, это „болезнь“ не опасная. Глубокая вера в свое право родит здоровый дух. В здоровом теле здоровый дух — говорит пословица, — но не меньше и тело здоровеет от здорового духа, а при наличии всего бодрого и здорового организм казачий совершенно спокойно очистится от всяких ярлыков по Вашему адресу, вроде кавычек и демагогов...

Ну, казаченьки, за дело.

Больше силы, больше веры, а мудрость казакам присуща.

От имени казаков **Е. Булавин**. (Нью-Йорк).

Поступило; через Е. Булавина от: Клименко 3 долл., от Пахомова 2 долл., Безридного, Бабенко, Горлова, Белого, Мура, Ченчиковского, Корнилова, Ильинова, Рыжкова, Куренко, Матвиенко, Черныша, Узданова, Гульдьева и Булавина по 1 доллару, Харитонову и Дронова по 50 цент. всего 21 долл.

Получено в коронах ч. = 693 (шестьсот девяносто три к. ч.).

От В. Фролова (из Франции) 10 фр.; от Скнарера (из Франции) 10 фр.; от Т. Хоруженко (Фр.) 10 фр.

В Югославии поступило к П. С. Полякову: от Г. Ф. Голобородько 100 дин., И. Е. Устименко 100 дин., от С. М. Щепихина 30 дин., от разных в. к. 80 дин., от И. И. Александрина 5 дин., от Г. Ф. Анищенко, Н. М. Дмитренко, И. П. Подрезова и Б. А. Кундрюцкова по 10 дин., от Н. Н. З дин., всего 358 динар.

В Болгарии, в Бургасе к Г. М. Александрину поступило: от Г. М. Александрина 50 лева, от Павла Макарова (астрах.) 50 лева, Ивана Доржиева, Влад. Булавина, Ник. Скоробогатова, Мучура Санджарова, Андрея Джаданова и Ильи Неткачева по 10 лева, от Вид. Сухорукова и Г. Островского по 5 лева, всего 170 лева.

В Валянс.

14 июля с. г. гор. Валянс посетил по просьбе казаков представитель журнала „В. К.“ в гор. Лионе А. К. Ленивов и сделал доклад на тему „Казачий вопрос“.

Надо правду сказать, что доклад был построен как бы художником, который говорил казакам о жизни казачьей простым казачьим языком, без московского акцента. Г-н Ленивов указал казакам на истинный каза-

чий шлях, найденный в. к., который уже пять лет освещается лучами света, идущими от нашего казачьего журнала „В. К.“; это единственный казачий шлях, по которому казаки могут попасть к своим родным очагам.

Докладчик также обратил внимание казаков на одну из главных задач — приложить все старания к тому, чтобы как можно скорее состоялся Вольноказачий с'езд, на котором представители от разных Войск продумают совместно свою казачью думушку и вырешат, как можно скорее освободить родные края. Докладчик умело подошел к казачьей спящей душе и разбудил ее.

После доклада г. Ленивов демонстрировал успехи в. к. движения, показав ряд номеров „В. К.“, из которых виден был постепенный рост этого движения и показал номера с фотографиями работников вольноказачьего движения. Он порадовал казаков своей казачьей интеллигенцией и указал на то обстоятельство, что теперь казаки-интеллигенты есть на 100% истые казаки, не то, что интеллигенты „русских казаков“.

Г-н Ленивов перечислил далее ряд богатств казачьих краев, напомнил нам, что мы имеем и чем гордились.

Мы — донские и кубанские казаки — вполне солидарны с идеей Вольного Казачества. Решили отстаивать свое право, свою хату, „свой порог и угол“. Единогласно, без прений, устроили сбор пожертвований в пользу Вольноказачьего с'езда, давший тут же 55 франков, которые и вручили докладчику г-ну Ленивову.

Организовали Вольноказачью группу, для связи с центром Вольноказачьего движения.

Да здравствует Вольное Казачество!

Казаки: **Д. Штоков**, (подп. была неразборчива), **Касихин**, **Кополков**, (подп. не была ясна), **Водяный**, **Самбуrow**, **Мельников** и инициатор организации вольноказачьей группы куб. каз. **А. Додура**.

От Общеказачьей Студенческой Станицы в Белграде.

На станичном сходе, состоявшемся 19-VII-1032 г.

Общеказачья Студенческая Станица, заслушав доклад о написанном полковником Соламахиным в № 8- (109) издаваемой им информации „Кавказский Казак“ в адрес станицы и ее атамана П. С. Полякова, единогласно вынесла следующее постановление:

1. Станица и далее остается при решении, принятом ею 24 марта с. г.

2. Уполномочив своего атамана на ведение вольно-казачьей работы, Станица заявляет, что она солидарна со всем тем, что напишет, или предпримет ее атаман.

3. Обращения к Станице, чьи-бы они ни были, идущие через голову ее атамана, Станица не принимает во внимание. Оскорбления же, ругань и передергивания, направленные в адрес своего атамана, Станица считает нанесенными не только ему, но и всему составу Станицы.

4. Категорически подтверждая заявление своего атамана о том, что ни один студент-казак, член Об-

шеказачьей Студенческой Станицы, не будет вверде присутствовать там, где присутствуют г.г. Кубанский Атаман г-н Науменко или лица, его непосредственного окружения, заявляем, что если обстановка погребует открытого выступления Станицы против клеветы и оскорблений ее или с целью дальнейшего обмана казачьих масс со стороны упомянутых лиц — Станица всегда сделает все от нее зависящее или в полном составе или через лиц, специально уполномоченных.

Подлинный за надлежащими подписями.

С подлинным верно: за писаря Николай Букин.

В Панчево.

В воскресенье, 14-го августа, в тесном кругу казаков в Панчево представитель „ВК“ в Белграде Б. А. Кундрюцков сделал доклад на тему: „Казачество в эмиграции; цели и стремления В. К.“

Казакки пригласили докладчика за неделю раньше и оповестили об этом казаков, сочувствующих ВК. Узнали об этом и противники, которые, во главе с полковником Дьячевским, решили собрание сорвать и не дать говорить и беседовать казакам.

В воскресенье же побывал в Панчево и приехавший из Белграда полковник Соламахин, который со своей стороны, повидимому, воодушевил сторонников Кубанской канцелярии и поэтому все предвещало и „бурю“ и „ветер“, как и назвали себя те два казака, которые вошли на собрание с полковником Дьячевским. Одного из них фамилия Гордиенко (правая рука Дьячевского), фамилия второго присутствующим была неизвестна, но он, назвавшись „бурей“, вполне может такому названию соответствовать всем своим грозным видом и... усами.

Противники долго не решались войти на собрание. Полк. Дьячевский выглядывал из дверей, перегнувшись вперед, всматриваясь в лица присутствующих казаков, потом переступил порог и обратился в требовательной форме к организатору этого доклада Михаилу Ивановичу Махно:

— Как вы смели собирать казаков без моего ведома?... Вы не казак...

— Нет, я казак, — отвечает Махно, — и пригласил казаков побеседовать и послушать докладчика...

— Вы не смели этого делать, я — атаман хутора. (Между прочим, казаки утверждают, что они его не выбрали и что он стал атаманом потому, что, уезжая из Панчева, есаул В. Д. Булатный просто передал ему все дела).

— Г. полковник, — обращается к нему другой казак, — мы ведь давно просили вас нас собрать...

— Для чего нам собираться?... — удивляется полковник... Да мы и собирались, только в другой обстановке...

Что мы будем разговаривать! Наша задача — сорвать собрание. У вас есть разрешение от полиции?... Предупреждаю всех собравшихся, что за окном стоят агенты...

Махно: Нам разрешила полиция!...

Дьячевский: Покажите письменное разрешение...

Махно: Оно у полицейского чиновника, который сейчас придет...

Дьячевский: Посмотрим... Подождем... Садитесь, господа... Когда же он придет? Нам некогда ждать. Уже четверть десятого...

В это время входит полицейский чиновник, корректный и вежливый господин в штатском платье.

Дьячевский: Вы полицейский чиновник?

Чиновник: Да.

Дьячевский: Почему вы не в форме, а в штатском?

Чиновник: Есть полиция и в штатском. Вы кажется много выпили... соды.

(Перед докладчиком сифон соды).

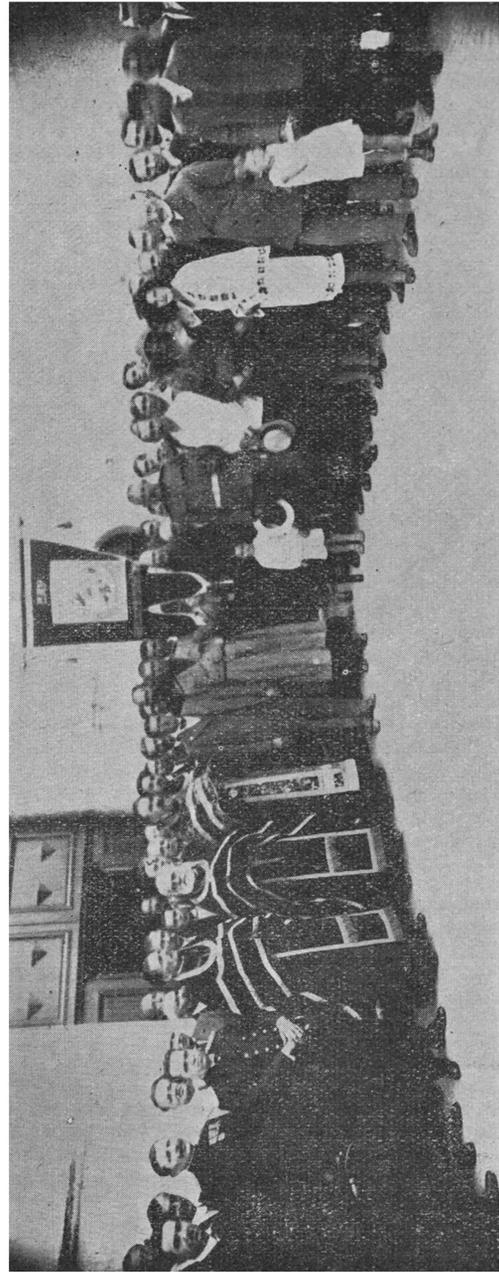
Дьячевский: Разрешено ли это собрание?

Чиновник: Да... Поэтому я здесь...

Дьячевский: Покажите вашу легитимацию...

Чиновник: Как, вы хотите проверять мои документы?... А впрочем извольте...

А вот разрешение на собрание...

Вольноказачья Смедеровская станица подносит хоругвь Сербской церкви. Рядом со священником, около казака, держащего хоругвь, стоит атаман станицы Гнилозуб. Снимок с торжества, описанного в № 108—109 „В. К.“

Дьячевский: А где марки гербовые в двадцать пять динар?

Чиновник: Вот марки... Считаю этот неуместный разговор оконченным. Прошу открыть собрание, уже поздно. Не затягивайте.

Дьячевский и его сторонники сконфужены. „Номер“ или „совет опытных людей“ пропал даром. Все оказалось законным и только своей дерзостью они нанесли оскорбление органу власти.

Когда улеглись страсти, мирно сели „ветер“ и „буря“ и „грозный полковник“, (говорят, что „сам“ Соламахин сидел где то по соседству).

Приехавший приступил к своему докладу. Доклад, осветив положение Казачества, коснулся освобождения славян и докладчик указал, что сербов, чехов и др. спасла та же национальная идея, которую сейчас отстаивают и природные казаки за рубежом.

— Мы должны отбросить всякие партийные расхождения, говорил докладчик, уйти из чужих лагерей и только стремление на борьбу с большевиками, стрем-

ление к национальной казачьей свободе должны стать „верую“ каждого казака. В этом одном наше спасение.

Г. Дьячевский пытался несколько раз перебивать докладчика, но на его выпады внимания не обращалось и только один раз ему было указано, что по принятому порядку сперва выслушивают доклад, а потом задают вопросы и что лучше вести в таких случаях запись.

Дьячевский стал записывать, потом поднялся и, нервничая, покинул собрание. Несмотря на то, что, уходя, он пригласил:

— Пойдемте со мной, господа...

Ушли лишь те, кто с ним пришел. Доклад продолжался и был в 11 часов закончен. Полицейский чиновник записал все, что говорилось, понимая по русски, составил таким образом реферат для полиции, спросил имя и фамилию докладчика, а также фамилию и адрес „грозного полковника“.

— Видите, г. чиновник какими хозяевами они себя считают у вас, в Югославии... сказал Б. А. Кундрюцков.

— Они обманываются на этот счет, — улыбаясь, сказал чиновник.

После доклада казаки угощали приехавшего и только в 1 час ночи добрался он до отведенной ему комнаты и мог отдохнуть после того сражения, которое пришлось выдержать.

Казаки приветствовали вольно-казачье движение, увидели, что оно стоит за правду и надо надеяться, что в недалеком будущем ряды ВК еще пополнятся.

Особенно приятно было видеть, как в труднейшей обстановке дает ростки наша национальная идея. А сколько казаков еще о ней и не слышало!...

К нам, родные, в наши ряды:

Наш девиз — казачья воля, Казакия наша цель.

(Соб. кор.)

В Варшаве.

В редакцию журнала „В. К.“

Чтобы осветить настоящее положение вещей в деле организации так наз. „Центр. Казачьего Комитета в Польше“ и о деятельности председателя комитета г. Аксенова, считаю долгом сообщить, что мне удалось узнать непосредственно в Варшаве, в виду чего прошу не отказать в любезности поместить на страницах уважаемого журнала нижеследующее:

По прибытии в Варшаву пришлось познакомиться с большим недовольством казаков по поводу бессовестной деятельности г. Аксенова, как председателя „Ц. К. К.“ в Варшаве, а в последнее время возмущение возросло, благодаря поступкам последнего, который выдал казака Манякина в руки полиции за то, что Манякин просил свои же заработанные деньги на должности сторожа у Аксенова, а не был нигде зарегистрирован, хотя обязанность регистрации и вписания своего служащего в кассу больных падает на г. Аксенова.

В чем же дело и что это за человек г. Аксенов? Познакомившись ближе с его деятельностью, я убедился, что это прежде всего большой враг в. казачества. Его общественная работа сводилась исключительно к высасыванию казачьих денег в свою собственную пользу. При заложении комитета удалось достать на имя казачьей артели 51000 золотых от Международного Присутствия в Варшаве, но к сожалению деньги не пошли на пользу получающих. Часть, разочаровавшись в Аксенове казаков пошла блуждать по разным комитетам, в результате чего 24.000 золотых перелилось в кассу Русского Комитета. Казначей Комитета не видел денег получаемых, а ревизионная комиссия бессильна что либо сделать. „Всесильный“ Аксенов принимал покорных, отправлял строптивых; если добровольно не уходили, доносил полиции; открывал на свою руку предпрятия; словом, разошлась широкая душа без удержу. Приехавший в Варшаву ст. Александров оказался г. Аксенову „невыгодным“, ибо был вольным казаком. Начал Аксенов придумывать, как бы избавиться от такого „неблагонадежного“ и придумал. По секрету сообщил какому-то казаку, чтобы они не имели — не дай Бог! —

дела с Александровым, потому что он не казак, а иногородний. Пошла полная неразбериха. Между тем, ст. Александров успел завоевать симпатии всех казаков и незаметно стал для них нужным человеком. От Аксенова (противника ВК) откачнулись и тогда пошла настоящая работа вольных казаков. Растерянные и измученные душевно казаки шли по зову ст. Александрова и 14-го августа устроено, при моем содействии, и атамана Августовской станицы ст. Кирьянова — собрание, на котором все единогласно высказались за вольноказачье движение, как единственный путь спасения. Общим постановлением организована в вольноказачья станица, выгнана атаманом станицы ст. Александров.

Враги, которым вольно-казачье движение слишком портило настроение, не спали и делали свое. По каким то непонятным причинам предложено ст. Александрову, как инициатору, помещение г-м Е. в одном редакционном доме, но в момент собрания оказалось, что в этом доме ничего не знают о собрании. Казаки, собравшись толпой на улице, не хотели однако расходиться пошли в „Ц. Казачий Комитет“ к г. Аксенову, чтобы последний дал ключи от помещения Комитета для собрания, но тот категорически отказал, называя собрание „самочинным“, а инициаторов чуть ли не изменниками казачьему делу. Положение было безвыходное. Ст. Александров принужден вторично идти в комиссариат города, чтобы позволили ему устроить собрание у какого либо казака на частной квартире, на что получил разрешение. По 5 часовом ожидании, казаки собрались на чердаке у какого то полака в старом разбитом доме. Собрание, несмотря на препятствия, состоялось.

Сколько же было прочувствованных слов высказано! Это был общий идейный порыв, какого давно не видала казачья колония в Варшаве. Тут и восторжествовала вольноказачья мысль. Госп. Аксенов, после острых слов, высказанных ему казаками, постыдно ушел еще до собрания.

Так после долгих шатаний образовалась вольноказачья станица в Варшаве в чрезвычайно трудных условиях, но выходя из собрания, все легко вздохнули. Каждый унес с собой глубокое моральное удовлетворение.

Теперь ведется подготовительная работа к ликвидации несчастного „Центр. Комитета в Польше“ и привлечении к судебной ответственности Аксенова за злоупотребления.

Бдите, казаки, враг не спит и в минуту вашего малодушия воспользуется вашим хорошим именем, чтобы потом утопить вас в грязи...

Варшава. 15-VIII-32.

Вл. Еремеев.

Загадочное убийство в Софии.

В ночь с 6-го на 7-е августа с. г., в квартале Хаджи Димитр ул. Филип Тотю № 77, 18 летняя девушка болгарка Милка Тодорова Волкова, в своей квартире из револьвера тремя пулями убила казака Григория Ивановича Никонова.

Покойный родился в ст. Кепинской Усть Медв. окр. В. В. Д. в 1891 г. Действит. службу провел в 3 Д. каз. полку, с которым и участвовал в Великой войне. За боевые заслуги был награжден несколькими Георг. крестами. В войну с большевиками за отличие был произведен в сотники.

Преждевременная трагическая смерть его произошла на казаков, живущих в Софии, очень тяжелое впечатление.

Покойного, с которым я почти два года прожил по соседству, знаю, что он был трезвый, работящий и трудолюбивый человек. Имел раньше свою колбасную а последнее время работал в магазине готов. платья у К. П. Крейтора. Был женат на болгарке, с которой, прожив три года, развелся. Знакомства предпочитал вести с болгарками, но много имел друзей и среди русских.

Что послужило поводом к лишению его жизни в злополучную ночь, покажет судебное следствие, рас-

Группа в. к. в Крагуеваце с венком, поднесенным во время открытия памятника павшим Шумадинцам, во главе с представителем „В. К.“ войсков. старш. Чекиным (лежит справа).

поряжением коего убийца задержана и посажена в тюрьму, как за предумышленное убийство.

Между прочим, болгарские послепраздничные вестники: „Последна поща“, „Празднични вестни“ и др. от 9-го авг. поспешили вылить на убитого целые ушаты помоев, называя его Дон-Жуаном, нахальником, якобы в пьяном виде насильно ворвавшимся в квартиру вышеназванной девушки.

Вместо того, чтобы осудить поступок своей соотечественницы, они возвели ее в героиню дня.

Пуще всего разразилась против покойного болгар. газ. „Утро“ от 10-го авг., поместив в ней фотографии убийцы и убитого. Не отстала от них и газ. „Мир“ от 8 авг., написав о нем, что он насильно влез в ее квартиру.

И, удивительно, в газете переименовали имя убитого по своему. Вместо Григорий Никонов, пишут Георг. Николов и Николаев.

Такой поступок болгарских репортеров еще больше влил горя и уныния в наши умы.

Во всяком случае надо надеяться, что право и правосудие в Болгарии восторжествует и убийца понесет должное возмездие.

18 авг. 1932 г. София. Каз. Ф. Е. Бабкин.

О прекращении помощи А. Пивню.

Не откажите в любезности, г. Редактор, поместить на страницах „В. К.“ нижеследующее:

Престарелый А. Е. Пивень прислал мне письмо с приложением подписного листа с просьбой произвести сбор пожертвований в его пользу. Идя ему навстречу, вольные казаки г. Парижа собрали между собой следующую сумму: Ш. Балинов — 20 фр., В. Семенкин — 5 фр., А. Лысенков — 5 фр., И. Евтухов — 5 фр., Т. Евтухов — 5 фр., Харламов — 5 фр., Ульянов — 5 фр., Сташко — 5 фр., Голеннов — 5 фр., Лебедкин — 5 фр., А. Трофимов — 5 фр., Скобелин — 5 фр. и М. Балинов — 5 фр., а всего — 100 фр.

Сумма эта мною послана Пивню, который письмом от 26. VI подтвердил получение означенной суммы и просит меня выразить от его имени искреннюю благодарность всем жертвователям, которые все без исключения являлись вольными казаками.

Не ограничиваясь этим, желая оказать как можно существенную помощь Пивню, как вольному казаку, ре-

шено было сбор средств продолжать среди вольных казаков, живущих в французских провинциях, для чего подписной лист по очереди высылать в места, где живут вольные казаки. В первую очередь подписной лист был послан в Кан (Кальвадос). По приезде моем туда 26. VI для собеседования с казаками, наш представитель там, К. И. Лысенков, вручил мне 35 фр., собранных в пользу Пивня среди вольных казаков: С. (не разборчиво) — 5 фр., К. Лысенков — 5 фр., Килачиков — 5 фр., И. Горбоконов — 1 фр., Зотовой — 1 фр., Мельников — 1 фр., М. Донскова — 2 фр., Н. Артемова — 5 фр., И. Чернышева — 5 фр., а всего 35 фр.

Но после появления в журнале „Кав. Каз.“ (июнь) заявления Пивня, смысл коего сводится к тому, что он, Пивень, числился в сотрудниках „В. К.“, находясь „в добровольном заблуждении“, а потому он ныне выходит из числа сотрудников „В. К.“ и предпочитает оставаться в составе мифического „Союз Кубанских писателей и журналистов“, — все жертвователи мне заявили: немедленно прекратить дальнейший сбор пожертвований в пользу Пивня, а собранную сумму ему не отсылать, а обратиться в „Фонд В. Казачьего С'езда“.

Мотивы такого заявления: вольные казаки благотворительностью не занимаются, как и им никто и ничем не помогает. Если жертвовали в пользу Пивня, то исключительно как своему единомышленнику из за вольноказачьей солидарности. Поскольку он теперь вышел из наших рядов, постолько и наши товарищеские обязанности по отношению к нему кончились.

Лично не совсем разделяя такую точку зрения в данном вопросе, но подчиняясь воле жертвователей, я с сего числа прекратил сбор пожертвований в пользу Пивня, не отосланную сумму в размере 35 фр., согласно воле жертвователей, вручил казначею ОРК в Париже для присоединения к средствам местного фонда В. К. С'езда.

Примите уверение в совершенном к Вам уважении
Ш. Балинов.

5 июля 1932 года.

Выход из состава „Союза кубанских писателей и журналистов“.

С. С. Савицкий сообщает редакции „ВК“, что им послано уже второй раз официальное заявление правлению „Союза к. п. и ж.“ о выходе из его состава.

Ген. Шкуро.

Ваше письмо от 8 прошлого июля не будет напечатано в „В. К.“, во-первых, потому, что по своему „стилю“ оно к нам не подходит, а во-вторых, потому, что оно уже напечатано в июльском номере „К. К.“ (хотя и помечено там 10 июля), что в таких случаях вообще освобождает от необходимости повторять его еще раз.

Точно также Ваш „стиль“ освобождает нас и от полемики с Вами. Тем не менее, в целях установления истины, мы позволим себе привести ниже ответ на один из затронутых Вами вопросов, Именно: редактор „ВК“ получил следующее письмо от Вашего „бывшего волченка“, а ныне студента Александра Беломестнова (к которому Вы взываете в своем письме в „К. К.“ стр. 15):

„Глубокоуважаемый Игнат Архипович! Присоединяясь к заметке Б. А. Кундюкова относительно нашего разговора с ген. Шкуро, с своей стороны подтверждаю, что нами не ставилось предложения о занятии ген. Шкуро должности Походного Атамана вольных казаков, а единственной целью нашего разговора было расширить его личность. Кроме того, мы и не были на это никем уполномочены, действовали по своей инициативе, желая у казаков раз и навсегда рассеять могущие возникнуть неясности и заблуждения от выступления ген. Шкуро... Шлю Вам сердечный привет... Уважающий Вас Ал. Беломестнов. Белград, 29-VI-1932.“

— В своем письме, Андрей Григорьевич, Вы делаете брехунами других, в действительности же, как оказывается, брехуном являетесь Вы.

На этом и ставим точку.

9 и 10-й литературные собрания в. к. в Белграде.

На состоявшемся 9 литературном собрании выступили: П. М. Мерзлякин с докладом о творчестве Юрия Гончарова; С. Кульдинов на тему: Калмыцкий национальный эпос; г. г. П. С. Поляков и Б. А. Кундюков со своими новыми произведениями.

7-го августа состоялось 10-ое литературное собрание, на котором с обширным докладом выступил ст. Н. Ф. Букин на тему:

„Государственное строительство в казачьих землях в 1917—18 и 19 годах.“

После докладчика выступил Степан Ф. Щепихин со своей гармонией. Перед тем, как заиграть, станичник Щепкин сказал: — Станичники!.. С этого момента я — вольный казак, свои способности отдаю вольным казакам. Хлопам пусть играют холопы. На все вечеринки, торжества и проч. я буду приходить и играть вольным казакам бесплатно, а если что мне будут платить, то все те деньги будут мною отсылаться в центр ВК на С'езд. Ни одной копейки я не возьму себе.

Своим инструментом ст. Щепихин произвел на всех сильное впечатление.

После Щепихина выступил Б. А. Кундюков со своим новым сказом: „Щелудяхова слеза“ и сатирой — „Тараканское Казачье Войско.“

Среди присутствующих были гости Студенческой Станицы из провинции: из Крагуеваца представитель журнала Войск. Ст. А. Н. Чекин; из Бечкерка З. П. Кобазев, из Смедерева — атаман станицы Н. Л. Гнилозуб.

Вечером гости собрались в представительстве журнала „В. К.“ и поделились информацией о своей жизни. Ряды вольных казаков растут, но вместе с тем растут и гонения.

— Не мало мы натерпелись на своем веку, — говорят казаки, — меньше осталось. Казачество встало на свою дорогу, взяло свою судьбу в свои руки и никто уже ее из казачьих рук не вырвет. Слава Богу, что мы казаки.

Как казаки вступают в Союз камбатантов без ген. Богаевского.

Лионский журнал „L'ancien Combattant du Rhône et de la Région“ за июль месяц с. г. следующим образом приветствует вступление в свою среду вольных казаков комбатантов г. Лиона:

Nouvelle Adhésion à la F. S. A. M. A. C.
Nous signalons l'adhésion à notre Fédération des Anciens Combattants Cosaques, auxquels nous sonhaitons la plus cordiale bienvenue.

Наш ответ г. Пацапаю.

М. Г. г. Редактор! Покорнейше просим не отказывать в любезности поместить на страницах редактируемого Вами журнала наше ниже следующее письмо:

Ответ атаману из „оппозиции“ общеказачьего хутора в г. Смедерево есаулу Пацапая.

В Смедерево, 11 июня с. г. на собрании „Русской колонии“ г. Поцапай „двинул“ речь: „Самостийное движение считаю преступлением перед Россией и Казачеством, призываю казаков и вас, русские люди, объединиться на борьбу с самостийниками в одно целое. Я, природный казак Поповической станицы, иду по стопам своих дедов и исполняю завет моего отца и никогда не изменю ему“.

Мы, казаки станицы Поповической, считаем своим долгом ответить нашему станичнику да еще природному „пану“ следующее: г-н Пацапай сделал свою вылазку совсем неудачно. Он считает самостийное движение преступлением перед Россией. Как видим, „природный казак“ погорячился и смешал два понятия — Россия и СССР.

Мы, казаки националисты, работаем на возрождение Казачества, но не желанной ес. Пацапаю России. Уже пятый год В. К. поет о здравии, а г. Пацапай, „русский казак“, поет отходную, за улокой. Мы, борцы за казачью Волю и долю, ищем казачьи „метрики“ и истинную историю Казачества, а станичник Пацапай махнул на все рукой и доказывает собранию „Русской колонии“, что он русский человек и „русский казак“.

Что же такое по Пацапаевскому понятию „казак“? Очевидно, что „казак“ — покорный слуга матушки России? — По нашему нет! Казак — синоним свободы, равенства, братства и удалства.

Ес. Пацапай призывал на собрании живых и мертвых идти в поход против самостийников; мы знаем его хорошо, он по привычке тянется перед своими патронами.

Г-н Пацапай рекламировал себя на собрании, что он — природный казак Поповической станицы. Мы, его станичники, категорически заявляем, что есаул Пацапай в станице не жил; его отец, казак-дворянин, как его звали в станице „пан“, появлялся в станицу один раз в десять лет и то от скуки ради, для разнообразия.

„Пан Пацапай“ жил не плоховато; земельки не мало имел, детей своих воспитывал в Петрограде, почему его сынок и сейчас говорит с петроградским акцентом.

Ес. Пацапай ссылается на „завет дедов“. Что же, по его мнению, деды наши заповедали продавать Казачество направо и налево? Нет! так может говорить только московский птенец. Деды наши завещали нам быть истыми казаками и не искать опеки у москалей.

Как говорится „собака лает — ветер носит“, и этот его лай, думаем, что казаки хутора г. Смедерево именно и примут за таковой.

Станичник Пацапай, наш Вам совет: Снимите свой московский духовный „намордник“ и становитесь в ряды вольных казаков, то скорей мы попадем в нашу дорогую станицу Поповическую.

Р. С. Приветствуем через наш казачий журнал своего станичника, джигита Алексея Стибу, который не посрамил седой старины казачьей и стал борцом за казачью правду.

Казаки стан. Поповической А. Додура и Ф. Дацко.
31-7-32 г. Валянс. Франция.

О „Казачьем Набате“.

По поводу последнего (4-го) номера „К. Н.“ редакцией „В. К.“ получено несколько писем. Одни советуют возражать и возражать категорически. Другие не менее настойчиво советуют... не обращать внимания.

С нашей точки зрения правы вторые. Дело в том, что основной задачей „К. Н.“ является „полемика“. С кем, по какому поводу — все равно, лишь бы завязался „спор“.

Напр., „фактическая сторона“ четвертого номера „К. Н.“ в той ее части, которая „относится“ к вольнокозачьему движению, спрошена в выдумка. Эта „фактическая сторона“ никакого отношения к нам не имеет. Вот почему вступать в спор с „К. Н.“ нам не о чем.

Как исключение, даем место в настоящем номере только статье Ш. Балинова.

Из жизни калмыков в Белграде.

В конце июня, гелюн Калмыцкого Буддийского храма С. Меньков в тесном кругу своих знакомых калмыков справил свой 15 летний юбилей со дня принятия духовного сана. Санжа Галадаевич Меньков, энергичный и честный деятель, известен всем, кто с ним соприкасался, как калмык-патриот, преданный своему народу.

Речи произносили Бакша Умальдинов, (охарактеризовавший роль духовенства в жизни калмыцкого народа), др. Эрдне Николаев, Учур Игнатов и др.

17-го июля, Правлением Калмыцкой Колонии был устроен чай по случаю приезда группы калмыцкой учащейся молодежи из Чехословацкой Республики. Полк. Алексеев приветствовал приехавших от имени Колонии, затем слово взял прибывший из Парижа Бакша Нимбушов. В своей речи Бакша Нимбушов коснулся той национальной задачи, которая падает на плечи калмыцкой молодежи и пожелал им и в дальнейшем не останавливаться на пути, а продолжать образование, чтобы быть полезным членом калм. народа в будущем его строительстве.

Гелюн Меньков объяснил с своей точки зрения значение и смысл данного торжества, а ст. Кульдинов подчеркнул необходимость сближения всех калмыков между собой и выразил надежду, что подобные собеседования и обмен мыслей будет совершаться чаще и в будущем.

— В сознательной дружной работе, сказал Кульдинов, лежит залог успеха и в таком только сознательном отношении к общему делу, будет крепость государственного бытия калмыцкого народа и дальнейшее развитие его по пути к национальной свободе.

Говорили г. Николаев, Игнатов, Умальдинов и др. Отвечал абитуриент Дон. корпуса — Дакугинов Току.

(Соб. кор.)

Братьям-казакам.

Многоуважаемый станичник Редактор!

Не откажите в любезности поместить в Вашем уважаемом журнале „ВК“ следующее:

Много раз казаки обращаются с просьбой ко мне о том, чтобы я им сделал одолжение и повеселил игрой на гармонии.

Рад душой каждому казаку услужить, но только разрешите поставить маленькие условия.

По окончании веселья, какого бы рода оно ни было, приглашавшие должны оказать мне за мои труды добровольное пожертвование кто сколько может.

Все эти деньги буду высылать непосредственно в редакцию „ВК“ на вольно-казачий С'езд.

Меня звали многие, но я пойду не ко всем, а только к Вольным.

Холопам пусть играют холопы.

Братья казаки! Все мы читаем журнал „ВК“ и по этому, вероятно, каждый встречается в статьях где пишут наши казаки, что будем кузнецами сами своего счастья (Качавский хутор № 104 „ВК“).

Казак гармонист С. М. Щепихин.

Раз это так, то давайте же, братья вольные казаки, за это дело возьмемся серьезней; если дружно будем ковать, то этим же мы поможем самим себе и нашим подневольным братьям казакам, а в этом и заключается наша цель.

Братья казаки! Посылаю еще 30 дин. на С'езд, и советую Вам всем беритесь за это правое дело дружней, помогайте пожертвованиями своему же счастью как и кто сколько может.

Не забывайте, что только в этом будет наше спасение.

Господин Редактор примите глубокое уважение в искренности к Вам. Казак Куб. Войска

Стефан Михайлович Щепихин.

От Кубанской станицы в Париже.

(Печатается по просьбе Правления станицы).

ПОСТАНОВЛЕНИЕ.

1932 г. июля 24 дня, Правление Кубанской ст-цы в Париже в заседании своем сего числа, под председательством атамана ст-цы есаула Збронского и членов: Ф. Чернова, Е. Черткова, А. Затенко, П. Гладкова и А. Огиенко, ознакомившись с некоторыми интервью полк. Елисеева, данными им русским и французским газетам, и выдержками из показаний в судебно-следственных установлениях, видим, что полк. Елисеев, вместо того, чтобы оградить имя Кубанского казачества от связи его с убийцей г. Президента Французской республики, наоборот, как бы старается доказать, что Горгулов действительно казак, в то время, как ни одно из свидетельских показаний этого не подтверждает, за исключением утверждения (самого) убийцы.

В последнем интервью в газете „Paris Soir“ полк. Елисеев довольно смело заявляет, что он „жил в ст-це Лабинской“, „Командовал Лабинским полком“ в то время, как в действительности, полк. Елисеев в ст. Лабинской никогда не жил, а Лабинским полком командовал в начале 1920 года всего несколько месяцев до момента сдачи его с этим полком большевикам на Черноморском побережье.

В этом же интервью полк. Елисеев излагал очень неудачно „Историю“ Кубанского Войска, выставил казаков в довольно неприглядном виде, сравнил их с бандитами.

Там же полк. Елисеев заявляет, что он является „начальником Комитета казаков Кубани во Франции“. Нам известно только, что полк. Елисеев является пред-

седателем „Общества ревнителей Кубани“, очень мало-численным по своему составу, и никакого влияния на общественную жизнь кубанцев во Франции не имеющего.

Мы, Правление Кубанской станицы в Париже, заявляем, что полк. Елисеев, отличаясь большим карьеризмом, давал свои показания и интервью далеко не с целью выяснения личности преступника Горгулова, а с единственной целью саморекламы (что неоднократно было отмечено), забыв о том, что такая необдуманность в поступках может пагубно отразиться на кубанских эмигрантах во Франции.

Кроме того, имеющиеся у нас сведения о политическом поведении полк. Елисеева в период с 1917 года до перехода границы Финляндии, при побеге от большевиков, вызывают у нас сомнения в его морально-политической чистоплотности.

Все вышеизложенное внушает нам опасения, что в случае выступления полк. Елисеева на суде в качестве свидетеля, его показания, не внося никакой ясности в дело выяснения личности преступника, могут нанести большой моральный ущерб казакам, живущим во Франции, а потому мы заявляем наш протест против выступления полк. Елисеева в качестве свидетеля на процессе Горгулова.

Мы заявляем протест против изуродования полк. Елисеевым истории Кубанского Казачества, так как он, полк. Елисеев, вздумал быть кубанским историком, не будучи к тому подготовлен по образованию.

Атаман станицы, есаул Збронский.

Члены правления: Ф. Чернов, А. Огиенко, П. Гладков, А. Затенко.

С подлинным верно: писарь Е. Чертков.

Еще один.

† С. Н. Лебеднец.

13-VII-1932 г. в окружной больнице в Скоплье умер мл. урядник Степан Никитич Лебеднец, ст. Ново-Джереливской К. К. В. (род. 28. XII. 1898 г.). Покойный прошел всю „белую“ эпопею, был и о. Лемносе, попал в в Югославию и горбом зарабатывал кусок хлеба, не теряя надежды возвратиться на свою Родину — Вольную Кубань. Но заболел сахарной болезнью и в бедных материальных условиях, будучи больным, вынужден был работать, а в конце концов слег в больницу, где и умер после нескольких месяцев безуспешного лечения. Похоронен на местном кладбище.

На похороны пришло нас всего 5 казаков (два с женами) и жена умершего со своими родственницами.

К стыду атамана здешней станицы М. Сергиенка необходимо заметить, что не только сам не изволил присутствовать, а даже из правления станицы ни одного представителя не удосужился прислать! (хотя бы для видимости!) О смерти же покойника знали почти все.

Мир праху твоему, забытый всеми, одинокий брат-казак, Степан! Пусть легка тебе будет братская лаванская земля.

Я. К.

Поправка.

До Вельмишановного п. Редактора журналу „Вільне Козацтво“.

Ласкаво прошу Вас, п. Редакторе, не одмовити помістити на сторінках чергового числа Вашого журналу наступну поправку до его слова, приведеного в статті „Праздник Смедеревской общеказачьей станицы“ в журналі число 108—109, бо рахую що п. Н. Евсеев без злого наміру не точно передав мое слово на цім празнику, не маючи змоги точно все записати, не будучи стенографом, і встановляв собі по пам'яті уже відіхавши домів.

Говорив я на сербській мові і, між иншим сказав: „Ми бачимо тут єднанне, єднанне лише українців і вольних козаків, що горять бажаннем допомогти своїй нації позбавитись од окупації всесвітнього ала — комуністів; ми знаємо, що тут досить живе і москалів, але деж вони? Між нами я не бачу ні одного з них... В часи, коли ми вели оружно боротьбу з комуністами на своїх теренах, ми теж їх не бачили між нами, бо були вони по бік комуністів, а коли і мали між собою росіян, то це — старшини, що втекли до нас урятувати своє життя од комуністів, та в кінці на лихо ж нам і прислужились. Тепер їм прикро дивитись, що ми, Українці, і ви, козаки, зі своїми народами не порвали, уважно стежимо за його муками у комуністичному ярмі і готуємось, щоб у слушний час подати йому поміч у остаточній визвольній боротьбі. Ми, українці, та бачу і Ви, козаки, ми боротьбу не конче прикоротили за свої національні ідеї, лише у силу обставин мушили її припинити у вигляді наоружнім, але цю боротьбу з комуністами ми провадимо і далі у формі розвитку національного почуття, щоб ще з більшим запалом і самопожертвою стати на захист своєї Батьківщини, коли на то прийде час і коли нас буде покликано...“

Далі, між иншим, я сказав: „Ми уже довгі роки живемо між братнім Югословенським народом; знаємо, що світова криза тяжко відбилась і на страні, що гостинно нас приймила, і хоч терпить нужду, але ж нам допомагає чим може і за те ми Югословенському народові маємо бути вдячні; ми повинні глибоко заховати в душі своїй велику і ширю подяку цій благородній страні за те, що вона нас приймила, дала можливість спокійно жити не забороняючи організуватись для життя своїми національними ідеями і цю велику подяку ми в душі своїй однесем з собою і відкриємо нашому народові там у нас“.

...„Страна, що дала нам притулок, довго була під турецьким ігом і визволилась вона завдяки своїй надзвичайно високій національній свідомості. Отже з історії сербського народу нам треба повчитись націоналізму та перейняти волею цього народа до національного відродження... Сьогодні, на знак нашої подяки Югословенському народові за гостинність — ми спільними силами піднесли образ-хоругв святих церкві у Смедереві українці й вільні козаки найшли загальний язык, щоб зговоритись і об'єднатись для осягнення своїх національних ідей; в останні часи вони почали біситись з того, що ми не ідемо за провідними персонами їхніми та за общевоїнським союзом і робимо ставку лише на свою націю і наші національні інтереси. В дальшій майбутній боротьбі з комуністами ми знову останемось без „Центральної Росії“, бо вона на протязі всієї горожанської війни ні разу не виявила свого бажання позбавитись од большевиків, зразу покорилась їхній владі, проти большевиків не повставала і, хто знає, може інша влада їм і не бажана. Тому цілком розумливо, що коли на протязі от уже п'ятнадцяти років Україна і козачі землі палають в огні страшної боротьби з комуністами за своє од них визволення, то цім вони ясно показали всьому миру, що идея комунізму для них не приемлева, влада комуністична на Україні — чужинецька і урятувати себе як націю можна лише відокремленням од большевиків, що Україна й вчинила з першого ж дня повстання большевицької влади і ці-

кавитись справами московськими цілком перестала. Таке становище дуже не до смаку москвинам і, в частности, Смедеревська колонія хотіла б національний рух українців і козаків за всяку ціну задусити бо хоч у Смедереві. З цім наміром руска колонія виключила зі свого складу „всех самостійників“ (хоч вони до неї і не належали) і зробила доноса місцевим властям, що українці і вільні козаки є елемент нелегальний і провідників їх треба кудись вислати зовсім із Югославії.

Ніякі міри нас, націоналістів, не заставлять одвернутись од своїх національних ідей і у імя їх ми готові на все. Нам, брати козаки, проти наших гнобителів-комуністів по дорозі і ми найдем в собі сили од них позбавитись не злигуючись з „Обшевоїнським союзом“, що постав фікцією після того, як українці та ви козаки од нього одступились, а залишилися ще до якого часу не нашедші себе наші нечислені маляроси та „невольні козаки“.

Отцім поправляю неточність приведененого паном Евсеевим у числі В. К. 108—109 мого слова та заразом категорично спростовую таку будто мою фразу, яку я за свою не визнаю: „Если мы возьмем историю, то увидим, что нас покорил русский народ“ і т. д. Такої фрази я не міг сказати тому, що добре знаю, що Україна ніколи не була покороною руским народом, а року 1654 при Гетмані Б. Хмельницькому приєдналась до Москви під протекторат царя московського на певних умовах у Переяславі, і що цих умов Москва не дотрималась.

Прошу прийняти запевнення у моїй до Вас щирій прихильності і поважанню. Шануючий і готовий до послуг

Ф. Я. Чорний.

23-VII- 1932. Смедерево.

Ответ Чапчикову.

М. Г. г-н редактор! Прошу поместить в дорогом для меня журнале „ВК“ нижеследующее:

Разлюбезный Григорий Иванович, даю вам ответ на вашу жалобную статью, которую вы поместили в своем „Казачьем Набате“ № 4 за 30 июня. Напишу я коротко и ясно. Если вы, Григорий Иванович, „какого то Болдырева“ не знаете, то не говорите правду. Поглядите так, когда будете один, на себя в зеркало, может увидите, что вы покраснели от сознательного притворства. Вы мои нападки на вас лично хотите так повернуть, чтобы это было на все Казачество. Нет, я только вас касаюсь, а не всего Казачества. При чем же тут, в ваших грабежах, насилиях и сечениях невинных людей все Казачество? Слава Богу, не вы представляли и не представляете Казачество. Вы даже не стесняетесь называть меня, простого честного казака, самозванцем п провокатором. Я не самозванец. Я сын Тихого Дона, служил в Калединском полку, в 4-й сотне, а командиром сотни у нас был войсковой старшина Агапов. (Возможно, что вы меня не знаете, потому что Врангель мне руку не жал и я за это, как вы, не

лез из кожи, не грабил и не порол крестьян). Если вы, будучи редактором листка, научились вкладывать в чужие уста слова, которые ими не говорились, то не думайте, что мы, казаки, так глупы и не понимаем, что относится к Чапчикову и что к Казачеству.

Мы, вольные казаки, знаем за что идем, каждый из нас скажет: „Наш девиз — Казачья Воля, Казакия — наша цель“. Коротко, ясно и свято. А вот вы и ваши не можете толком объяснить чего хотите. Я знаю, что вы идете и зовете нас к холопству у беззастенчивого царя Кирилла. Скатертью вам дорога! Вам нравится быть царским рабом, а мне быть вольным казаком по гроб жизни. Больше я с вами, после того, как вы хотели нагло отказаться от казака своего полка, потому что я выложил ваши Крымские „художества“, разговаривать не желаю.

Вольный казак Иван Ан. Болдырев.

Розыски.

Павел Фомич Аблаухов, казак Луганской станицы, Герасимова хутора ВВД розыскивает: Георгия Павловича Аблаухова, Александра Афанасьевича Аблаухова и Петра Павловича Апостолова.

Кто знает их местопребывание, пусть откликнется по адресу: Ing. с. Michail Golitsyn pro Ablachova, Příbram III, č. 223, Tchecoslovaquie.

„Кубанская старина и современность“

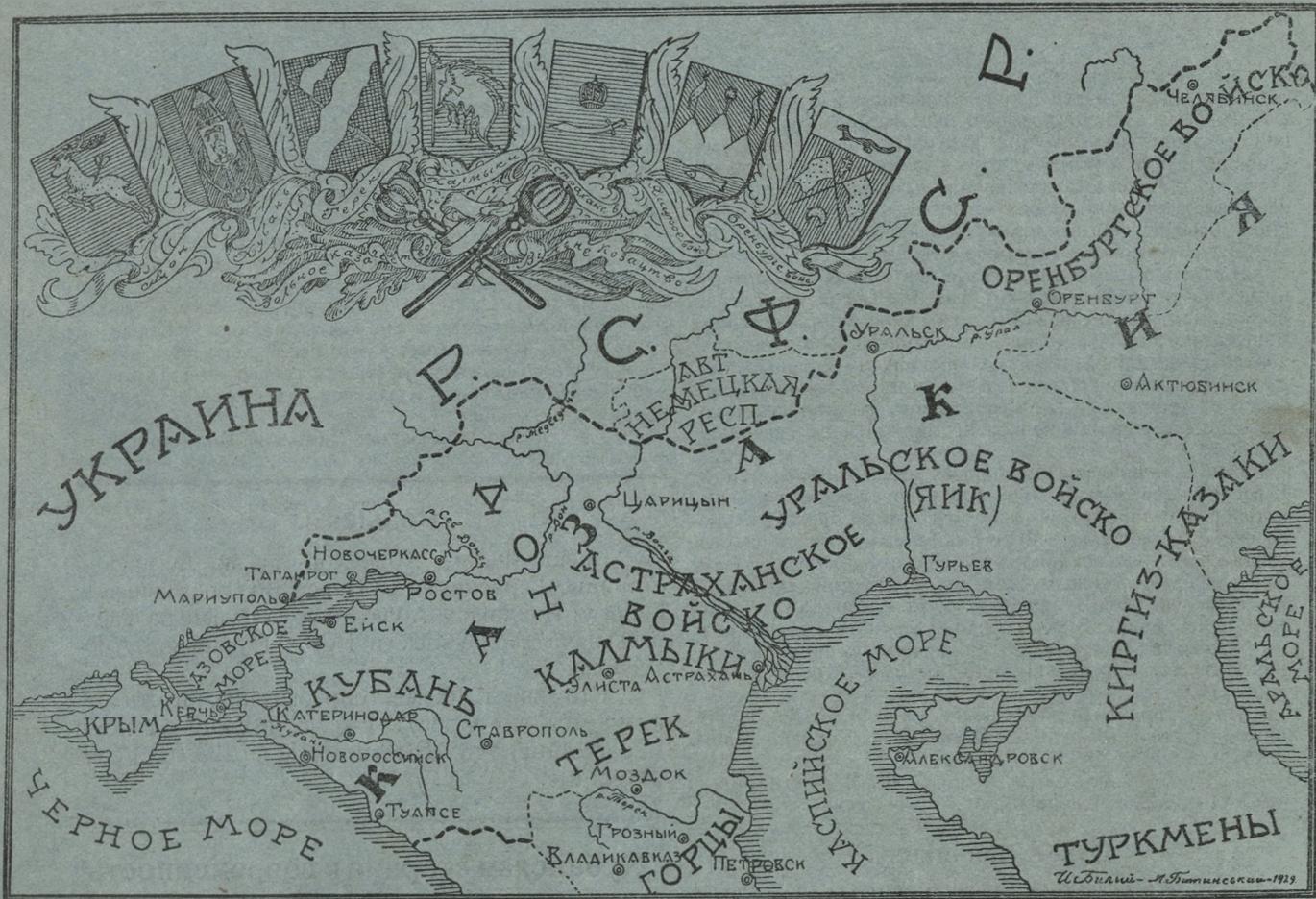
Ввиду предстоящего полного отчета и ликвидации дел по изданию „Куб. стар. и совр.“, редакционная комиссия просит организации и всех лиц, получивших журнал и не уплативших за него своевременно, поспешить теперь же с высылкой денег и непроданных номеров.

Комиссия надеется, что ей не придется более напоминать об этом своим подписчикам, а тем более прибегать к иным методам взыскания принадлежащих обществу сумм.

Адресовать: France. M-r Gladkoff. 1, rue de Lourmel. Paris (15).

Ред. Комиссия.

● КАЖДЫЙ ВОЛЬНЫЙ КАЗАК ДОЛЖЕН ПОДПИСАТЬСЯ НА СВОЙ ЖУРНАЛ! ●

Открыта подписка
 на иллюстрированный журнал литературный и политический
„ВОЛЬНОЕ КАЗАЧЕСТВО – ВІЛЬНЕ КОЗАЦТВО“
 выходит 10 и 25 числа каждого месяца.

Условия подписки:	на 6 мес.:	на год:	цена отдельного номера:
В Чехословакии	40 кч.	80 кч.	5 кч.
Во Франции	40 фр.	70 фр.	4 фр.
В Югославии	60 дин.	100 дин.	6 дин.
В Болгарии	100 лева	200 лева	10 лева
В Румынии	200 лей	300 лей	20 лей
В Польше	10 зл.	20 зл.	1 зл.
В Германии	5 мк.	10 мк.	0.50 м.
В С. Америке и др. странах	2 долл.	3 долл.	0.20 долл.

Отдельные комплекты за 1930 и 1931 годы продаются: в Ч. С. Р. по 100 к. ч.
 за год, а за границу — по 4 ам. доллара.

Подписную плату посылать по адресу: „Vlné Kozáctvo“, Hradecká 2207,
 Praha-Vinohrady, Tchécoslovaquie.